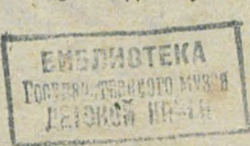
Баккаревич, М.Н.

изъ
книгъ Петра Васнова

РАЗГОВОРЫ
О
ФИЗИЧЕСКИХЪ
И
НРАВСТВЕННЫХЪ
предметахъ.

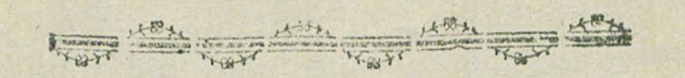
ИЗДАНЫ
ДЛЯ
ДѢТЕЙ
И ВЪ ОСОБЕННОСТИ
ДЛЯ
ВОСПИТАННИКОВЪ
Университетскаго Благороднаго
Пансіона.

МОСКВА, 1800.
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.



Съ дозволенія Московской

Цензуры.



ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

На всѣхъ почти иностранныхъ языкахъ — разумѣется, у народовъ просвѣщенныхъ — есть книги, изданныя единственно для чтенія дѣтей, и извѣстныя вообще подъ названіемъ *Христоматій*: у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще ничего подобнаго. Не льзя жаловаться, чтобы мы бѣдны были собственными сочиненіями: Авторы наши неупомимы; много выходитъ на нашемъ языкѣ книгъ, въ числѣ которыхъ есть очень хорошія, и можно сказать прекрасныя; но всѣ онѣ не для дѣтей. Иная слишкомъ пространна; иная слишкомъ важнаго содержанія; иная чрезъ мѣру, кажется, изобилуетъ *славянизмомъ*;

вЪ иной пастухЪ слишкомЪ нескроменЪ и забываетЪ благопристойность; вЪ иной. . . . такЪ, что когда понадобится дать что нибудь дѣтямЪ вЪ руки для чтенія — сообразное ихЪ понятію, наставительное, пріятное и написанное чистымЪ РускимЪ слогомЪ: то благоразумные Родители и Воспитатели приходятЪ вЪ недоумѣніе, и со вздохомЪ говорятЪ: *у насЪ нѣтЪ еще ничего такого!* — — Естьли здѣсь вздумаетЪ кто нибудь сказать мнѣ, что у насЪ есть *Дѣтское Чтеніе*; — *Начальное Руководство Базедово кЪ наставленію юношества*; — *Дѣтская Библіотека Кампова*, и проч.: то я буду отвѣчать ему, что *Дѣтское Чтеніе* прекрасно, но что оно слишкомЪ многотомно, и не всякой вЪ состояніи имѣть его; а притомЪ скажу ему смѣло, что и вЪ самой этой книгѣ есть много та-

кого, чего не льзя позволить дѣтямъ читать, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени. Что жъ касается *до Начальнаго Руководства Базедова и Дѣтской Библіотеки*: то извѣстно, что первое также слишкомъ пространно и писано совсѣмъ для другой цѣли; а послѣдняя хотя и годится, но только для самыхъ еще малолѣтныхъ. Сверьхъ того не должно забывать, что это все почти переводы, и притомъ не всѣ хорошіе.

Желая вознаградить, хотя нѣсколько, недостатокъ толь нужной на нашемъ языкѣ книги, и въ особенности желая доставить Университетскому Благородному Пансіону что нибудь не совсѣмъ худое для чтенія въ Рускихъ классахъ, среднихъ и нижнихъ, я издаю въ свѣтъ *Разговоры о Физическихъ и Нравственныхъ пред-*

метахъ (*). Не стану хвалить ихъ: не все то хорошо, что хвалятъ; и не все то худо, чего не хвалятъ. Скажу только, что тѣ изъ нихъ, кои отмѣчены въ *оглавленіи* знакомъ *, всѣ Рускаго сочиненія: остальные жъ хотя въ строгомъ смыслѣ и не могутъ назваться отечественнымъ нашимъ произведеніемъ; однако они такъ переработаны, что и ихъ должно почесть больше, нежели за переводы, или лучше сказать, и ихъ можно нѣкоторымъ образомъ причислить къ Рускимъ сочиненіямъ.

Сокративъ нѣсколько прекрасный *Разговоръ* Г. Карамзина *о щастіи*, то есть, выпустивъ изъ него только то, что пока-

(*) Всѣ эти разговоры произнесены были Воспитанниками Университетскаго Благороднаго Пансіона въ публичныхъ его актахъ и концертахъ.

залось мнѣ лишнимъ въ книгѣ, издаваемой для дѣтей, я помѣщаю его здѣсь съ дозволенія почтеннаго Автора, не имѣя впрочемъ нужды ничего въ немъ перемѣнять.

Разговоры сіи, по ихъ содержанію, раздѣлилъ я на двѣ статьи: въ первой помѣщены разговоры *Физическіе*, на примѣръ, о Воздухѣ, о Снѣгѣ; а во второй *Нравственные*: о Добромъ сердцѣ, о Щастіи, и проч.

Естьли издаваемая здѣсь мною книга не покажется безполезна; естьли почтенная Публика, а особливо здравомыслящіе Родители и Наставники, и то *Мѣсто*, въ которомъ имѣю честь служить и для котораго въ особенности издается она, удостоятъ ее благосклоннаго пріема: то это послужитъ мнѣ лестнымъ обод-

реніемЪ, и я со временемЪ постараюсь издать, между прочимЪ, *настоящую Рускую Христоматію*, то есть, книгу, вЪ которой помѣщены будутЪ одни отборныя Рускія сочиненія, вЪ стихахЪ и прозѣ, соразмѣрныя притомЪ понятію дѣтей.

Издатель.

1799 года,

24 Августа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Первое отдѣленіе.

РАЗГОВОРЫ ФИЗИЧЕСКІЕ.

Второе отдѣленіе.

РАЗГОВОРЫ НРАВСТВЕННЫЕ.

(*) Разговоръ *о Снахъ* есть болѣе *Метафизической.* Читатель проститъ, что я его отнесъ *къ физическимъ*, естьли разсудитъ, что для одной піесы не хорошо дѣлать особое отдѣленіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РАЗГОВОРЫ

ФИЗИЧЕСКІЕ.

I.

РАЗГОВОРЪ

О

ВОЗДУХѢ.

РАЗГОВАРИВАЮЩІЕ:

ДОБРОСЕРДЪ, *другъ и наставникъ дѣтей.*

БЛАГОНРАВЪ, ЛЮБОПЫТОВЪ, ОСТРОУМЪ и ДОМОВИТОВЪ.	*Дѣти.*

Добросердъ выходитъ съ одной стороны, а дѣти съ другой.

Дѣти всѣ. Ахъ! какъ вы кстати, Г. Добросердъ!

Любопытовъ. Мы вамъ очень ради.

Добросердъ. Каково поживаете, любезные друзья? Я самъ не менѣе радъ васъ видѣть. Да что такое? На лицѣ у васъ написано любопытство, и естьли не ошибаюсь, вы хотите меня о чемъ-то спрашивать. Я къ вашимъ услугамъ.

Любоп. Вы угадали. Съ нами случилось сего-дни маленькое приключенїе, котораго мы растолковать не умѣемъ. Вы конечно не откажетесь удовольствовать наше любопытство.

Доброс. Со всею охотою, со всею охотою. Да въ чемъ дѣло?

Любоп. Вотъ въ чемъ. Давича попался мнѣ какъ-то вѣеръ; я не нарочно махнулъ, и мнѣ крайне удивительно показалось, что хоть я и не касался имъ лица, однако чувствовалъ, будто до него что-то дотронулось. Я ма-

халъ еще, еще, и все выходило одно. Я побѣжалъ къ нимъ, (*указывая на другихъ дѣтей*); мы всѣ махали вѣеромъ, и всѣ чувствовали то же, но изъяснить никакъ не могли. Это для насъ пренепонятная загадка. Вы вѣрно растолкуете намъ. . .

Дѣти всѣ. Сдѣлайте милость, Г. Добросердъ.

Доброс. Я уже сказалъ, что мнѣ пріятно служить вамъ. Я люблю разсуждать съ вами и охотно готовъ изъяснить теперь, что для васъ такъ кажется непонятно; только съ условіемъ. . . .

Дѣти всѣ. Что такое, Г. Добросердъ? Извольте, извольте.

Доброс. Съ условіемъ, чтобы вамъ впередъ быть внимательнѣе, когда станутъ говорить при васъ что нибудь полезное.

Благонравъ. Какъ-съ? развѣ вы замѣтили когда нибудь, что мы не слушаемъ?

Доброс. Случается. Естьлибъ, на примѣръ, третьяго дни, когда Г. *Здравомыслъ*, *Праводумъ* и я здѣсь разговаривали; естьлибъ вы слушали

насъ поприлѣжнѣе; естьли бы ты, Г. Благонравъ, пересталъ рисовать; ты, Г. Любопытовъ, пересталъ перебирать свои книги; ты, Г. Домовитовъ, отложилъ бы до другаго времени окончанїе своего плуга, а ты, Г. Остроумъ, своей мѣльницы: то вы вѣрно не имѣли бъ нужды въ объясненїи, котораго теперь отъ меня требуете.

(*Дѣти молчатъ.*)

Домовитовъ. Виноваты, Сударь, виноваты. Но скажите пожалуйте, развѣ вы говорили тогда о томъ, что дотрогивается до лица, когда на себя вѣеромъ машешь? —

Доброс. Да, мы говорили кое о чемъ такомъ, изъ чего бы вамъ и это не трудно было понять.

Остроумъ. Впередъ станемъ мы прилѣжнѣе слушать, что будутъ при насъ говорить добраго; а теперь пожалуйте, Сударь, скажите, о чемъ вы тогда говорили?

Доброс. Мы говорили — о *воздухѣ*.

Любоп. А! теперь-то я вспомнилъ: вы говорили о воздухѣ, о воздухѣ.

Доброс. Да помнишь ли ты, что мы объ немъ говорили?

(*Любопытовъ задумывается.*)

Домов. Извольте, я скажу. Вы говорили, что воздухъ — (*останавливается*) погодите — я — тотчасъ вспомню — вы говорили (*останавливается опять*) — вы говорили, что воздухъ — — — *тѣло.*

Доброс. Изрядно. А еще что?

Домов. (*Думая и стараясь вспомнить:*) Что воздухъ — —

Любоп. (*Перебивая Домовитова:* Однако скажите пожалуйте, какъ воздухъ можетъ быть тѣломъ? Развѣ есть еще иныя тѣла, кромѣ тѣхъ, которыя люди и другія животныя имѣютъ?

Доброс. Все, что ты видишь, слышишь, обоняешь, осязаешь и вкусомъ чувствуешь, все это называется *тѣломъ.*

Остр. Мнѣ кажется, я это когда-то ужъ слышалъ.

Доброс. Статься можетъ. Объ этомъ-то самомъ, между прочимъ, и говорили мы тогда, какъ вы занимались своими дѣлами и насъ не слушали. — Почему жъ человѣческое тѣло называется тѣломъ? Кто мнѣ скажетъ?

Благонр. По тому, что его можно осязать.

Доброс. А кусокъ сахару, что такое?

Благонр. Также тѣло.

Доброс. Почему?

Благонр. Я чувствую вкусомъ, что сахаръ сладокъ.

Доброс. А цвѣтокъ, которой у васъ въ комнатѣ на окошкѣ, будетъ ли тѣло? Какъ ты думаешь, Г. Домовитовъ?

Домов. Будетъ; потому что я его обоняю.

Доброс. Теперь замѣтьте еще, что тѣлами называются особливо тѣ вещи, которыя можно брать въ руки, осязать и видѣть. Разумѣете ли вы меня?

Дѣти всѣ. Разумѣемъ, — какъ не разумѣть?

Доброс. Понимаешь ли ты теперь, Г. Любопытовъ, что воздухъ тѣло?

Любоп. (*Подумавши:*) Нѣтъ, я не могу еще этова понять. Какъ воздухъ можетъ быть тѣломъ, когда я его не вижу и не осязаю?

Доброс. Подойди ко мнѣ поближе. (*Любопытовъ подходитъ. Добросердъ*

машетъ на него платкомъ.) Чувствуеш ли ты что нибудь?

Любоп. Мнѣ кажется, что-то до трогивается до моего лица.

Доброс. Это-то самое и есть воз духъ, которой платкомъ пригоняетс къ лицу. И такъ можешь ли ты воз духъ чувствовать?

Любоп. Я лишь теперь его чу ствовалъ.

Доброс. Еще ли ты сомнѣваешься что воздухъ тѣло?

Любоп. Нѣтъ, Сударь, теперь уже понимаю, почему воздухъ тѣлом называется: его можно чувствовать.

Остр. Но скажите пожалуйте, от чего это происходитъ, что воздухъ та двигаться можетъ?

Доброс. Отъ того, что онъ жи докъ.

Дѣти всѣ. Жидокъ!

Доброс. Да, жидокъ, также как вода.

Домов. Что вода жидка, это знаю, потому что всякой день ее ви жу; а воздуха мы не видимъ — как же можно знать, что онъ жидокъ?

Доброс. Маленькія частицы, изъ которыхъ состоитъ вода, соединены гораздо плотнѣе тѣхъ частицъ, изъ которыхъ воздухъ состоитъ: и для того-то воду видѣть можно, а воздуха не льзя.

Домов. Я еще не совсѣмъ васъ разумѣю.

Доброс. Видалъ ли ты когда нибудь растопленой свинецъ?

Домов. Какъ не видать?

Доброс. Слѣдовательно ты видѣлъ и то, какъ свинецъ бываетъ жидокъ?

Домов. Да; однакожъ онъ не столько жидокъ, какъ вода.

Доброс. Не столько жидокъ по тому, что частицы, изъ которыхъ состоитъ растопленой свинецъ, соединены гораздо плотнѣе тѣхъ частицъ, изъ которыхъ вода состоитъ. А какъ свинцовыя частицы соединены гораздо плотнѣе водяныхъ, такъ и водяныя соединены гораздо плотнѣе воздушныхъ частицъ, которыя гораздо ихъ тонѣе. — Теперь понятно ли для тебя, какъ воздухъ можетъ быть жидокъ, хотя мы этова и не видимъ?

Домов. Очень понятно. Мы д[…] того не видимъ этова, что частицы изъ которыхъ воздухъ состоитъ, гора[…] тонѣе водяныхъ частицъ, и не сто[…] плотно соединены.

Доброс. Мнѣ кажется, что вы в[…] довольно меня выразумѣли; но я хоч[…] показать вамъ это еще яснѣе, чтоб[…] вы не позабыли. Прикажите налит[…] въ чашку нѣсколько воды и принест[…] сюда. Вы увидите, какое великое схо[…] ство имѣетъ вода съ воздухомъ.

(*Тутъ одинъ изъ разговаривающи[…] идетъ и приказываетъ подать воды Когда ее приносятъ, то Добросерд[…] свернувъ бумажку трубочкою, начинает[…] по ней водить. Потомъ:*)

Смотрите, какъ вода въ обѣ сто[…] роны разступается, когда я вожу п[…] ней бумажкою. Какъ же скоро бумажк[…] вынуть; то вода съ обѣихъ сторон[…] опять сольется такъ, что отнюдь н[…] льзя будетъ примѣтить мѣста, гд[…] была бумажка.

Отъ чего жъ это происходитъ? — Вы знаете уже, что вода состоитъ изъ

маленькихЪ частицЪ, которыя не столь плотно между собою соединены, чтобы связь ихЪ не прерывалась при дѣйствїи на нихЪ внѣшней какой нибудь силы. И такЪ когда что нибудь положишь вЪ воду, то частицы ея раздѣляются; а какЪ скоро опять вынешь, то раздѣленныя частицы по прежнему сливаются вмѣсто и опять наполняютЪ пустое пространство.

ВоздухЪ имѣетЪ такое же свойство. ОнЪ также раздѣляется и разступается во всѣ стороны. Это бываетЪ, когда, на примѣрЪ, вы машете вѣеромЪ: вы раздѣляете тогда воздухЪ, также какЪ я теперь бумажкою раздѣлялЪ воду. КакЪ же скоро перестанете махать, то раздѣленныя воздушныя частицы тотчасЪ сливаются вмѣсто; и тогда не льзя чувствовать больше движенїя воздуха.

Благонр. Теперь - то мы совершенно понимаемЪ, что воздухЪ тѣло? — Теперь же узнали мы и то, какЪ птицы могутЪ носиться по воздуху, и не падаютЪ на землю. Онѣ плаваютЪ по немЪ также, какЪ утки и гуси по водѣ. Не правда ли?

Доброс. Точно такЪ.

Любоп. Теперь скажите пожалуй нам еще, къ чему служитъ воздухъ?

Доброс. Ко многому, весьма ко многому. Безъ него никакая тварь жи[ть] не можетъ; безъ него люди не могли [б] слышать не только слабаго звука, [но] и самаго сильнаго громоваго удара; [мы] не могли бъ . . . .

Любоп. О! нѣтъ, перестаньте ш[у]тить; скажите намъ въ самомъ д[ѣ]лѣ, къ чему воздухъ служитъ, и как[ая] отъ него польза?

Остр. Это не шутка. Г. Здрав[о]мыслъ, помнится, сказывалъ намъ к[о]гда-то почти это же самое.

Доброс. Я не шутя говорю, ч[то] мы не могли бъ ничего слышать, не м[о]гли бъ ни одного слова выговорить, ест[ь] либъ не были окружены воздухомъ.

Любоп. Я самъ знаю, что въ за[]крытомъ мѣстѣ, куда воздухъ не про[]ходитъ, жить не льзя.

Благонр. Это испыталъ твой чи[]жикъ, когда ты посадилъ его въ коро[]бочку и заперъ. Не правда ли?

Любоп. Ахъ! бѣдный чижикъ! — И какъ я послѣ пришелъ посмотрѣть его, то нашелъ ужъ мертваго. Мнѣ сказывали, что я самъ виноватъ; и бѣдная птичка умерла отъ того, что я заперъ ее въ такое мѣсто, куда воздухъ проходить не могъ.

Доброс. Точно такъ. А чтобъ ты еще больше могъ въ этомъ увѣриться, то мы посадимъ подъ этотъ стекляной колоколъ птичку и вытянемъ оттуда воздухъ посредствомъ этой машины, (*указывая на воздушный насосъ*.) (*) Ты увидишь, что птичка не долго останется жива. (*Приносятъ птичку, дѣлаютъ опытъ, птичка умираетъ; впускаютъ подъ колоколъ воздухъ, и птичка оживаетъ*.)

Доброс. Теперь вы знаете одну важную пользу, какую животныя отъ воздуха получаютъ. Вы понимаете, что

(*) Тутъ слѣдовало бы Г. Добросерду описать строенiе воздушнаго насоса, и изъяснить, какъ посредствомъ его можно вытягивать воздухъ изъ-подъ колокола, или лучше сказать, разрѣжать его: но это бы завело разговаривающихъ слишкомъ далеко. Изъясненiе такое предоставляетъ Г. Добросердъ самимъ наставникамъ и воспитателямъ.

безъ него не могли бъ мы дышать, не могли бы жить; но скоро бъ умерли, такъ какъ твой чижикъ и эта бѣдная птичка.

Огонь не могъ бы горѣть безъ воздуха. Мы сей часъ можемъ видѣть это на опытѣ. (*Ставятъ зажженную свѣчу подъ колоколъ, вытягиваютъ воздухъ огонь гаснетъ.*)

Растѣнія также не могли бы расти естьлибъ не было воздуха. Вы можете сами испытать это. Возьмите, на примѣръ, горшокъ цвѣтовъ, и поставьте его въ безвоздушное мѣсто, или лучше сказать, въ такое мѣсто, гдѣ воздухъ слишкомъ рѣдокъ; потому что совершенно безвоздушнаго мѣста найти не льзя: — вы увидите черезъ нѣкоторое время, что цвѣты ваши завянутъ, поблекнутъ, и такъ сказать умрутъ. (*Помолчавши, указывая на воздушный насосъ:*) Эта машина напоминаетъ мнѣ, что въ самомъ общежитіи воздухъ доставляетъ намъ великія и многоразличныя выгоды. На силѣ и свойствахъ его основано множество полезныхъ и необходимо нужныхъ орудій и машинъ, какъ-то: *барометры*, *термометры*, *вѣтреныя мѣльницы*, *водяные насосы*, *пожарныя*

трубы, и прочая, и прочая. Я думаю, что всякому изъ васъ случалось это видѣть?

Остр. О! и очень не рѣдко.

Любоп. Все это хорошо, прекрасно; но вы давича изволили еще сказать, что безъ воздуха мы не могли бъ ничего и слышать. Какъ же это, Г. Добросердъ! Изъясните намъ, пожалуйте.

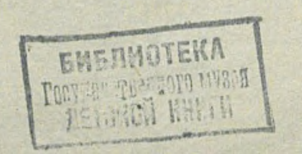
Доброс. (*Подходя къ чашкѣ, въ которой вода:*) Теперь примѣчайте, что произойдетъ на водѣ, когда я брошу въ нее этотъ шарикъ. (*Бросаетъ.*) Видишь ли ты, Г. Любопытовъ, маленькїе и большїе круги около того мѣста, куда онъ упалъ?

Любоп. Вижу.

Доброс. Видишь ли, что эти круги не равны; но чѣмъ ближе къ тому мѣсту, куда онъ упалъ, тѣмъ меньше; а чѣмъ далѣе, тѣмъ больше. Примѣтилъ ли ты это?

Любоп. Примѣтилъ, примѣтилъ.

Доброс. Вотъ — смотри — всѣ круги ужъ исчезли и не осталось ни одного. Это гораздо виднѣе бываетъ на рѣкѣ, когда бросишь въ нее камень.



Вамъ чай случалось это замѣтить. Теперь возвратимся къ воздуху. Вы знаете, что онъ жидокъ, также какъ вода

Домов. Да, это вы давича намъ показывали.

Доброс. Теперь я могу вамъ еще больше объ этомъ сказать.

Когда мы говоримъ, то языкъ нашъ и губы производятъ въ воздухѣ такое жъ движенїе, какое вы видѣли на водѣ когда я бросилъ въ нее шарикъ; а отъ этого происходятъ и въ немъ такїе жъ круги, какїе въ водѣ. Круги эти доходятъ до нашихъ ушей, ударяютъ въ нашъ слухъ; и такимъ образомъ слышимъ мы голоса, и другїе звуки какъ вблизи, такъ и вдали.

Круги въ воздухѣ, происходящїе отъ того, когда мы говоримъ, или, на примѣръ, играемъ на какомъ нибудь инструментѣ, также разширяются во всѣ стороны, какъ и на водѣ; и чѣмъ ближе мы къ тому человѣку, которой говоритъ, тѣмъ сильнѣе ударяютъ они въ нашъ слухъ; а чѣмъ далѣе мы отъ него, тѣмъ слабѣе они ударяютъ. Вотъ, отъ чего происходитъ, что мы издали

не такъ хорошо слышимъ, когда кто говоритъ, какъ вблизи. (*Остановка.*)

Но тутъ еще не все. Хотя вы довольно уже слышали о воздухѣ, однако остается еще много, чего вы не знаете. На примѣръ, это будетъ для васъ новое, когда я скажу, что воздухъ предохраняетъ насъ отъ многихъ болѣзней.

Остр. Какъ же это, Сударь? Этого мы не понимаемъ.

Доброс. Всѣ вы знаете, что люди и другія животныя имѣютъ теплую кровь; также знаете и то, что воздухъ жидокъ и очень тонокъ; что онъ гораздо тонѣе воды.

Благонр. Да, мы это знаемъ.

Доброс. И такъ теплая кровь, которая въ безпрестанномъ движеніи, скоро сдѣлалась бы такъ горяча, что мы не были бъ въ состояніи того вытерпѣть, занемогли бы и умерли мучительною смертію. Это не должно казаться вамъ удивительнымъ, и случилось бы въ самомъ дѣлѣ, естьлибъ свѣжій воздухъ не проходилъ безпрестанно въ лёгкое, не пробирался бы во всѣ жи-

лы, и такимъ образомъ, смѣшиваясь с
кровїю, не прохлаждалъ ее.

Благонр. Однако мнѣ кажется что воздухъ не всегда можетъ свѣж оставаться: онъ также можетъ нагрѣтся, какъ и кровь. Какая жъ отъ того польза, что онъ съ нею смѣшивается

Доброс. Онъ безъ сомнѣнїя нагрѣлся бы также, какъ и кровь, естьли б оставался въ ней надолго; но ты долженъ знать, что когда мы дышемъ, т вбираемъ въ себя воздухъ, которой смѣшивается съ кровїю; потомъ опять отдѣляется отъ нее, выходитъ посредствомъ непримѣтныхъ скважинъ, которыхъ в нашемъ тѣлѣ безчисленное множество и оставляетъ мѣсто свѣжему воздуху Ну, понимаешь ли теперь, какъ эт происходитъ?

Благонр. Понимаю.

Доброс. Сверьхъ того воздухъ, выходя изъ тѣла, уноситъ съ собою много вредной для здоровья нечистоты; равно какъ вода уноситъ съ собою брошенный въ нее кусокъ дерева или что нибудь подобное: и симъ новымъ благотворнымъ дѣйствїемъ воздухъ также сохраняетъ насъ отъ многихъ болѣзней.

Но какъ въ водѣ есть много маленькихъ постороннихъ частицъ, которыя въ ней плаваютъ; равно также и въ воздухѣ бываютъ такія постороннія частицы, которыя могутъ иногда быть очень вредны для нашего здоровья. А изъ этова можете вы сами понять, что надобно разумѣть, когда говорится о *чистомъ* и *нечистомъ*; о *вредномъ* и *здоровомъ* воздухѣ.

Домов. Когда говорятъ, что воздухъ нечистъ; то надобно разумѣть, что въ немъ много постороннихъ частей; а когда ихъ въ немъ меньше, тогда онъ бываетъ чище.

Остр. А естьли бы совсѣмъ не было въ немъ постороннихъ частицъ, то бы онъ былъ совершенно чистъ.

Любоп. И чѣмъ чище воздухъ, или чѣмъ менѣе въ немъ постороннихъ частицъ, тѣмъ онъ здоровѣе.

Доброс. Вы всѣ трое правы. Теперь скажите мнѣ еще, для чего воздухъ бываетъ вреденъ здоровью, когда онъ нечистъ, или когда въ немъ много постороннихъ частицъ?

Остр. Я думаю для того, чт
такія частицы проходятъ вмѣстѣ
нимъ въ нашу кровь.

Благонр. А отъ этова и кр
становится нечиста, и начинаетъ гни

Доброс. Точно такъ. Еще жъ т
кія частицы прилипаютъ къ лёгком
отъ чего происходитъ кашель и дру
болѣзни. И такъ вы видите, скол
нечистой воздухъ можетъ быть в
денъ.

Домов. Но отъ чего же такія н
чистыя чистицы бываютъ въ воздухѣ

Доброс. Онѣ безпрестанно подн
маются съ земли въ верхъ, и пл
ваютъ въ воздухѣ. Такія малень
частицы, выходящія изъ земли и
изъ другихъ какихъ нибудь тѣл
называются вообще *испареніями* и
просто *парами*. Онѣ по большой част
поднимаются не высоко; и для то
го-то на горахъ и на другихъ возвы
шенныхъ мѣстахъ воздухъ бываетъ г
раздо чище, легче и здоровѣе, нежел
въ низкихъ, гдѣ онъ отъ множеств
паровъ становится гуще, тяжелѣ
вреднѣе.

Любоп. Отъ чего жъ это происходитъ, что пары не высоко поднимаются отъ земли? Мнѣ кажется, имъ бы надобно часъ отъ часу подниматься выше, выше самыхъ высокихъ горъ; — и куда жъ они наконецъ дѣваются?

Доброс. Ты напомнилъ мнѣ своимъ вопросомъ еще объ одномъ благодѣтельномъ свойствѣ воздуха. — Пары собираются въ облака и падаютъ опять на землю въ росѣ, дождѣ, снѣгѣ или градѣ. Это полезно для всякихъ растѣній, какъ для самыхъ маленькихъ травокъ, такъ и для самыхъ высокихъ деревъ. Естьлижъ этова не бываетъ, то пары разбиваются молнїею и громомъ; что случается особливо лѣтомъ. Пары, поднимаясь въ верьхъ, приводятъ воздухъ въ движенїе; а самое это движенїе и раздѣляетъ ихъ, и разгоняетъ врозь, такъ что они не могутъ нигдѣ скопляться. Когдажъ умѣренное движенїе воздуха не можетъ разбить постороннихъ частицъ, то оно становится сильнѣе: отъ чего происходятъ вѣтры и бури. Хотя такїя бури и сильные вѣтры иногда причиняютъ много вреда; однако этотъ вредъ ничего

почти не значитъ въ сравненiи съ т
величайшею пользою, какая отъ ни
происходитъ.

Все это требуетъ еще пояснен
Въ другое время я постараюсь вамъ р
толковать это получше; а тепе
кажется, довольно уже сказано.

Любол. А! теперь-то я зна
какая польза отъ воздуха, когда и
теръ отъ него же бываетъ.

Доброс. Конечно. — *Вѣтеръ* е
не иное что, какъ сильное движе
воздуха. —

Домов. Мѣльникамъ вѣтеръ оче
надобенъ, чтобы молоть хлѣбъ.

Доброс. Въ самомъ дѣлѣ онъ оче
нуженъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упо
бительны вѣтреныя мѣльницы.

Остр. И я знаю одну пользу о
вѣтру.

Доброс. А какую?

Остр. Онъ пригоняетъ дождев
и громовыя тучи туда, гдѣ онѣ н
жны; онъ же и разбиваетъ ихъ, что
гроза не слишкомъ была сильна.

Доброс. Правда.

Благонр. Вы мнѣ сказывали, что вѣтеръ разноситъ по лугамъ сѣмена, а безъ того не было бъ на нихъ столько разныхъ травъ и цвѣтовъ.

Доброс. И это правда. Теперь, Г. Любопытовъ, остается тебѣ что нибудь сказать; отъ тебя только мы ничего не слыхали о пользѣ вѣтра.

Любоп. Отъ меня? — Извольте. — Мнѣ кажется и это не малая польза отъ вѣтру, что онъ прохлаждаетъ насъ въ жаркіе лѣтніе дни.

Доброс. И твое примѣчаніе не дурно. Однако не вспомнитъ ли кто еще чего нибудь?

(*Дѣти молчатъ и думаютъ.*)

Доброс. Вы часто слыхали о славномъ мореходцѣ *Колумбѣ*, которой открылъ *Америку*. Какъ могъ онъ туда добраться?

Любоп. Онъ доплылъ на кораблѣ по морю.

Остр. Это не новое; мы и безъ тебя знаемъ, что онъ доплылъ на кораблѣ, а не въ каретѣ доѣхалъ.

Доброс. А что для того нужно, чтобы корабль могъ плыть по морю?

Дѣти всѣ. (*Догадавшись, кричатъ:*) Вѣтеръ, вѣтеръ.

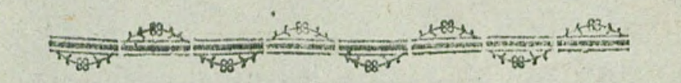
Домов. Удивительно, какъ намъ это тотчасъ не пришло на умъ!

Доброс. На этотъ разъ довольно, любезные друзья. Кончимъ разговоръ нашъ. Помните только всегда, что въ каждомъ колебанiи воздуха, въ каждомъ вѣянiи вѣтерка дышетъ къ намъ любовь и благость Небеснаго нашего Отца, все премудро, все на пользу нашу устроившаго. —

II.

РАЗГОВОРЪ
О
СНѢГѢ.

Разговаривающіе тѣ же, кромѣ ДОМОВИТОВА, *вмѣсто котораго* ВѢТРОНЪ.



Добросердъ и Благонравъ возвращаются съ поля.

Благонр. Ахъ! какъ холодно, Г. Добросердъ! Я очень озябъ. Лучше бы намъ было оставаться дома.

Доброс. Полно, братъ! Молодому человѣку стыдно быть такъ знобку. Стужа здорова.

Благонр. Этому я вѣрю; однакожъ не совсѣмъ весело прогуливаться на стужѣ. Это хорошо лѣтомъ, когда все зеленѣетъ, когда поля покрыты цвѣтами и дерева плодами; — теперь же все такъ пусто, все мертво! а мы часа два битыхъ ходили по полю.

Доброс. Вотъ, другъ мой, каковъ ты: стужа сдѣлала тебя совершенно неблагодарнымъ противъ зимы, и ты озябши, совсѣмъ забылъ то удовольствїе, которымъ за часъ передъ симъ наслаждался. Стыдись, братъ. Правда, что теперь не такъ хорошо, какъ весною, либо лѣтомъ; но ты самъ испыталъ, что и теперь стоитъ только выттии

изъ комнаты, чтобы увидѣть такія красоты, которыя можетъ быть очень не многимъ извѣстны.

Благонр. Признаюсь — виноватъ простите меня, Г. Добросердъ. Холодъ не шутка; съ нимъ все забудешь. Теперь я отогрѣваюсь, и опять начинаю чувствовать пріятность нашей прогулки.

Доброс. Помнишь, какъ ты смотрѣлъ на снѣгъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто по немъ не ходилъ, и гдѣ солнце на него свѣтило? Что ты видѣлъ?

Благонр. Много, много, — и все прекрасное: звѣздочки, цвѣточки — Ахъ! какъ они сверкаютъ! — и всѣ разныхъ цвѣтовъ! — да и какъ перемѣняются! Вдругъ покажутся синими, вдругъ алыми, а тамъ свѣтлоголубыми, а тамъ опять иными. Какъ это хорошо? — То же случается видѣть лѣтомъ на лугу, когда солнце взойдетъ и когда бываетъ поутру роса. — Вы какъ-то сказывали мнѣ, что всякой солнечной лучь состоитъ изъ семи лучей, и что водяныя капли отбрасываютъ ихъ отъ себя и отдѣляютъ одинъ отъ другова, такъ что всякой можно видѣть особо. Не то ли же и со снѣгомъ бываетъ?

Доброс. Точно то. Снѣгъ также отбрасываетъ отъ себя лучи, и разбиваетъ ихъ врозь; и отъ того-то происходитъ, что мы всегда видимъ другой цвѣтъ, когда глаза поворотимъ.

Благонр. Всѣ ли снѣжинки имѣютъ такія прекрасныя фигуры, какъ тѣ, кои я давича видѣлъ?

Доброс. Всѣ, однако разныя. Когда снѣгъ идетъ, то поймай нѣсколько снѣжинокъ на шляпу, либо на черной платокъ; и ты увидишь прекрасныя звѣздочки, розы и цвѣты, еще гораздо яснѣе, нежели какъ ты видѣлъ въ полѣ. Но надобно, чтобъ тогда былъ морозъ. Естьлижъ снѣгъ идетъ мокрой, или вмѣстѣ съ дождемъ; либо естьли воздухъ внизу теплѣе, нежели вверху: то снѣжинки, еще не дошедши къ намъ, таютъ, и мы не можемъ ясно разсмотрѣть ихъ фигуры.

Благонр. Пожалуйте скажите, отъ чего снѣгъ такія хорошія фигуры имѣетъ? Эти маленькія шестіугольныя звѣздочки и цвѣточки прекрасны!

Доброс. На этотъ вопросъ не могу я тебѣ отвѣчать. Ты спрашиваешь о

шакомъ таинствѣ натуры, котора[я]
люди изъяснить не могутъ, или же н[е]
многіе изъяснить могутъ. Отъ чег[о]
происходитъ то, что разные цвѣты имѣ-
ютъ столь прекрасные виды, и разны[я]
птицы, столь прекрасныя перья? –
Этотъ вопросъ таковъ же. Тотъ один[ъ]
можетъ отвѣчать на него, Кто все со-
творилъ. Намъ о снѣгѣ извѣстно толь-
ко-то — какъ я и давича говорилъ тебѣ –
что соляныя частицы, которыя съ па-
рами поднимаются отъ земли въ воз-
духъ, собираются вмѣсто, сплачиваютъ-
ся, и падая, становятся отъ стуж[и]
снѣжинками разнаго виду. — Можетъ
быть мы въ состояніи изъяснить то,
почему онѣ прилипаютъ одна къ другой
порядочно и составляютъ шестіугольни-
ки; но ихъ многоразличность и искус-
ное сложеніе конечно надолго останутся
для насъ неизвѣстными. — Между тѣмъ
учись познавать отсюда безконечную
силу и мудрость милосердаго Творца,
и удивляться ей. Въ самыхъ малыхъ
вещахъ, на которыя мы часто смотримъ
безо всякаго вниманія, произвелъ Онъ
такія чудеса, коихъ и самой высокой
умъ постигнуть не можетъ. Чѣмъ при-
лѣжнѣе разсматриваемъ мы натуру,

тѣмъ больше непонятнаго и чуднаго въ ней находимъ.

Благонр. Мнѣ хочется спросить васъ еще кое-о-чемъ.... А! да вотъ и прочiе Господа; тѣмъ лучше.

Тѣ же и Остроумъ съ Вѣтрономъ и Любопытосымъ.

Пришедшiе всѣ. (*Къ Добросерду:*) Здравствуйте, Г. Добросердъ; (*къ Благонраву:*) Здравствуй, Благонравъ.

Остр. Гдѣ изволили побывать?

Благонр. Мы прогуливались въ полѣ.

Дѣти всѣ. Въ полѣ? Вотъ прекрасно!

Вѣтронъ. (*Къ Благонраву:*) И ты вѣрно очень доволенъ. Да смотри, принесъ ли ты съ собою носъ, уши, пальцы? Право странно: объ эту пору прогуливаться по горамъ и рощамъ, какъ будто въ прекрасной Майской день!

Благонр. Шутите, сколько угодно; но когда вамъ сказать, что я тамъ видѣлъ и что слышалъ отъ Г. Добросерда, такъ вы вѣрно пожалѣете, что не пошли съ нами.

Дѣти всѣ. (*Съ любопытствомъ*) А что такое? Сдѣлай милость, ска[...]

Благонр. Охотно — и все по рядку. Не успѣли мы выттти за *Т[...]скую заставу*, какъ я началъ зябнуть[...] жаловался Г. Добросерду. Онъ шут[...] надо мною, смѣялся и говорилъ, [...] молодому человѣку стыдно бояться [...]лоду, и что ему надобно прїучаться [...] перенесенїю всѣхъ трудностей и бе[...]койствъ. — Помни, другъ мой, сказ[...] онъ потомъ, что тебѣ надобно [...] иттти въ службу. Ну, да ступай [...] поскорѣе и согрѣйся, а тамъ увиди[...] ты кое-что такое, чего можетъ бы[...] никогда еще не видалъ. Мы удвои[...] шаги свои, и скоро вышли въ по[...] Вообразите жъ, какая картина предс[...]вилась глазамъ моимъ! Обширное п[...]странство, покрытое бѣлыми коврам[...] а тамъ — вдали синѣлась *Петровс[...] роща*, и такъ сказать, оттѣняла э[...] картину. То-то прекрасно! Меж[...] тѣмъ мы говорили о томъ и о другом[...] и не видали, какъ отошли отъ заст[...]вы. Потомъ Г. Добросердъ обрати[...] рѣчь на снѣгъ, и ужъ было, чего [...] слушать. Онъ изъяснялъ мнѣ, о[...] чего происходитъ снѣгъ и градъ, и ка[...]

ни составляются, и *проч*. Потомъ азсматривали мы разныя снѣжинки, и идѣли то трїугольники, то шестї-гольники, то звѣздочки, то цвѣточки, многїя другїя фигуры, какъ будто нарочно вырѣзанныя, которыя свѣтились, акъ брилїянты.

Дѣти всѣ. Ахъ, какъ это хорошо!

Остр. Ты правду сказалъ, любезный Благонравъ, что мы будемъ жалѣть, что не пошли съ вами.

Любоп. Такъ ужъ и быть. Этому помочь не чѣмъ. Въ другой разъ Г. Добросердъ и насъ возметъ съ собою въ поле; а теперь попросимъ-те его, чтобъ онъ хоть что нибудь сказалъ намъ о снѣгѣ.

Дѣти всѣ. Сдѣлайте милость, Г. Добросердъ, одолжите насъ.

Доброс. Со всею охотою, любезные мои. Сперва раскажу я вамъ одно приключенїе, которое случилось, помнится (*останавливается, думаетъ*,) помнится, въ 1754 году, на *Гарцѣ* — — А кто изъ васъ можетъ мнѣ сказать, что такое Гарцъ, и гдѣ?

Благонр. Гарцъ есть большой бетъ горъ, въ Нѣмецкой землѣ, Брауншвейгскомъ округѣ.

Вѣтр. Онъ идетъ еще далѣе Тирингской, Ангальтской и Галберш... ской. — —

Доброс. Что жъ на этихъ го... всего достопамятнѣе?

Остр. Онѣ славны большими ...сами и богатыми рудокопными завод...

Доброс. Изрядно. — И такъ Гарцѣ жилъ Дворянинъ, которому зим... въ большую стужу, случилось ѣх... лѣсомъ. На дорогѣ потерялъ онъ ...гу, которой стоялъ за повозкою. ...черъ примѣтя то, сказалъ Господи... Они воротились назадъ искать его ...нашли лежащаго на землѣ безъ чувст... Трудившись долго понапрасну, что... возвратить ему жизнь, и не захот... обременить себя мертвымъ тѣломъ, ... намѣрились закопать его въ снѣгъ. ... набросали на тѣло столько снѣгу, ско...ко надобно было, чтобы совсѣмъ ... закрыть, и хотѣли, уже возвраща... назадъ, взять его съ собою и погребст... Черезъ три дни пріѣхавъ на то мѣст... они очень удивились, увидя, что снѣ...

зметанъ, и что нѣтъ и слѣдовъ мерваго тѣла. И такъ думая, что волки, ибо лисицы его съѣли, поѣхали домой; въ ближней деревнѣ нашли они — его бъ вы думали?

Вѣтр. Не слугу ли?

Доброс. Такъ — слугу — живаго. видѣвъ его, они изумились. Господинъ освѣдомлялся обо всемъ, однако не могъ ничего узнать, кромѣ того, что бѣднякъ этотъ спалъ подъ снѣгомъ очень крѣпко, и пробудившись, чувствовалъ теплоту; что не зналъ, гдѣ онъ, довольно помучился, вырываясь изъ подъ снѣгу.

Благонр. Ну, слава Богу, что онъ ожилъ!

Остр. Но какъ же могъ онъ ожить отъ снѣгу?

Доброс. На этотъ вопросъ должны отвѣчать Испытатели натуры. А мы между тѣмъ можемъ отсюда научиться, что снѣгъ есть сильное лѣкарство въ обморокахъ, причиняемыхъ большою стужею, и въ такомъ случаѣ, когда ознобишь какую нибудь часть тѣла.

Остр. Я думаю, что и мужики наши это знаютъ. Когда они ознобятъ

носъ, уши, или щеки; то трутъ снѣгомъ.

Вѣтр. Почему жъ узнали это н мужики?

Доброс. Вѣроятно по нечаян случаю, или по опыту. — Опытъ, безные дѣти, самой лучшій учитель всѣхъ людей. Жаль только, что не всегда принимаемъ добрыя его на вленія.

Любоп. Какъ же можно узна когда ознобишь носъ, лице, уши?

Доброс. Самому этова узнать льзя, но другія люди, будучи съ на могутъ то примѣтить. Озноблен часть вся побѣлѣетъ; и тогда над ее тереть снѣгомъ до тѣхъ поръ, она опять придетъ въ чувство.

Плоды также замерзаютъ, и такомъ случаѣ студеная вода прои дитъ хорошее дѣйствіе. На примѣ замерзлыя яблоки надобно подерж нѣсколько времени въ холодной во Вынувши, увидишь, что онѣ покры ледяными листочками, которые о стивъ, можно уже ихъ ѣсть.

Теперь раскажу я вамъ еще объ номъ дѣйствіи снѣгу, которое довол

дивительно. Онъ имѣетъ въ себѣ *упругость* или *эластическую силу*.

Любоп. (*Перебивая Добросерда:*) озвольте, Сударь, спросить, что тамое *упругость* или *эластическая сила*?

Доброс. Упругость или эластическая сила есть такое свойство тѣлъ, о которому они, будучи приведены въ ринужденное состоянїе, стараются рийти въ прежнее. Возмемъ въ примѣръ рапиру. Естьли ее согнешь, то на примѣтно будетъ давать чувствоать, что хочетъ разогнуться; и какъ коро пустишь, то тотчасъ распрямится. Да развѣ вы сами никогда этова не замѣтили, на примѣръ, надъ резиною? Когда ее растянувши, возмешь въ руку и сожмешь, то (*показывая на обѣ стороны руки:*) этотъ ея конецъ и этотъ будутъ примѣтно жать руку; а это значитъ, что резина силится притти въ прежнее свое состоянїе.

Любоп. О! это мнѣ не рѣдко случалось замѣчать; только я не зналъ, что это такое, и какъ называется.

Доброс. Теперь знаешь, что это называется упругостїю. Я сказалъ, что снѣгъ также, какъ и прочїя тѣла,

имѣетъ упругость. Испытатели
туры много писали о видѣ, дѣйстві
и другихъ свойствахъ снѣгу; но ни
еще не занимался этою его силою
узнали ее по случаю. Одной духов
особѣ, по имени — — *Бертье*, случил
нѣкогда замѣтить вотъ что: онъ
нарочно воткнулъ легкой и гладкой
жикъ въ замерзлой и крѣпко сжатой
сокъ снѣгу, которой въ поперешн
имѣлъ около 4 футовъ. Сверьхъ чая
ножикъ отскочилъ отъ снѣгу на 4
на 5 футовъ. Болѣе 20 человѣкъ бы
тому свидѣтелями. Они хотѣли
вторить этотъ опытъ и втыкали
ножи въ снѣгъ. Легкіе и гладкіе
скакивали также, какъ и первой; а
желые либо мало отскакивали, либо
совсѣмъ не отскакивали.

Любоп. Почему жъ легкіе отска
вали, а тяжелые нѣтъ?

Доброс. Потому, что упругос
снѣгу не довольно была велика, что
ихъ оттолкнуть.

Видите ли, дѣти, какъ это
примѣчательно? Я могъ бы еще мн
говорить съ вами о свойствахъ снѣг
но для васъ не все было бы понят

Оставимъ это до того времени, когда вы подростете и побольше узнаете.

Вѣтр. Пожалуйте скажите, Сударь, есть ли намъ отъ снѣгу какая нибудь польза?

Благонр. Не ужъ ли ты самъ этого не знаешь?

Добр𝑜с. Есть, и очень великая. Его можно назвать зимнимъ платьемъ садовъ и полей. Онъ поспѣшествуетъ плодородїю земли, защищаетъ отъ стужи многїя травы, коренья и посѣянной хлѣбъ. Также очень способствуетъ перевозу разныхъ вещей изъ одного мѣста въ другое. Сюда, въ *Москву*, привозятъ зимою весьма много необходимыхъ потребностей, на примѣръ, дровъ, сѣна и всякихъ сьѣстныхъ припасовъ.

Вѣтр. Все это можно бы и лѣтомъ привозить.

Добр𝑜с. Лѣтомъ привозить не такъ удобно: провозъ стоитъ тогда гораздо дороже; а многихъ припасовъ, на примѣръ, мяса и рыбы, совсѣмъ и получать изъ дальнихъ мѣстъ было бы не возможно: потому что они испортились бы отъ жару. — Но тутъ еще не

все. Снѣгъ и кромѣ того доставляет намъ великую пользу. Какуюбъ вы мали?

Остр. Когда онъ идетъ, то в духъ очищается отъ вредныхъ паровъ дѣлается свѣжѣе.

Любоп. А въ ручьяхъ и рѣка прибываетъ отъ него вода.

Благонр. Долгія зимнія ночи б ваютъ отъ него свѣтлы и пріятны, кажется, замѣняютъ краткость дне а путешественникамъ доставляется резъ то удобность продолжать успѣ нѣе путь свой.

Вѣтр. А кататься-та въ сан и дѣлать шары — О! это всего прі нѣе! И мнѣ кажется, это самая бо шая польза, какую получаемъ мы о снѣгу.

Добрас. (*Между тѣмъ, какъ дѣ улыбаются:*) Ты ошибаешься, другъ мо Кататься въ саняхъ и дѣлать изъ снѣ шары конечно хорошо — для тебя; это не польза, а только небольшое у вольствіе; и естьлибъ снѣгъ, кромѣ э го, не доставлялъ намъ тѣхъ выгод о которыхъ говорилъ я и твои то рищи: то бы мы легко могли обойти

безъ него, безъ твоего катанья и безъ твоихъ шаровъ. — Какъ бы то ни было однакожъ, только вы видите, что снѣгъ и зима имѣютъ свою пользу и свои прїятности. Не правда ли?

Дѣти всѣ. Правда, правда.

Остр. Я люблю зиму почти больше всякаго другаго времени.

Благонр. И я.

Любоп. И я также.

Вѣтр. Она для меня лучше весны, лѣта, осени, лучше всего.

Доброс. Полно такъ ли? Не ошибаетесь ли вы, любезные дѣти? Смотрите, чтобы съ вами не случилось тогожъ, что съ маленькимъ *Эрастомъ*...

Любоп. А что такое? Пожалуйте скажите.

Доброс. Какъ? Развѣ вы ужъ забыли ту исторїйку, которую я съ вами когда-то читалъ — помнится, *въ Дѣтскомъ Чтенїи* — объ этомъ Эрастѣ? Онъ весною желалъ, чтобы все была весна; лѣтомъ, чтобъ все было лѣто; осенью — чтобы осень, а зимою — чтобы зима. Вы видите, что онъ весьма ошибался; потому что всякое время

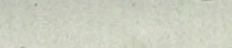
года имѣетъ свою пользу и свои прія
иости, и что одно безъ другова бы
не можетъ. — Обратитесь теперь
самимъ себѣ, любезные друзья. Вы
перь въ веснѣ жизни вашей, тамъ
ступитъ ваше лѣто, тамъ осень,
наконецъ зима. Но естьли весною
будете вы цвѣсти, лѣтомъ не буде
зрѣть, осенью не принесете плодо
то зима жизни вашей покажется въ
гость не только вамъ самимъ, но и д
гимъ. —

III.

РАЗГОВОРЪ

О

Сѣверномъ сїянїи и другихъ нѣкоторыхъ явленїяхъ натуры.



Разговаривающїе тѣ же, кромѣ ОСТ
УМА, ВѢТРОНА *и* ЛЮБОПЫТО
вмѣсто которыхъ ЛЕГКОВѢРЪ.

Благонравъ и Легковѣръ возвращаются съ прогулки. На лицѣ ихъ видно замѣшательство и страхъ.

Легковѣръ. Воля твоя, только ты ничѣмъ меня не разувѣришь. Это не даромъ, что нибудь да не даромъ.

Благонр. Пустое. Вспомни, что говорилъ намъ другъ нашъ Добросердъ, — и ты успокоишься.

Легков. Говорить легко, да исполнять трудно. Желалъ бы я, чтобы Г. Добросердъ самъ видѣлъ то страшное зрѣлище, котораго мы были свидѣтелями. Я думаю, онъ струсилъ бы не менѣе нашего.

Благонр. Быть не можетъ. (*Помолчавши:*) Только жъ надобно признаться, что какъ я ни кажусь твердымъ, но сердце у меня замираетъ отъ страху. Еще таки я не испугался бы, естьлибъ прохожіе не стали говорить, что это не передъ добромъ, и что непремѣнно случится какое нибудь нещастіе. Огненное небо, багровыя обла-

ка — и все это тогда, какъ у на ночь — О! это страшно, страшно! Какъ бы я желалъ, чтобы сїю жъ м нуту пришелъ къ намъ Г. Добросерд а онъ кажется обѣщалъ. (*Останав ливается. Съ видомъ размышляющаго*) Я увѣренъ, что онъ растолковалъ бы . .

Благонр. и Легков. (*Вмѣстѣ радостїю:*) А! да вотъ и онъ — здр ствуйте, Г. Добросердъ. . . .

Тѣ же и Добросердъ.

Доброс. Здравствуйте, любезн дѣти! — Гдѣ побывали? — — Ба! оба такъ блѣдны, невеселы! и говорил сколько я могъ разслушать — о комъ-то нещастїи. — Чего вы на гались? Скажите мнѣ. — (*Останав ливается: дѣти молчатъ.*) Скажите, и вы боитесь, чтобъ и меня не испугал .

Благонр. и Легков. (*Вмѣстѣ:*) Б будете надъ нами смѣяться-съ.

Доброс. Вы меня обижаете, дру мои. — Развѣ вы не довольно еще исп тали, что я терпѣливо сношу ва слабости, и всегда ищу случаю сказ

вамъ что нибудь полезное и къ вашему наставленію. — Откройте жъ мнѣ, что вы видѣли, и чего испугались? Мнѣ это тѣмъ нужнѣе знать, чтобы я могъ растолковать вамъ, что вы боялись напрасно. — Ну, что жъ съ вами случилось? Конечно увидѣли вы на улицѣ пень, и почли его за человѣка безъ головы? Не правда ли? —

Легков. (*Къ Благонраву:*) Раскажи ты Г. Добросерду, что съ нами случилось; ты лучше разсмотрѣлъ; а я такъ напугался, что и глазъ не смѣлъ поднять вверьхъ.

Благонр. Извольте, Г. Добросердъ, я вамъ все скажу. — Давича отпросились мы погулять, и взявши съ собою человѣка, пошли по улицамъ. Долго мы ходили, и очень были довольны своею прогулкою. Наконецъ начали подумывать о возвращеніи домой. Между тѣмъ солнце закатилось, и небо было очень чисто; мы смотрѣли на него и любовались. — Вообразите жъ: вдругъ нашло, вотъ съ этой стороны, (*указывая на Сѣверъ,*) большое темное облако, потомъ около этова темнаго облака показался бѣлой свѣтъ, и послѣ перемѣ-

нился въ огненные лучи, которые ни-
гда пропадали, а иногда опять появ-
лись въ разныхъ видахъ, и свѣти-
такъ ясно, какъ бы днемъ.

Доброс. И этова-то великолѣ-
наго сіянія, которое вамъ свѣтило,
испугались?

Легков. Какъ же не испугаться?
Въ этомъ облакѣ видны были два войс-
убитые люди, гробы и еще много, мно-
страшнаго. Войска сражались и ру-
лись между собою. Говорятъ, все э-
бываетъ передъ войною, передъ го-
домъ, или передъ другимъ какимъ-н-
будь нещастіемъ.

Доброс. Въ самомъ ли дѣлѣ т-
все это видѣлъ?

Легков. Сперва я ничего не видал-
но люди, которые шли по улицѣ, г-
ворили объ этомъ и указывали др-
другу; а послѣ и самъ я все увидѣл-

Доброс. Ты ничего бы не увидѣл-
естьли бы глупые люди не наполни-
твоего воображенія войсками, убиты-
тѣлами и гробами. Они и сами бы н-
чего этова не видали, естьлибъ голо-
ихъ не была вскружена суевѣрными мн-

ніями о такихъ воздушныхъ явленіяхъ. Я самъ смотрѣлъ на *Сѣверное сіяніе*, которое вы видѣли; однако не примѣтилъ въ немъ ни войскъ, ни гробовъ, и не думалъ ни о какомъ печальномъ предвѣщаніи, а еще радовался, представляя себѣ, что великолѣпное это явленіе и вы увидите съ добрыми чувствами. Я нарочно пришелъ къ вамъ, чтобы поговорить объ немъ. Только мнѣ очень прискорбно слышать, что вы вмѣсто того, чтобъ радоваться такому прекрасному зрѣлищу, боялись его. — Какъ вамъ не стыдно?

Благонр. (*Къ Легковѣру*:) Не правду ли я сказывалъ тебѣ, что прохожіе говорили пустое, и что облака казались имъ войсками и убитыми людьми? То же и имъ я говорилъ, Г. Добросердъ; но они не хотѣли мнѣ вѣрить, и называли меня безбожникомъ. Потомъ начали они расказывать объ огненныхъ змѣяхъ, и о томъ, какъ звѣзды съ неба падаютъ, и такъ насъ напугали, что мы дрожали отъ страху.

Доброс. Кто такъ еще легковѣренъ, какъ вы, тому не трудно сдѣлаться суевѣрнымъ, то есть, почитать есте-

ственное произшествіе сверьхъ-есте-
ственнымъ; не стараться узнать, что
оно въ самомъ дѣлѣ есть, и бояться
того, что ни мало не страшно. — Мнѣ
очень прискорбно, что вы повѣрили глу-
пымъ людямъ и по пустому напуга-
лись. Вамъ бы надобно спросить у ме-
ня о томъ, что вы видѣли.

Благонр. Извините насъ, Г. До-
бросердъ: это случилось съ нами въ пер-
вой разъ, и мы никогда еще не видали
на небѣ подобнаго явленія. — Впередъ
не станемъ мы вѣрить безъ разбору то-
му, что услышимъ; а сперва подумаемъ
о томъ сами и спросимъ такихъ людей,
которые умнѣе насъ.

Легков. Но скажите жъ намъ, Су-
дарь, какое было это явленіе? Какъ вы
его называли? —

Доброс. Оно называется *Сѣвернымъ
сіяніемъ*, отчасти потому, что обы-
кновенно показывается съ Сѣверной сто-
роны; отчасти жъ потому, что оно
почти всякой день видно бываетъ въ
тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ далѣе
къ Сѣверу; а у насъ случается оно го-
раздо рѣже и обыкновенно осенью и зи-
мою. Въ Швеціи, въ Норвегіи, въ Ла-

пландіи и другихъ Сѣверныхъ земляхъ бываетъ оно весьма часто. Тамошніе жители не только не боятся его, но еще радуются ему; для того, что оно свѣтитъ имъ въ долгіе вечера и ночи, и они могутъ работать при этомъ свѣтѣ, такъ какъ днемъ.

Благонр. Отъ чего жъ происходитъ Сѣверное сіяніе?

Доброс. Это еще не совсѣмъ извѣстно. Нѣкоторые Испытатели Натуры почитаютъ его тонкими парами, которые въ Сѣверныхъ странахъ поднимаются съ земли, собираются въ воздухѣ и загараются. Одинъ славной Физикъ, путешествуя по Лапландіи, наблюдалъ Сѣверное сіяніе весьма тщательно, и примѣтилъ, что оно состоитъ изъ различныхъ замерзлыхъ паровъ, которые весьма высоко носятся въ воздухѣ. Лучи, отбрасываемые отъ солнца и отъ луны, освѣщаютъ ихъ, такъ что они бываютъ намъ видны и издаютъ отъ себя блескъ, которой распространяется очень ярко и далеко. А потому не безъ основанія думаютъ, что Сѣверное сіяніе бываетъ передъ морозомъ. — Другія мнѣнія о семъ явленіи трудно еще вамъ

понять; но какое бъ изъ нихъ мы ни приняли за справедливое, изо всякаго можемъ видѣть, что оно не сверьхъестественное явленіе, то есть, не такое, которое бъ не имѣло причины и происходило бы чудеснымъ какимъ нибудь образомъ, и что его столь же мало должно бояться, какъ и всякова другова явленія на небѣ.

Благонр. Я понимаю, что мы давича боялись по пустому. Теперь хотѣлось бы намъ еще знать, есть ли въ самомъ дѣлѣ *огненные змѣи*, о которыхъ мы давича столько наслышались, и какъ это происходитъ, что кажется, будто *звѣзды падаютъ?* — Что намъ объ этомъ думать должно?

Доброс. Мнѣ очень пріятно такое ваше любопытство, и я охотно скажу вамъ, что знаю.

Легков. Ахъ! какъ это хорошо! У меня и вопросъ готовъ. Сдѣлайте жъ милость, Г. Добросердъ, растолкуйте мнѣ то, что я вчера видѣлъ, и чего понять не могу.

Доброс. А что ты видѣлъ?

Легков. Я сидѣлъ въ вечеру подъ окошкомъ, и смотрѣлъ на небо. Пред-

ставьте жъ себѣ: вдругъ упала звѣзда. Она летѣла; летѣла, такъ какъ маленькая ракетка, и потомъ погасла.

Доброс. (*Усмѣхаясь:*) Для чего жъ ты не выбѣжалъ и не поднялъ ее?

Легков. Чему жъ вы смѣетесь? — Я думаю, вамъ и самимъ случалось подобное видѣть.

Доброс. О! и очень не рѣдко. Только я никогда не думалъ, чтобы звѣзды были такъ малы, какъ твоя ракетка.

Легков. Но это можетъ быть только частичка или искорка отъ звѣзды.

Доброс. Видно, что ты великой Астрономъ.

Легков. Я еще почти ничего не знаю о звѣздахъ; однако слыхалъ, будто онѣ падаютъ, да и въ самомъ дѣлѣ такъ кажется.

Доброс. Ты слыхалъ это отъ такихъ людей, которымъ также, какъ и тебѣ, казалось, и которые не знали, что звѣзды на нѣсколько *миллїоновъ миль* выше того мѣста, гдѣ эти искры показываются.

Легков. Скажите жъ мнѣ, Сударь, что это въ самомъ дѣлѣ?

Доброс. Не уже ли ты самъ никакъ таки не можешь догадаться? Развѣ не слыхалъ ты отъ меня, какъ загараются въ воздухѣ масленые и сѣрные пары, когда я говорилъ съ вами о молнїи?

Легков. А! а! такъ это то же. — Мнѣ самому иногда приходило это на умъ.

Доброс. Точно то же. — Масленые и сѣрные пары собираются вмѣстѣ и загараются отъ своего движенїя; а когда они падаютъ внизъ, то встрѣчаются съ водяными частицами, плавающими въ воздухѣ, которыя ихъ загашаютъ.

Благонр. Не могутъ ли такїе горючїе пары собираться и въ большомъ количествѣ?

Доброс. Безъ сомнѣнїя могутъ.

Благонр. А! теперь я понимаю, какъ растолковать то, что мы слышали когда-то отъ нашего стараго *Ѳадея*. Онъ сказывалъ, что, лѣтъ двадцать тому назадъ, виденъ былъ на воздухѣ большой огненной шаръ и свѣтилъ гораздо яснѣе полнова мѣсяца, такъ что всѣ тогда перепугались. Послѣ этотъ шаръ раздробился съ ужаснымъ трескомъ.

Легков. Это конечно было что нибудь другое, а не пары.

Доброс. Нѣтъ — тѣ же самые сѣрные, селитряные и масленые пары, которые собрались только въ большомъ множествѣ и въ видѣ шара. Водяные пары не могли затушить ихъ такъ, какъ маленькую искру; и для того этотъ шаръ наконецъ собственною силою раздробился и произвелъ трескъ.

Благонр. Еще мы слышали давича о *летучемъ огненномъ змѣѣ?* — Говорятъ, что онъ опасенъ. Онъ летаетъ по воздуху, и старается пробираться сквозь трубы въ домы.

Доброс. По твоему описанію, этотъ огненной змѣй въ самомъ дѣлѣ очень опасенъ. Но ты сталъ бы о немъ думать совсѣмъ иначе, естьлибъ видѣлъ когда нибудь *бѣгучій огонь.* — Прикажите подать спирту. —

Легковѣръ уходитъ съ поспѣшностію и приноситъ спиртъ, а слуга маленькой столикъ и свѣчу.

Доброс. (*Налилъ нѣсколько спирту на столъ полосою и зажегъ.*) Вотъ вамъ огненной змѣй. Онъ ползетъ по столу, пока находитъ себѣ пищу.

Благонр. Но отъ чегожъ это въ воздухѣ бываетъ?

Доброс. Такой огненной шаръ, о которомъ мы теперь только говорили, или подобный ему, опускаясь внизъ, находитъ такую же горючую матерїю и такїе жъ пары, изъ какихъ онъ самъ состоитъ, зажигаетъ ихъ, и изъ этого-то выходитъ летучїй змѣй съ длиннымъ огненнымъ хвостомъ.

Легков. Позвольте, Сударь, еще васъ спросить объ одномъ. — Я не совсѣмъ понимаю, для чего этотъ огненной змѣй по большой части къ трубамъ прилетаетъ?

Доброс. Для того, что онъ находитъ тамъ больше такихъ масленыхъ и сѣрныхъ матерїй, изъ какихъ самъ состоитъ, а особливо, когда изъ трубы дымъ идетъ.

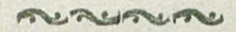
Легков. Ахъ! какъ я былъ глупъ, когда думалъ, что въ самомъ дѣлѣ есть огненные змѣи, которые летаютъ по воздуху.

Доброс. Вообще замѣтимъ, любезные друзья, что дѣти не всему слышанному вдругъ должны вѣрить.

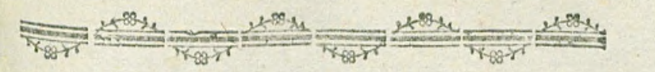
Имъ надобно спрашивать мнѣнія знающихъ людей, чтобы иначе какихъ нибудь нелѣпостей и вздоровъ не принять за истинну, не бояться того, что ни мало не страшно, и не мучить себя понапрасну. —

IV.

РАЗГОВОРЪ О СНАХЪ.



Разговаривающїе тѣ же, что и въ предыдущемъ разговорѣ, кромѣ БЛАГОНРАВА, *вмѣсто котораго* ВѢТРОНЪ.



Вѣтронъ и Легковѣръ.

Вѣтронъ. Ну, на силу отдѣлались! Все учись, да учись, и погулять не когда.

Легковѣръ. Какъ быть, любезной Вѣтронъ? За то, когда выучимся, то будетъ хорошо. Насъ станутъ почитать, любить; мы пойдемъ въ службу; и вообрази, не пріятно ли намъ будетъ, когда разумные люди, увидѣвши, какъ хорошо будемъ мы отправлять свою должность, скажутъ: *вотъ прекрасные молодцы!*

Вѣтр. Правда, однакожъ сидѣть на одномъ мѣстѣ часовъ по восьми въ день. . . . о! это хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Признаться тебѣ: я такъ иногда бываю сердитъ, что готовъ бросить всѣ свои книги въ огонь, и отказаться отъ всѣхъ выгодъ, какія обѣщаетъ ученье.

Легков. Не сердись, любезный другъ! Хорошее безъ труда не достается.

Вѣтр. Слыхалъ я эту предику. Ну, да полно. Поговоримъ о любимой

своей матерiи. Что видѣлъ ты прошлую ночь во снѣ? Гг. учители такъ нынче насъ заучили, что мы во весь день не имѣли свободной минуты, и противъ обыкновенiя, до сихъ поръ не могли спросить объ этомъ другъ друга.

Легковѣръ вздыхаетъ и не говоритъ ничего.

Вѣтр. Что жъ ты молчишь? Неужъ ли ты ничего не видалъ во снѣ? Послушай же, что я видѣлъ. Что за прекрасной сонъ! Я желалъ бы никогда не просыпаться, чтобъ только безпрестанно его видѣть. Слушай: мнѣ казалось, что я сдѣлался чрезвычайно богатъ. Золота и серебра лежали у меня кучи. Я накупилъ себѣ всего, всего; сшилъ великолѣпное платье, выписалъ изъ Англiи прекрасную лошадь, приказалъ сдѣлать на нее пребогатое сѣдло и бархатной, алмазами усыпанной чапракъ; сѣлъ и поскакалъ, поскакалъ — — всѣ люди останавливались и глядѣли на меня. Лошадка прыгала, кружилась, и кажется, чувствовала, что имѣла честь служить такому бравому молодцу, (*указывая на себя.*) О! зачѣмъ я проснулся!

Легков. Твой сонъ хорошъ и веселъ, а мой не таковъ. (*Вздыхаетъ.*) И я видѣлъ сонъ!

Вѣтр. Ты вздыхаешь? Конечно приснилось тебѣ что нибудь печальное?

Легков. Я и теперь еще дрожу, какъ только вспомню объ этомъ. Мнѣ снилось, будто я, ты и нѣкоторые изъ нашихъ товарищей ходили по полю. Мы взошли на пригорокъ, и увидѣли въ городѣ пожаръ. Мы бросились назадъ; пожаръ часъ отъ часу становился больше; небо было все красно и какъ будто горѣло; безпрестанно били въ трещетки; люди бѣгали взадъ и впередъ. — Ухъ! я такъ напугался, что у меня и теперь еще сердце не на мѣстѣ.

Вѣтр. Въ самомъ дѣлѣ сонъ твой очень страшенъ. — Но послушай: у нашего стараго *Ивана* есть книга, которая называется *Волшебнымъ Зеркаломъ*, и въ которой все растолковано, что какой сонъ значитъ. Я ее тихонько унесъ. Вотъ она, (*вынимаетъ изъ кармана.*) Посмотримъ, что значатъ наши сны; а тамъ я положу ее опять, гдѣ взялъ. Постой, сперва я посмотрю. (*Ищетъ, находитъ* богатство, *и вдругъ перемѣняется въ*

лицѣ.) Вотъ-те на! вотъ тебѣ золото, серебро, алмазы, лошади, чапраки! Вотъ-те на! (*Задумывается и потупляетъ глаза въ землю съ печальнымъ видомъ.*)

Легков. Что такое, что? Покажитка мнѣ. (Читаетъ: *богатымъ видѣть себя во снѣ значитъ болѣзнь.*) Ахти! и въ самомъ дѣлѣ худо. Бѣдненькой! Какъ мнѣ тебя жаль! — Но посмотримъ, что-то мой сонъ значитъ. — *Пожаръ* — — пожаръ *значитъ радость, прибыль и щастье.* — (*Вспрыгнувъ.*) Браво, браво! ай книга, то-то книга! (*Цѣлуетъ ее.*)

Тѣ же и Добросердъ, которой здороваясь съ дѣтьми, беретъ ихъ за руки.

Вѣтр. (*Съ печальнымъ видомъ:*) Ахъ, Г. Добросердъ! я видѣлъ нынѣшнюю ночь сонъ!

Доброс. Что жъ? тутъ нѣтъ еще ничево худова.

Вѣтр. Я видѣлъ страшной сонъ. Правда, самъ по себѣ онъ хорошъ; но значитъ очень дурное. Мнѣ приснилось,

будто я сдѣлался *богатъ*; а это значитъ *болѣзнь*.

Доброс. И въ этомъ-то причина твоего смущенія? (*Къ Легковѣру:*) Что жъ ты такъ веселъ? Конечно и ты видѣлъ сонъ? А что бы тебѣ приснилось?

Легков. Пожаръ — а *пожаръ* значитъ *радость* и *щастье*.

Доброс. Кто тебѣ это сказалъ?

Легков. Вотъ въ этой книгѣ такъ написано; а Иванъ нашъ сказывалъ, что тутъ все правда.

Доброс. Мнѣ очень жаль, что ты повѣрилъ своему сну и этой книгѣ. Послушай же, какое твое щастье. Теперь заѣзжалъ я къ вамъ въ домъ, и мнѣ сказали, что любимая твоя канарейка улетѣла давича, какъ чистили ея клѣтку; а маленькая твоя собачка умерла.

Легков. Что вы, Г. Добросердъ! Не въ самомъ ли дѣлѣ такъ? (*Бросаетъ книгу на полъ*). Негодная книга, какъ ты меня обманула!

Доброс. Бѣдная книга не виновата. Ты самъ виноватъ, что ей повѣрилъ. Тебѣ, другъ мой, Г. Вѣтронъ, скажу

я пріятную вѣсть, хотя твой сонъ и обѣщалъ тебѣ досаду. Къ вамъ въ домъ я также заѣзжалъ, и батюшка твой сказывалъ мнѣ, что молодой Графъ *Честонъ*, твой пріятель, прислалъ тебѣ севодни въ подарокъ прекрасной охотничій уборъ. Естьли ты учился нынѣшнюю недѣлю прилѣжно; то можешь отпроситься домой, чтобъ посмотрѣть его.

Вѣтр. Ахъ, Сударь! сонъ мой такъ меня опечалилъ, что я не могу радоваться.

Доброс. Это обыкновенныя слѣдствія глупаго суевѣрія.

Легков. Однакожъ, Г. Добросердъ, старой Иванъ сказывалъ, что онъ видѣлъ много сновъ, которые всѣ вѣрно сбывались.

Доброс. Старой твой Иванъ есть не иное что, какъ суевѣрный враль. Онъ не имѣлъ щастія получить хорошаго воспитанія. Это видно изо всѣхъ его поступковъ. — Послушай-ка другъ мой: что естьлибъ мы назначили въ которой нибудь день ѣхать за городъ, а ты за недѣлю напередъ сказалъ бы, что въ тотъ день будетъ дурная погода: повѣрилъ ли бы я тебѣ въ этомъ?

Хотя бы предсказанїе твое и въ самомъ дѣлѣ сбылось, однако я никогда бы не повѣрилъ, что ты прежде точно это зналъ. Погода была бы такова, хотябъ ты ни слова о томъ напередъ не говорилъ; и также могла бы хороша быть, хотябъ ты безпрестанно твердилъ, что будетъ дурна. Точно также надобно принимать и толкованїе сновъ. — Я постараюсь вывести васъ изъ этова заблужденїя.

Вѣтр. и Легков. Пожалуйте, пожалуйте.

Доброс. Вы знаете, что душа наша не спитъ и тогда, когда тѣло спитъ.

Легков. Да, мы это знаемъ; вы давно уже толковали намъ, что душа находится всегда въ дѣйствїи.

Доброс. Также знаете вы и то, что душа можетъ представлять себѣ, вспоминать что нибудь, думать то, что она прежде думала.

Легков. Конечно. На примѣръ: я очень еще помню, какъ у насъ въ деревнѣ упалъ одинъ мальчикъ въ воду, какъ бѣдная мать его бѣгала и вопила, какъ мы всѣ тогда перепугались, и какъ

добрые люди старались его вытащить; а этому ужъ около пяти лѣтъ.

Вѣтр. А я помню, какъ, наслышавшись отъ кормилицы своей *Маѳы* о волшебникахъ, чудовищахъ и великанахъ, унесъ я однажды въ деревнѣ изъ батюшкиной спальни большую саблю, побѣжалъ вечеромъ въ авинъ, началъ махать ею вокругъ головы, и вызывалъ чудовищь и великановъ съ собою на сраженіе: но шутъ вдругъ такой напалъ на меня страхъ, что я на силу добѣжалъ назадъ. Волосы стали у меня дыбомъ, и ноги чуть не подломились.

Доброс. Ништо тебѣ. Ты слишкомъ много храбришься. (*Помолчавши:*) И такъ естьли душа никогда не спитъ, но всегда что нибудь думаетъ, вспоминаетъ или представляетъ себѣ что нибудь; то что изъ этова слѣдуетъ?

Вѣтр. Мнѣ кажется, изъ этова слѣдуетъ то, что хотя человѣкъ и спитъ, однако душа думаетъ, вспоминаетъ и представляетъ себѣ что нибудь.

Доброс. Точно такъ; однако и тѣло наше должно имѣть участіе въ дѣйствіяхъ души. Когдажъ тѣло спитъ,

или бываетъ безъ дѣйствія, то и душѣ это препятствуетъ. Съ нею точно происходитъ то же, что съ солнцемъ. Оно всякой день надъ нами бываетъ; но иногда густыя облака проходятъ между имъ и землею, и закрываютъ его отъ насъ. — — Душа, находя препятствіе въ своихъ дѣйствіяхъ, смѣшиваетъ иногда мысли свои страннымъ образомъ. Она представляетъ себѣ то, что думала за нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что вчера думала. Отъ этова часто происходятъ чудные сны, веселые и страшные. Но такая смѣсь продолжается только до тѣхъ поръ, пока тѣло проснется, и опять начнетъ помогать душѣ въ ея дѣйствіяхъ. Иногда жъ представляетъ она мысли столь порядочно, какъ бы не во снѣ, и какъ бы не имѣя никакова препятствія. Однако и это дѣйствіе не иное что, какъ сонъ; не иное что, какъ мысли, которыя душа имѣетъ въ то время, когда тѣло спитъ.

Легков. Теперь вижу я, какъ глупо сновъ бояться. Когда боишься сновъ, то надобно и днемъ бояться своихъ мыслей.

Доброс. Ихъ надобно бояться еще больше. Сны не имѣютъ никакихъ слѣд-

ствій; а мысли, которыя мы не во сн[е] имѣемъ, безъ дѣйствія не бываютъ. [И] потому щастливъ тотъ человѣкъ, ко[-]торой не находитъ причины боятьс[я] своихъ мыслей!

Вѣтр. Отъ чего жъ людямъ пр[и]шло на умъ толковать сны?

Доброс. Это ведется изстари м[е]жду простолюдимами, которые не им[ѣ]ютъ понятія о свойствахъ души. Стат[ь]ся можетъ, что сперва кто нибудь ви[]дѣлъ сонъ, которой остался у него [в] памяти, а потомъ вскорѣ случилось [с] нимъ что нибудь примѣчательное. Он[ъ] почелъ это приключеніе слѣдствіемъ сн[а] и пересказалъ о томъ другимъ людям[ъ;] съ того времени стали думать, чт[о] *передъ такимъ-то приключеніемъ сни[т]ся такой-то сонъ.* На примѣръ: Легко[]вѣру въ нынѣшнюю ночь приснилос[ь,] будто онъ видѣлъ пожаръ, и послѣ это[го] вышелъ съ нимъ непріятной случа[й.] Онъ пересказалъ о томъ тебѣ; и есл[и] либъ я не вывелъ васъ изъ заблужденія, то вы оба стали бы думать, что ком[у] приснится пожаръ, съ тѣмъ на другой день случится какое нибудь неудоволь[]ствіе.

Вѣтр. Я хочу спросить васъ еще объ одномъ. — Иногда снится мнѣ что нибудь такое, чего совсѣмъ нѣтъ въ свѣтѣ, да и быть не можетъ; на примѣръ: однажды приснилось мнѣ, будто въ нашемъ саду на всѣкъ деревахъ и кустахъ растутъ золотыя яблоки. — Отъ чего это происходитъ?

Доброс. Вотъ отъ чего. Ты охотникъ до всего чуднаго и небывалаго. Можетъ быть ходилъ ты когда нибудь по саду, и думалъ: „Ахъ! естьлибы на „всѣхъ деревахъ и кусточкахъ расли зо„лотыя яблоки! какъ бы это было хоро„шо! Тогда и не вышелъ бы я отсюда!„

Вѣтр. Вы отгадали, Сударь; это точно такъ было.

Доброс. Можетъ быть эта мысль представилась во снѣ душѣ твоей, хотя и черезъ долгое время; и отъ того то видѣлъ ты въ саду золотыя яблоки. — Сверьхъ же того душа наша имѣетъ такую силу, что можетъ представлять себѣ и воображать вещи, которыхъ мы никогда не видали, да и видѣть не можемъ: эта сила называется *фантазїею*. На примѣръ: фантазїя можетъ представить тебѣ высокую ба-

шню столь же высокимъ человѣкомъ. Душа иногда и не во снѣ дѣйствуетъ этою силою.

Легков. Чувствительно благодаримъ васъ, Г. Добросердъ, что вы потрудились изъяснили намъ это. Впередъ буду я засыпать покойно; а прежде всегда, ложась спать, думалъ: *что-то мнѣ въ нынѣшнюю ночь приснится, и что-то сонъ мой будетъ значить?* Теперь не стану ужъ бояться, что бы мнѣ ни снилось.

Вѣтр. И я также.

Доброс. Я очень радъ, любезные друзья мои, что вы такъ думаете. Пусть это послужитъ вамъ охранительнымъ средствомъ и отъ другихъ суевѣрныхъ и нелѣпыхъ заблужденій и страховъ. На свѣтѣ много глупыхъ и невоспитанныхъ людей, подобныхъ вашему Ивану. Они станутъ можетъ быть говорить вамъ не только о снахъ, но объ *оборотняхъ*, о *вѣдьмахъ*, о *мертвецахъ* и *чудовищахъ всякаго рода.* Презирайте ихъ расказы, какъ несбыточныя и глупыя бредни. Когда вы сами чего растолковать не можете; то спрашивайтесь у тѣхъ, кои поопытнѣе и поумнѣе

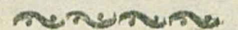
васъ, а не у тѣхъ, коихъ голова наполнена бесчисленными предразсудками и нелѣпостями. — Вотъ вамъ искренній мой совѣтъ. Естьли вы хотите предохранить себя отъ многихъ непріятностей въ жизни, то исполняйте его во всей точности.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РАЗГОВОРЫ НРАВСТВЕННЫЕ.

V.

РАЗГОВОРЪ
О
КИРѢ,
ИЛИ
О
ВОСПИТАНІИ.



Разговаривающїе всѣ тѣ же, что и въ первомъ отдѣленїи, кромѣ ВѢТРОНА *и* ДОМОВИТОВА, *вмѣсто которыхъ* НѢГИНЪ.

Добросердъ выходитъ съ одной стороны, а дѣти съ другой.

Доброс. Здравствуйте, любезные дѣти! Я очень радъ, что васъ вижу.

Дѣти всѣ. Здравствуйте, Г. Добросердъ!

Благонр. И для насъ также не менѣе пріятно быть съ вами вмѣстѣ и разговаривать. Мы всегда научаемся отъ васъ чему нибудь полезному.

Доброс. Благодарю васъ отъ всего сердца за ваше обо мнѣ доброе мнѣніе, и радуюсь, что могу служить вамъ. Поговоримъ-те жъ о чемъ нибудь. — Да, помнится, мы сдѣлали между собою уговоръ — а какой бы это, Г. Любопытовъ? не позабыли ль вы?

Любоп. Какъ забыть! Мы положили, чтобы при каждомъ нашемъ съ вами свиданьи расказывать вамъ поочередно, что мы безъ васъ дѣлали, о чемъ думали, что читали, и спрашивать вашего на то мнѣнія, или, въ случаѣ нужды, объясненія.

Доброс. Точно такъ. Чей же теперь чередъ?

Дѣти всѣ. Благонравовъ.

Доброс. Ну, Г. Благонравъ, начните жъ вы, какъ старшій, и покажите примѣръ своимъ товарищамъ. Скажите намъ, чѣмъ вы безъ меня занимались?

Благонр. Я читалъ-съ ту книжку, которую вы мнѣ пожаловали.

Доброс. А — помню — *Дѣтское Чтеніе.* — Ну, что жъ вы тамъ нашли хорошаго?

Благонр. Исторія дѣтскихъ лѣтъ Персидскаго Царя *Кира* показалась мнѣ всего пріятнѣе и достопамятнѣе; только не знаю, всему ли вѣрить, что объ немъ пишутъ. Пожалуйте скажите, Сударь, какъ вы объ этомъ думаете?

Доброс. Охотно; только прежде раскажите намъ свою исторію.

Благонр. Расказать-съ? наизусть? — Я не могу; по крайней мѣрѣ повѣствованіе мое не такъ будетъ исправно. Позвольте мнѣ лучше прочесть по книгѣ.

Доброс. Правду сказать, вамъ стыдно не умѣть пересказать того, что вы читали. Это не совсѣмъ хорошій

знакъ. Кто читаетъ со вниманіемъ и размышленіемъ; тотъ конечно можетъ пересказать другому то, что читалъ — положимъ, что не такъ точно, какъ въ книгѣ, однакожъ ясно и вѣрно, по крайней мѣрѣ не упуская главнѣйшихъ обстоятельствъ.

Благонр. Ахъ, Сударь! — это можетъ быть происходитъ совсѣмъ отъ другой причины, нежели какъ вы думаете. Можетъ быть. . . .

Доброс. Оставимъ это. Прочитайте по книгѣ.

Благонравъ читаетъ:

„*Астіагъ*, Царь *Мидской*, имѣлъ „дочь, по имени *Мандану*. Нѣкогда увидѣлъ онъ сонъ, которой жрецы и предсказатели растолковали ему такъ, что „дочь его родитъ сына, которой свергнетъ его съ престола. Царь былъ суевѣренъ и труслив. И такъ, чтобъ „отвратить грозящее ему нещастіе, онъ „не хотѣлъ выдать дочери своей за „Мидянина, а выдалъ ее за Персидскаго „Царя *Камбиза*, отъ котораго можетъ „быть ничего худаго не опасался. Однакожъ сонъ все не переставалъ его беспокоить. И для того, какъ скоро Киръ

„родился, Астїагъ приказалъ его при-
„везти къ себѣ, и призвавъ *Гарпага*
„одного изъ вѣрнѣйшихъ своихъ слу-
„жителей, поручилъ ему убить мла-
„денца. Гарпагъ обѣщалъ то испол-
„нить; однакожъ частїю изъ сожалѣнїя
„къ бѣдному младенцу, а частїю изъ
„страху, чтобъ Мандана по кончинѣ
„стараго Астїага не отомстила ему
„за смерть Кирову, не сдержалъ
„онъ своего слова. Онъ отдалъ дитя
„на воспитанїе одному пастуху, не ска-
„завъ ему ни состоянїя его, ни имени."

„Киръ, будучи десяти лѣтъ отъ
„роду, игралъ нѣкогда съ товарищами
„своими и выбранъ былъ въ *игрѣ Ца-*
„*ремъ*. Онъ поступалъ въ этомъ до-
„стоинствѣ очень строго, и требовалъ
„отъ своихъ подданныхъ точнаго пови-
„новенїя. Между ними находился одинъ
„спѣсивой мальчикъ знатнаго рода, ко-
„торой думалъ имѣть право своевольни-
„чать и не повиноваться; для того, что
„у отца его было больше денегъ, не-
„жели у другихъ. — Глупенькой! мо-
„жетъ быть отецъ и мать его нѣжили,
„и часто говорили ему, что онъ сынъ
„богатыхъ людей, и что простолюдимы
„передъ нимъ ничто. Лучше бы они

„сдѣлали, естьлибъ вмѣсто того поча-
„ще ему твердили, что своевольничество
„есть дурной порокъ, которой дѣлаетъ
„намъ людей недоброхотами; и что на-
„противъ послушанïе есть такая добро-
„дѣтель, которая особливо дѣтямъ весьма
„прилична. Лучше бы они сдѣлали,
„естьлибъ научили молодова господчика,
„что въ богатствѣ родителей не дол-
„жно искать преимущества передъ бѣд-
„ными дѣтьми, и дали бы ему почув-
„ствовать, что это преимущество дол-
„жно состоять въ томъ только, чтобы
„быть добронравнѣе и разумнѣе дру-
„гихъ„

„Короче сказать, молодой господ-
„чикъ не слушался Кира. Киръ, раз-
„сердясь за то, велѣлъ немилосердо вы-
„сѣчь этого упрямца. Высѣченной маль-
„чикъ съ плачемъ и воплемъ побѣжалъ
„къ своему отцу, а отецъ, разсердясь
„за толь худой поступокъ съ любезнымъ
„его сынкомъ, пошелъ къ Царю Астïагу
„и жаловался ему на дерзость мнимаго
„пастухова сына. Астïагъ приказалъ
„позвать передъ себя пастуха съ моло-
„дымъ Киромъ, и спросилъ у послѣд-
„няго, какъ онъ осмѣлился бить сына
„знатнаго Мидянина? Киръ смѣло отвѣ-

„чалЪ: *Я сдѣлалЪ это по праву. Он*
„*игралЪ сЪ нами, и я вЪ игрѣ выбран*
„*былЪ Царемъ; для того, что мои то*
„*варищи почли меня всѣхЪ кЪ тому спо*
„*собнѣе. Другїе мальчики исполнял*
„*мои приказы, а этотЪ не хотѣлЪ ме*
„*ня слушаться, и за то справедливу*
„*получилЪ награду. Естьли справедли*
„*вость заслуживаетЪ наказанїе, то я*
„*готовЪ его вытерпѣть.*„

„Такой смѣлой отвѣтЪ десятилѣт
„няго мальчика, и благопристойность
„сЪ какою онЪ говорилЪ, заставил
„Астїага посмотрѣть на него присталь
„нѣе. Ему показалось, что вЪ лиц
„Кировѣ есть нѣкоторое сходство с
„нимЪ. Это привело его вЪ беспокойство
„онЪ вспомнилЪ, что естьлибы убитой
„его внукЪ былЪ живЪ, то имѣлЪ бы
„точно столько же лѣтЪ отЪ роду
„сколько имѣлЪ этотЪ мальчикЪ. Тут
„беспокойство его еще болѣе увеличилось
„такЪ что онЪ долго не могЪ выговорить
„ни одного слова. Оправясь нѣсколько
„приказалЪ онЪ знатному Мидянину
„выити, увѣривЪ его, что постарается
„сдѣлать ему удовольствїе. ПотомЪ
„спросилЪ онЪ у пастуха, какЪ ему до
„стался этотЪ мальчикЪ, и грозилЪ же

„стокимъ наказанїемъ, естьли не скажетъ правды. Пастухъ испугавшись, „во всемъ признался.„

„Хотя пастуху и не извѣстно было „Кирово происхожденїе; однако то, что „онъ сказалъ Царю, открыло ему довольно ясно, что это былъ внукъ его. „Астїагъ, разсердившись на Гарпага, „приказалъ, въ наказанїе ему, убить „собственнаго его сына.„

„Потомъ созвалъ онъ Маговъ, ко„торые толковали его сонъ, и открылъ „имъ, что внукъ его живъ. Они под„твердили прежнее свое толкованїе, и „сказали, что Киръ непремѣнно долженъ „царствовать. Астїагъ расказалъ имъ „Кирово приключенїе: какъ его другїе „мальчики выбрали Царемъ, и какъ онъ „притомъ поступилъ. О! когда онъ „живъ, сказали Маги, и былъ уже Ца„ремъ, не думавши о томъ, то не опа„сайся его: онъ не будетъ уже царство„вать. Часто самые важнѣйшїе сны сбы„ваются въ малостяхъ.„

„Астїагъ повѣрилъ имъ, и отослалъ „молодаго Кира къ его родителямъ въ „Персїю!„

(Остановка. Благонравъ прячетъ книгу и говоритъ:)

Вотъ, Сударь, этотъ таинственной сонъ, это Астїагово приказанїе убить молодова Кира, чудное спасенїе его жизни, воспитанїе его у пастуха, выборъ въ игрѣ Царемъ — все это, кажется мнѣ, не совсѣмъ вѣроятно.

Доброс. Вы не ошибаетесь. Вся эта повѣсть, любезные дѣти, весьма походитъ на выдумку. Склонность къ чудным приключенїямъ часто заставляла людей вымышлять такїе расказы, которые совсѣмъ невѣроятны. Этотъ примѣръ послужитъ вамъ въ предосторожность, и покажетъ, сколь нужно прїучаться съ самыхъ молодыхъ лѣтъ различать истинное отъ ложнаго. Почти обо всѣхъ Основателяхъ большихъ Государствъ и великихъ Герояхъ въ древности выдуманы такїя чудныя повѣсти, особливо касательно до ихъ рожденїя и смерти. И такъ вы очень хорошо сдѣлаете, естьли будете совѣтоваться въ подобныхъ случаяхъ съ знающими людьми и просить у нихъ наставленїя, чтобы иначе не впасть въ обманъ и не принять небылицъ за подлинныя произшествїя. Часто одна-

кожѣ и въ самыхъ басняхъ сокрыты бывают истинны, которыхъ рачительно искать должно. — —

Ксенофонтъ, одинъ изъ лучшихъ Греческихъ Писателей, повѣствуетъ о Кирѣ гораздо вѣроятнѣе. Притомъ повѣсть его такъ пріятна и наставительна, что естьли я сообщу вамъ изъ нее что нибудь: то вы вѣрно будете слушать съ удовольствіемъ и не безъ вниманія.

Дѣти всѣ. О, конечно, конечно, Г. Добросердъ!

Доброс. Отецъ Кировъ былъ *Камбизъ*, Царь Персидской, а мать его *Мандана*, дочь Мидскаго Царя *Астіага*. Киръ одаренъ былъ тѣлесною красотою, но лучшее его достоинство составляли похвальныя душевныя свойства. Онъ былъ кротокъ и привѣтливъ, прилѣжалъ къ наукамъ, и весьма тщательно старался заслужить доброе имя; не боялся никакой опасности, и никакіе труды не казались ему тяжкими, когда только черезъ нихъ могъ онъ достигнуть славы. Онъ воспитанъ былъ по Персидскимъ законамъ и учрежденіямъ, которыя тогда были прекрасны,

особливо тѣ изъ нихъ, кои относились до воспитанія юношества. — Вышедъ изъ дѣтства — —

Любол. Извините меня-съ, что я перерву вашу повѣсть. Мнѣ очень хочется знать побольше о Кирѣ, когда онъ былъ еще въ дѣтствѣ. Вы насказали объ немъ столько добраго, что поведеніе его конечно можетъ послужить для насъ наставительнымъ примѣромъ. Пожалуйте жъ раскажите намъ обстоятельнѣе, какъ онъ былъ воспитанъ.

Доброс. Весьма охотно; только повѣствованіе мое будетъ довольно важно. Сперва долженъ я упомянуть о Персидскихъ учрежденіяхъ, касавшихся до воспитанія юношества; они весьма отличны отъ нашихъ. Слушайте жъ прилѣжно, и смотрите, не можете ли отсюда научиться чему нибудь доброму. (*Остановка.*)

Польза Государства была предметомъ всѣхъ Персидскихъ законовъ. Воспитаніе дѣтей почитаемо было важнѣйшимъ дѣломъ; почему не отдавали его на волю родителямъ, но оно составляло общее Государственное попеченіе, и

дѣтей воспитывали всѣхъ вмѣстѣ и одинаково.

Нѣгинъ. (Съ нѣкоторымъ жаромъ:) Это мнѣ совсѣмъ не нравится; потому что родители вѣрно могутъ воспитать дѣтей своихъ лучше всякова чужова человѣка. Я ни за что въ свѣтѣ не согласился бы оставить батюшку и матушку.

Доброс. Правда, что родители могутъ воспитать дѣтей своихъ лучше чужова человѣка; однакожъ изъ этова не слѣдуетъ еще, чтобы всѣ родители дѣтей своихъ хорошо воспитывали. И такъ, другъ мой, подумавши, какъ надобно, не сказалъ бы ты, что *это тебѣ совсѣмъ не нравится.* Сколько есть вещей, которыя кажутся намъ не хороши потому только, что мы смотримъ на нихъ не съ той стороны, съ какой бы должно, и притомъ не съ надлежащимъ вниманіемъ.

Но возвратимся къ Персамъ. Я сказалъ, что у нихъ всѣ дѣти воспитываемы были вмѣстѣ и одинаково. Притомъ наблюдали во всемъ строгой порядокъ; опредѣлено было число учителей, также мѣсто и время для вся

кихъ упражненій, для отдыха, для кушанья, для сна. Сверьхъ того назначены были разныя наказанія и награжденія. *Пища* молодыхъ людей состояла только въ *хлѣбѣ*, *крессалатѣ* и *водѣ*.

Любоп. Ахъ, бѣдные дѣти! какъ они мнѣ жалки!

Легков. Для чего жъ не давали имъ пищи получше?

Доброс. Чтобы пріучить ихъ къ умѣренности и трезвости.

Остр. Я думаю, что они съ такой пищи на силу ходить могли.

Доброс. Совсѣмъ напротивъ. Солдаты Кировы всѣ были здоровы и крѣпки, могли сносить величайшія трудности, и въ состояніи были служить до самой глубокой старости.

Нѣг. Я не понимаю, какъ это могло статься.

Доброс. Это весьма легко понять. Опытъ научаетъ насъ, что простая пища здоровѣе всякой другой, и что частое упражненіе въ тѣлодвиженіяхъ укрѣпляетъ наши силы. Это доказываютъ вамъ мужики ваши. Они при

худой пищѣ и при тяжелой работѣ по большой части бываютъ здоровы и крѣпки. Теперь видите ли, какъ наружной видъ обманчивъ? Будьте жь осторожны въ своихъ сужденїяхъ, чтобы по незнанїю не охуждать того, что въ самомъ дѣлѣ хорошо.

Правосудїе было главнѣйшимъ предметомъ при воспитанїи молодыхъ Персовъ; и они ходили въ школу учиться ему, такъ какъ у насъ ходятъ туда учиться читать, писать и разнымъ наукамъ. Въ ихъ училищахъ строже всего наказывали за *неблагодарность*; для того, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего презрѣннѣе этова порока. Неблагодарной человѣкъ не можетъ любить ни Бога, ни людей. Однакожъ къ сожалѣнїю часто видимъ мы примѣры неблагодарности.

Всѣ Персы раздѣлялись на *четыре* класса: на *дѣтей*, *юношей*, *мужей* и *стариковъ*.

Въ классѣ дѣтей были они до 16 или 17 года. Въ немъ учились стрѣлять изъ лука, метать дротикомъ и —

Остр. Что это за оружїя? Я ихъ не знаю.

Доброс. Вамъ не случалось ихъ видѣть; но можно надѣяться, что увидите со временемъ. Въ Россіи есть народы, которые употребляютъ луки и дротики, на примѣръ, всѣ природные жители Сибири.

Потомъ переходили Персы въ классъ юношей. Въ этомъ классѣ наблюдаема была великая строгость; для того, что юношескому возрасту строгое надзираніе весьма нужно. Они оставались тутъ 10 лѣтъ. Во все это время проводили они ночи, стоя на караулѣ; отчасти для охраненія города, отчасти жъ для того, чтобъ привыкнуть къ снесенію трудностей. Днемъ исполняли приказы своихъ командировъ, ѣздили съ Царемъ на охоту, упражнялись въ бѣганьи, борьбѣ и прочихъ тѣлодвиженіяхъ.

Нѣг. На охоту ѣздить хорошо; но стоять всю ночь на караулѣ — на это бы я не согласился.

Доброс. А это-то солдату всего нужнѣе. Не худо бы и тебѣ понемногу къ этому привыкать, чтобъ послѣ не тяжело было, какъ пойдешь въ полкъ. Во время войны это необходимо. Естьли непріятель близко, то не ловко

спать. Офицеръ долженъ тогда больше всего остерегаться, чтобъ онъ не напалъ на него нечаянно. Хуже всего быть въ осажденной крѣпости: тамъ и день и ночь покою нѣтъ. Чего жъ въ такихъ обстоятельствахъ можно ожидать отъ Офицера, которой привыкъ спать по 7 или по 8 часовъ въ сутки, и у котораго голова разболится, когда онъ не доспитъ. — Что ты теперь думаешь?

Нѣг. Признаюсь, что я виноватъ.

Доброс. Естьли ты искренне признаешься, то послѣдуй моему совѣту.

Третїй классъ состоялъ изъ мужей. Въ немъ оставались до 50 лѣтъ; и отсюду-то выбирали Офицеровъ и другихъ военныхъ чиновниковъ. Кому изъ нихъ было 50 лѣтъ отъ роду, того не принуждали уже служить въ войскѣ внѣ Государства.

Наконецъ вступали они въ послѣднїй классъ, изъ котораго мудрѣйшихъ и искуснѣйшихъ выбирали въ Верьховной Совѣтъ и въ Судьи.

Такимъ образомъ всѣ Персы имѣли надежду достигать самыхъ высокихъ

чиновъ; однако никто не могъ получать ихъ, не заслуживши того ревностію и прилѣжаніемъ во всѣхъ упражненіяхъ первыхъ трехъ классовъ.

Киръ также былъ воспитанъ; и онъ превосходилъ своихъ товарищей не только скоростію въ ученьи, но отважностію, расторопностію и искусствомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ.

Астіагъ, наслышавшись объ немъ много добраго, весьма желалъ его видѣть; почему Мандана пріѣхала къ нему съ сыномъ своимъ, которому тогда отъ роду было двенадцать лѣтъ.

Киръ нашелъ при дворѣ своего дѣда совсѣмъ другіе обычаи, нежели какіе были въ его отечествѣ. Тутъ вездѣ царствовало великолѣпіе и роскошь. Астіагъ одѣвался весьма пышно, подрисовывалъ себѣ брови, румянился, и сверьхъ природныхъ волосовъ носилъ еще поддѣльные. Мидяне вообще одѣвались великолѣпно; напротивъ же того Персы носили грубую одежду. Однако все это Кира не ослѣпило. Онъ, не хуля Мидскихъ обычаевъ, умѣлъ сохранить тѣ правила, которымъ наученъ былъ съ самаго дѣтства.

Благонр. Это мнѣ очень нравится въ Кирѣ.

Доброс. И въ самомъ дѣлѣ это его похвальное свойство достойно подражанія. Нѣтъ ничего несноснѣе такого человѣка, которой хулитъ все то, что ему не нравится, или что для него странно.

Остр. Это мой порокъ, и мнѣ очень досадно, что я не могу отъ него отвыкнуть.

Доброс. Помни только всегда Кира, и ты скоро оставишь дурную эту привычку.

Молодой Князь велъ себя въ Мидіи столь хорошо, что всѣ его полюбили. Благородные и ласковые его поступки плѣняли всѣхъ, такъ что Астіагъ весьма желалъ удержать его у себя, и потому ничего не щадилъ, чтобы сдѣлать ему жизнь въ Мидіи пріятною и пріучить его къ забавамъ.

Благонр. Я боюсь, чтобъ онъ не позабылъ Персидскихъ своихъ добродѣтелей.

Доброс. Посмотримъ, какое впечатлѣніе сдѣлали въ его сердцѣ пышность

и забавы. Для насъ довольно будетъ одного примѣра, чтобы узнать его мысли.

Любол. Ахъ! я на силу могу дождаться — (*Остановка. Добросердъ молчитъ.*)

Любол. Что жъ вы замолчали?

Доброс. Хочу возбудить твое любопытство.

Любол. О, помилуйте Сударь, я и такъ ужъ слишкомъ любопытенъ! (*Подумавши:*) Однако я догадываюсь, что вы хотѣли дать мнѣ черезъ то разумѣть, и благодарю васъ за напоминанїе.

Доброс. Астїагъ, желая внушить внуку своему охоту остаться въ Мидїи, сдѣлалъ однажды великолѣпный пиръ, на которомъ всѣ самыя лучшїя и дорогїя кушанья въ изобилїи расточаемы были. Но Кира вся эта пышность нимало не тронула. Вотъ разговоръ, (*вынимаетъ изъ кармана тетрадь,*) которой имѣлъ онъ при этомъ случаѣ съ своимъ дѣдомъ. Я нарочно выписалъ его для васъ, чтобы черезъ то еще больше познакомились вы съ Киромъ. (*Читаетъ:*)

„*Аст.* (*къ Киру:*) Не правда ли, „что у меня столъ гораздо лучше ваше„го Персидскаго?„

„*Киръ.* Нимало. Онъ мнѣ совсѣмъ „не нравится.„

„*Аст.* А для чего?„

„*Киръ.* Какова труда стоитъ вамъ „протягивать руки ко всѣмъ этимъ блю„дамъ и ѣсть изъ нихъ! Мы въ Персіи „наѣдаемся гораздо скорѣе. Намъ толь„ко надобно нѣсколько хлѣба и кресса„лату.„

„*Аст.* Однако, сынъ мой, всѣ „эти околичности, которыя тебѣ ка„жутся трудными, намъ очень прі„ятны. Отвѣдай только самъ этова „кушанья; и ты узнаешь, какъ оно „вкусно.„

„*Киръ.* А я примѣтилъ, что оно „вамъ противно.„

„*Аст.* Право?„

„*Киръ.* Точно такъ. Дотронувшись „до него, вы всегда отираете руки; а „когда хлѣбъ берете, то этого не дѣ„лаете.„

„*Аст*. По крайней мѣрѣ кушай „мясо, чтобы возвратиться домой здо„ровѣе.„

(*Тутъ Добросердъ не читаетъ, а расказываетъ*:)

Онъ велѣлъ поставить передъ Кира множество всякова мяснова кушанья. Киръ, не взявши ничего для себя, спросилъ Астiага, хочетъ ли онъ все это ему подарить; и когда Астiагъ на то согласился, то онъ раздалъ все кушанье Царскимъ служителямъ: одному за то, что онъ училъ его ѣздить верьхомъ; другому за то, что онъ подарилъ ему дрожикъ; третьему за то, что онъ хорошо услуживалъ его дѣду; четвертому за почести, которыя онъ оказывалъ его матери. Такимъ образомъ раздавалъ онъ еще многимъ другимъ, пока уже ничего не осталось. Онъ не далъ ничего одному только Мундшенку *Сакасу*, которой имѣлъ еще должность вводить къ Царю тѣхъ, кои съ нимъ говорить хотѣли; и какъ онъ не могъ допускать Кира къ Астiагу во всякое время, когда только ему хотѣлось, то Киръ его не любилъ.

(*Опять читает.*)

„*Аст.* Для чего жь не далъ ты „ничего Сакасу, котораго я отмѣнно „люблю.„

„*Киръ.* А за что вы его столько „любите?„

„*Аст.* Развѣ ты не видишь, какъ „хорошо наливаетъ онъ и подноситъ „вино?„

„*Киръ.* О! естьли этимъ только „можно заслужить вашу милость, то я „тотчасъ ее заслужу. Прикажите Са- „касу отдать мнѣ стаканъ: я также „хорошо налью и поднесу, какъ и онъ.„

(*Раскаызываетъ.*)

Ему подали стаканъ. Онъ сдѣлалъ все, что дѣлалъ Сакасъ, и поднесъ стаканъ такъ хорошо, что Астіагу было то весьма пріятно. Потомъ кинулся онъ на шею къ своему дѣду, поцѣловалъ его и вскричалъ: „О Сакасъ! бѣдной Сакасъ! ты погибъ; должность „твоя мнѣ достанется. Я также хо- „рошо ее отправляю, какъ и ты; да „сверьхъ того самъ не пью вина.„ Царскіе Мундшенки имѣли обыкновеніе, прежде нежели подадутъ стаканъ Царю, наливать немного вина въ лѣвую руку и выпивать.

Легков. А для чего они это дѣлали?

Доброс. Чтобы Царь не опасался въ винѣ яду. —

(*Читаетъ.*)

„*Аст.* Ты все дѣлалъ такъ, какъ „Сакасъ; но для чего самъ не отвѣдалъ „вина?„

„*Киръ.* Я боялся яду.„

„*Аст.* Яду? — Почему жъ ты ду„малъ, что въ винѣ есть ядъ?„

„*Киръ.* Не давно, какъ вы въ „день своего рожденія, давали праздникъ „своимъ друзьямъ, я примѣтилъ, что „Сакасъ подносилъ вамъ ядъ. Выпивши „его, всѣ вы потеряли разсудокъ. Вы „сами дѣлали то, чего въ другое время „отъ дѣтей терпѣть не можете: вы „кричали всѣ вмѣстѣ, не слушая другъ „друга; пѣли такъ, что не льзя было „удержаться отъ смѣху; всякой хва„стался силою; но какъ послѣ того вста„ли вы изъ-за стола, чтобъ танцовать, „то никто на ногахъ стоять не могъ: вы „позабыли, что вы Царь; а они, что „подданные.„

„*Аст.* Развѣ не бываетъ этова съ „твоимъ отцомъ, когда онъ пьетъ?„

„*Кирѣ*. Никогда.„

„*Аст*. Что жѣ сѣ нимѣ вѣ такомѣ
„случаѣ бываетѣ?„

„*Кирѣ*. Ничего больше, какѣ что
„онѣ напившись, перестаетѣ имѣть жа-
„жду.„

„*Мандана*. Однако сѣ Сакасомѣ
„долженѣ ты помириться.„

„*Кирѣ*. Я охотно бы сѣ нимѣ по-
„мирился, естьлибѣ этотѣ человѣкѣ не
„всегда мнѣ отказывалѣ, когда я хочу
„итти кѣ дѣдушкѣ. — Позвольте мнѣ,
„дѣдушка! три дни имѣть надѣ нимѣ
„власть.„

„*Аст*. Что жѣ бы ты сѣ нимѣ
„сдѣлалѣ?„

„*Кирѣ*. Я также, какѣ онѣ, сталѣ бы
„у дверей; и естьлибы онѣ пришелѣ
„кѣ завтраку, то я сказалѣ бы ему:
„тебѣ не льзя еще видѣть Царя; онѣ
„занятѣ дѣлами. — Естьлибы онѣ при-
„шелѣ кѣ обѣду, то я сказалѣ бы:
„Царь теперь вѣ банѣ. — А естьлибы
„онѣ непремѣнно захотѣлѣ войти, то я
„сказалѣ бы ему: Царь почиваетѣ. Тогда-
„то узналѣ бы онѣ, каково тому, кого
„кѣ вамѣ не пускаютѣ.„

Остр. Развѣ Сакасъ не хорошо дѣлалъ, что не допускалъ его къ Царю?

Доброс. Нѣтъ, онъ исполнялъ свою должность.

Остр. Для чего жъ Киръ на него жаловался.

Доброс. Онъ досадовалъ на то, что его не всегда пускали къ дѣду, когда только ему хотѣлось. (*Прячетъ тетрадь.*) Ему было тогда отъ роду только 11 или 12 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ дѣти не могутъ еще различать, что справедливо, и что нѣтъ. Когда откажешь имъ въ ихъ прозьбѣ, то лишишь ихъ удовольствія; а лишиться удовольствія всякому чувствительно. Но какъ въ человѣческой жизни не возможно, чтобъ всѣ желанія исполнялись; то дѣтямъ весьма нужно съ самыхъ молодыхъ лѣтъ пріучаться терпѣливо сносить отказы. Тѣ дѣти, которымъ все дѣлаютъ въ угодность, бываютъ своенравны, упрямы и рѣдко довольны. Но кто заблаговременно, и притомъ собственнымъ опытомъ, научился быть равнодушнымъ и тогда, когда желанія его не исполняются: тотъ предохранитъ себя въ жизни отъ многихъ непріятностей и огорченій.

Когда Мандана захотѣла возвратиться въ Персїю, то Астїагъ просилъ Кира, чтобъ онъ еще у него погостилъ. Киръ охотно согласился на его прозьбу, и Мандана возвратилась одна. Живучи здѣсь, онъ прїобрѣлъ отъ всѣхъ Мидянъ любовь и почтенїе. Онъ былъ кротокъ, словоохотенъ, ласковъ, услужливъ и всегда расположенъ дѣлать добро. Когда знатные люди хотѣли просить о чемъ нибудь Царя, то сперва просили о томъ Кира, а онъ предлагалъ ихъ прозьбу своему дѣду, которой ни въ чемъ ему не отказывалъ.

Когда минуло ему 16 лѣтъ, то отецъ позвалъ его назадъ въ Персїю; для того, чтобы остальные годы дѣтскаго возраста провелъ онъ въ упражненїяхъ по Персидскимъ законамъ. Киръ отправился въ путь, какъ скоро получилъ приказанїе, чтобы ни отецъ, ни отечество его не имѣли причины на него жаловаться. При этомъ случаѣ увидѣли, сколько онъ любимъ былъ Мидянами. Старые и молодые люди, и даже самъ Астїагъ, провожали его очень далеко; и когда надлежало съ нимъ разстаться, то не было никого, кто бы не плакалъ.

Когда онъ прибылъ въ Персїю, то его товарищи думали, что онъ совсѣмъ перемѣнился при дворѣ своего дѣда; но увидѣвъ, что онъ довольствуется обыкновенною ихъ пищею и еще многихъ изъ нихъ умѣреннѣе, удивлялись ему болѣе, нежели прежде.

Киръ, пробывши еще годъ въ классѣ дѣтей, перешелъ потомъ въ классъ юношей, въ которомъ показалъ онъ, что не имѣетъ себѣ равнаго въ искусствѣ *терпѣть* и *повиноваться*. Черезъ десять лѣтъ принятъ онъ былъ въ классъ мужей, въ которомъ пробывши 13 — — Однако я обѣщалъ вамъ расказать только исторїю дѣтскихъ его лѣтъ, а она ужъ кончилась.

Любоп. Ахъ, Сударь! намъ очень прїятно слушать: сдѣлайте милость продолжайте.

Дѣти всѣ. Сдѣлайте милость, Г. Добросердъ?

Доброс. Нѣтъ, любезные дѣти! мы ужъ очень довольно говорили сегодни о Кирѣ. Исторїя его такъ велика, что въ одинъ разъ кончить ея не льзя. Оставимъ это до другаго времени; а теперь пусть всякъ изъ васъ скажетъ мнѣ,

что ему больше всего понравилось въ Кирѣ.

Благонр. Мнѣ больше всего понравилось его послушанїе къ родителямъ и командирамъ.

Добрoс. Всѣ дѣти должны ему подражать въ этой добродѣтели. — А тебѣ, Сударь, Г. Нѣгинъ, что понравилось?

Нѣг. Мнѣ понравилось то, какъ онъ дѣду своему за столомъ говорилъ правду.

Добрoс. Ты выбралъ лучшее, только не по своимъ лѣтамъ. Такимъ образомъ говорить правду другимъ приличнѣе старымъ людямъ, нежели дѣтямъ. — Послушаемъ, что понравилось Г. Любопытову.

Любоп. То, что онъ ко всѣмъ былъ ласковъ.

Добрoс. Эта добродѣтель дѣлаетъ всякаго человѣка любви достойнымъ.

Остр. А мнѣ понравилось то, что онъ старался всѣхъ превзойти.

Добрoс. Это старанїе тогда только похвально, когда гордость въ немъ не участвуетъ; въ противномъ случаѣ че-

ловѣкъ легко можетъ збиться съ прямаго пути. — Теперь что ты намъ скажешь, другъ мой, Г. Легковѣръ?

Легков. Я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ Киръ подавалъ дѣду своему стакань. Я думаю, онъ это мастерски сдѣлалъ.

(*Другїе дѣти смѣются.*)

Легков. (*Съ досадою, къ Добросерду:*) Чему жъ они смѣются?

Доброс. Они смѣются надъ тобою, другъ мой. Однако ты не сердись. Они смѣются для того, что отвѣтъ твой не кстати, а не для того, чтобъ тебя обидѣть.

Легков. Какъ? Развѣ я сказалъ что нибудь худое?

Доброс. Нѣтъ: но мы говорили о похвальныхъ свойствахъ и добродѣтеляхъ Кировыхъ; а поднести хорошо стаканъ, есть не большое только искусство, которое и самой дурной человѣкъ имѣть можетъ. И такъ товарищи твои смѣются тому, что ты почелъ это добродѣтелью. — Ну, теперь ты не сердишься больше?

Легков. Нѣтъ, а сперва было мнѣ досадно.

Доброс. Ты доброе дитя, вы всѣ добрые дѣти, любезные друзья мои. Но этого не довольно. Вамъ надобно стараться и о томъ, чтобы нѣкогда быть полезными членами общества. Къ сему должны стремиться всѣ ваши мысли, всѣ дѣла ваши. Примѣромъ вамъ Киръ. Ступайте по слѣдамъ его. У него учитесь твердости, терпѣнїю, умѣренности, трудолюбїю и послушанїю. Будьте Героями, будьте прямыми сынами отечества — и имя ваше, вмѣстѣ съ именемъ Кира, не умретъ никогда.

VI.

РАЗГОВОРЪ

О томъ, что во время воспитанія, образуя сердце, должно стараться о пріобрѣтеніи знаній и навыковъ къ разнымъ должностямъ.

РАЗГОВАРИВАЮЩІЕ:

СЛАВОЛЮБЪ,
ПРОВОСУДОВЪ,
ЗДРАВОМЫСЛЪ,
ЗВѢЗДОНЪ,
ХИТРОУМЪ,
СОБИНЪ,
РАЗУМОВЪ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Разумовъ и Собинъ.

Собинъ. Нѣтъ-съ, я веселъ.

Разумовъ. Во все это время, какъ вы отданы мнѣ на руки, я ни разу не видалъ, чтобъ вы были веселы. Изъ всѣхъ дѣтей вы самое удивительное имѣете свойство: никогда ничѣмъ не занимаетесь.

Соб. (*Почти сквозь слезы:*) Какъ, Сударь? Развѣ вамъ жаловались на меня, что я лѣнивъ? Я учусь — —

Разум. Нѣтъ; я знаю, что вы умны и всегда прилѣжны. Я говорю, что вы никогда ничѣмъ не занимаетесь въ свободное время: ни во что не играете, ни съ кѣмъ не разговариваете; хотьбы что нибудь дѣлали, или гуляли по саду; всегда сидите одни въ уголку, и ни съ кѣмъ ни слова.

Соб. Я не люблю, Сударь, безъ дѣла говорить; играть я то же не охотникъ; читать безпрестанно вы не

приказываете, а по саду ходить холодно.

Разум. Скажите жъ мнѣ, о чемъ вы думаете, сидя одни?

Соб. О чемъ? — Извольте, я вамъ скажу; я бы и давно сказалъ, да не смѣлъ. Я думаю: на что мы всему учимся? *Математикѣ*, *по-Французски*, *по-Руски*, *по-Англински*, *по-Нѣмецки*, *по-Латинѣ*, *Физикѣ*, *Законоискусству*, *Натуральной Исторïи*, *Краснорѣчïю*, *Стихотворству* и *Нравоученïю*, *по Италïянски*, *рисовать*, *танцовать*, *пѣть*, *играть на инструментахъ*, *Исторïи*, *Географïи*? Не ужъ ли все это непремѣнно знать должно?

Разум. Которой вамъ годъ?

Соб. Десятой. А что-съ? Не гнѣваетесь ли вы, что я васъ объ этомъ спросилъ?

Разум. Напротивъ мнѣ очень прïятно, что вы такъ любопытны. Очень похвально, что вы начинаете думать; да только не хорошо, что такъ задумываетесь.

Соб. Ахъ! такъ скажите жъ, Сударь, сдѣлайте милость; я безпре-

станно объ этомъ думаю. Когда узнаю, для чего мы всему этому учимся, то не стану больше задумываться.

Разум. Съ тѣмъ уговоромъ, весьма охотно. Я бы желалъ, чтобъ и товарищи ваши слышали, для чего они такъ многому учатся.

Соб. Ахъ! сдѣлайте, Сударь, милость, не говорите, что я объ этомъ васъ спросилъ. Они смѣяться будутъ надо мною.

Разум. А развѣ они смѣются надъ вами?

Соб. Нѣтъ-съ; но мнѣ кажется, что я имъ смѣшонъ, что никогда съ ними не играю и всегда одинъ.

Разум. Это вы и сами чувствуете. Не хорошо въ самомъ дѣлѣ; на что такъ быть дику и всѣхъ чуждаться? Развѣ не льзя быть умну и обходительну? Скажите, чего вы боитесь?

Соб. Я ничего не боюсь, Сударь — но я застѣнчивъ.

Разум. И это не хорошо.

Соб. Я боюсь, чтобъ они не замѣшали меня во что нибудь съ собою; чтобъ за что не поссориться съ ними.

Разум. А развѣ они ссорятся между собою?

Соб. Нѣтъ, Сударь, они только — вы не приказываете ни на кого доносить.

Разум. Это правда. Вы хорошо дѣлаете, что помните, что вамъ приказано; но на этотъ разъ —

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣ же и Правосудовъ.

Правосудовъ. Что это такое? Не стыдно ли вамъ?

Разум. Что вы? что съ вами сдѣлалось? Вы плачете?

Правос. Посмотрите, Сударь! Славолюбъ — на него всѣ хотятъ притти къ вамъ жаловаться — стащилъ съ моего стола красное сукно и облилъ чернилами всѣ мои дѣла?

Разум. Можно ли это? На что ему ваше сукно? — Вѣрно вы его сами прежде тронули?

Правос. Нѣтъ, Сударь, спросите кого вамъ угодно. Я признаюсь вамъ —

вить вы сами позволили намъ теперь играть — я сидѣлъ за своимъ столомъ судьею; Г. Честонъ и Добровъ были челобитчики, и скажутъ вамъ то же — онъ вдругъ прибѣжалъ со шпагою, схватилъ сукно — говоритъ, что ему лучше быть плащомъ на геройскомъ плечѣ, нежели покрышкой на судейскомъ столѣ. Извольте посмотрѣть, какъ все вымаралъ! —

Разум. Возможно ли это? Вамъ нельзя позволить ни минуты поиграть: и въ самыхъ невинныхъ забавахъ ссорятся, обижаютъ другъ друга. Г. Собинъ умно дѣлаетъ, что ни во что съ вами не играетъ.

Соб. Ахъ, Сударь!

Правос. Не сами ль вы вчера меня хвалили и изволили сказать, что я за моимъ столомъ похожъ на судью?

Разум. Правда; но что это? Посмотрите, что тамъ такое?

ЯВЛЕНІЕ 3.

Тѣ же, Хитроумъ и Здравомыслъ.

Разум. Что вы, Господа? Что съ вами сдѣлалось?

Хитроумъ. | Что это, Сударь! посмотрите: Моя картина! краски! Мой прекрасной тазикъ!
Здравомыслъ | Моя мѣльница! мой Англинской плугъ! моя Рига! житница!

Разум. Кто у васъ это все испортилъ?

Правос. Вѣрно Славолюбъ?

Здрав. Онъ; посмотрите, что онъ сдѣлалъ изъ моихъ прекрасныхъ моделей. Теперь ихъ въ годъ не соберешь.

Хитр. А я сколько трудился надъ своею картиною! Теперь вся изорвана.

Разум. Какъ досадно! Въ самое то время, какъ думаешь быть спокоенъ и вмѣстѣ съ ними утѣшаться ихъ невинными забавами, они заставляютъ судить себя и сердиться по неволѣ. Не печальтесь, друзья мои. Я знаю, вы такъ умны, что скоро все опять по-

правите — я знаю, что сдѣлать съ этимъ воиномъ. — Когда вы станете рисовать, такъ онъ долженъ разводить вамъ краски, вамъ помогать устанавливать вашу мѣльницу, а вамъ заставимъ его по праздникамъ переписывать ваши дѣла. Я знаю, каково ему это будетъ.

Всѣ трое. Ахъ! нѣтъ, Сударь! мы не хотимъ, чтобъ вы его наказывали; мы просимъ только васъ, чтобъ вы приказали впередъ насъ не трогать — мы и объ этомъ не стали бы васъ трудить, естьлибы вы не знали — мы не думали, что вы здѣсь.

Разум. Худо вы очень дѣлали, Господа, естьли давно терпѣли отъ него что нибудь такое, и не сказывали мнѣ; вы его сами избаловали. —

Хитр. Правос. Здрав. взглядывают другъ на друга и потупляютъ глаза.

Разум. Я вижу, что онъ давно этакъ воюетъ; а вы мнѣ не сказываете. Я не велѣлъ вамъ доносить другъ на друга, какъ дѣлаютъ избалованные нянюшками дѣти; но вы чай помните, что я просилъ васъ быть

со мною чистосердечными, и не терпѣть между собою никакихъ шалостей: это значитъ портить другъ друга и скрывать отъ меня свою порчу.

Всѣ кромѣ Собина. Мы виноваты, простите насъ.

Разум. Вы знаете, что я охотнѣе прощаю, нежели наказываю; только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ впередъ уговаривать другъ друга и не допускать до меня такихъ непріятностей, чтобъ я кого изъ васъ не наказалъ. — Теперь, пока рыцарь не явился къ суду, я долженъ, друзья мои, отвѣчать на вопросъ Г. Собина: для чего вы столь многому учитесь въ вашемъ воспитаніи?

ЯВЛЕНІЕ 4.

Тѣ же и Звѣздонъ съ глобусомъ.

Звѣздонъ. (*Въ восторгѣ:*) Посмотрите, посмотрите! —

Разум. Еще жалобы — что вы?

Звѣзд. Ахъ, Сударь! я не думалъ — я несъ показать имъ. — (*Дѣти ахаютъ.*)

Правос. Что это?

Хитр. Каково?

Здравом. Ахъ, прекрасно!

Разум. Вы ужъ и сдѣлали? Какъ такъ скоро? Только два дни, какъ я далъ вамъ мысль. Вы вѣрно не одни?

Звѣзд. Нѣтъ-съ; я дѣлалъ шаръ, назначилъ звѣзды, а Г. Хитроумъ его расцвѣтилъ и вывелъ вензели.

Здравом. Ахъ! что это? все звѣздочки!

Соб. Черезъ весь шаръ —

Звѣзд. Это созвѣздія, которымъ я далъ свои имена. Вотъ это *I Петръ*, *Екатерина I*, *Елисавета I*, *Екатерина II*, *ПАВЕЛЪ I*, *Императрица Марія Θеодоровна*, *Великіе Князья* — Эти созвѣздія должны наполнять все небо. О! естьлибъ оно, вмѣсто Языческихъ именъ, могло украситься именами Россійскихъ Монарховъ!

Разум. Самое благородное желаніе! — Обоймите меня, Г. Звѣздонъ.

Звѣзд. Такъ вамъ работа моя правится? Какъ я радъ!

Разум. Очень. Прекрасно, прекрасно выработано! Ну-ну, поставьте жъ

это пока на мѣсто. Вы кстати пришли; намъ заданъ важной вопросъ.

Звѣзд. Я очень, Сударь, радъ.

Разум. Слушайте же, дѣти — погодите пока теперь туда смотрѣть.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тѣ же и Славолюбъ съ торжествующимъ видомъ, съ лаврами.

Славолюбъ. Постой, Звѣздонъ! работа твоя еще не совсѣмъ — Вотъ! твоя рука помѣстила ихъ имена въ небесахъ, а я украшу ихъ лаврами.

Всѣ дѣти. (Бьютъ въ ладоши.) Прекрасно! прекрасно! Браво, Славолюбъ! *(Всѣ обнимаютъ его.)*

Славол. (Въ томъ же изступленіи:) Постойте, братцы, постойте! — *(На колѣняхъ:)* Государи! дѣтскія руки наши приносятъ лавры къ Вашимъ изображеніямъ; примите, когда мы въ мужествѣ повергнемъ ихъ къ ногамъ Вашимъ.

ПОЮТЪ:

Міры и солнцы истребятся,
Падутъ отъ времени во прахъ;
Но чувства дѣтски сохранятся
Къ Вамъ нерушимо въ сихъ душахъ;
Съ лѣтами вмѣстѣ, съ просвѣщеньемъ
Къ Вамъ возрастетъ благоговѣнье.

Разум. (*Про себя:*) Сколько попеченій, труда, прискорбій! — и сколько радости и удовольствія! (*Въ слухъ:*) Славолюбъ! обоймите меня. Дѣти мои! обоймите его еще.

Всѣ. Простите его, Сударь, мы его прощаемъ.

Разум. Съ! вы недавно приносили жертву, пріятнѣйшую Небу, и послѣ нее говорите о прощеніи. Оно первое должно отверзать путь мольбамъ къ Божеству милосердому.

Славол. Ахъ, Сударь! я чувствую, что я —

Разум. Ни слова. Мнѣ не въ чемъ васъ прощать. Мое прощеніе уже въ лаврахъ вашихъ. (*Долгое время глядитъ на Собина:*) Ну, хорошо ли вы дѣлали, что прятались отъ нихъ? Вы не имѣете участія въ этой выдумкѣ.

Собинъ хочетъ уйти.

Разум. Ахъ! а это еще хуже, Г. Собинъ, хотя бы вы и отъ чувствительности уйти хотѣли. — Ну, учтиво ли это — спросить о чемъ нибудь своего учителя и уйти, не дождавшись отвѣта? А вопросъ вашъ таковъ, что его рѣшенїе вѣрно помиритъ васъ съ нами. — Да гдѣ Г. *Бездѣлкинъ*? Жаль, что онъ не услышитъ.

Славол. Онъ поѣхалъ домой.

Правос. Онъ обѣщалъ скоро быть ко мнѣ подъ видомъ челобитчика.

Разум. Челобитчика? Хорошо, что вы напомнили мнѣ о своемъ судействѣ. И такъ теперь къ дѣлу. Я примѣчаю въ васъ, Г. Правосудовъ, да и во всѣхъ васъ, Государи мои, великое пристрастїе къ особенности. Мнѣ кажется, вы прилѣпившись всякой къ своему, готовы всѣ вмѣстѣ съ Г. Собинымъ спросить меня: *для чего вы такъ многому здѣсь учитесь*? А? не правда ли? не кажется ли вамъ что нибудь лишнимъ изъ толь многихъ упражненїй? — Я не могу жаловаться, чтобъ вы не были прилѣжны или скучали ученїемъ; но вижу по крайней мѣрѣ, что всякъ изъ васъ, полюбивши слишкомъ одно, оставляетъ въ

небреженіи другое, почитая то ненужнымъ; потому что заранѣе назначаетъ себѣ въ обществѣ такую должность, а не другую. Вы, Г. Правосудовъ, на примѣръ, чѣмъ бы хотѣли быть, когда выростете? — Но говорите чистосердечно.

Правос. Чистосердечно? Извольте. — (*Нѣсколько остановясь*:) Ахъ! я люблю, Сударь, быть Судьею; и первое мое стараніе будетъ, какъ скоро выросту, сѣсть за красное сукно, слушать дѣла, рѣшить, подписывать. —

Разум. Похвальное дѣло править вѣсами; но смотрите, чтобъ руки ваши не дрожали вмѣстѣ съ глазами отъ неправды сильнаго. — — А вы, Г. Здравомыслъ? Вы конечно будете также откровенны.

Здравом. Я люблю, Сударь, какъ кротъ, рыть землю, пахать, сажать, сѣять, жать, убирать, молотить.

Разум. А вы, Государи мои?

Хитр. А я, какъ буду великъ, накуплю красокъ, кистей, холстины; стану срисовывать съ лучшихъ картинъ; поѣду въ Римъ, оттуда въ Англію; а тамъ опять сюда пріѣду, и буду изображать славныя дѣйствія, писать портреты великихъ людей.

Славол. Все это ничего не значитъ передъ моею охотою. Я лишь поднимусь еще хоть на вершокъ, (*поднимаясь на цылочки*,) хоть вотъ на столько; шляпу на голову, шпагу въ руку, ружье на плечо, маршъ, руби, коли, стрѣляй — что пуля, то рана; что махъ, то голова; что война, то крестъ — славно! я не знаю, на что мы всему учимся.

Соб. И мнѣ кажется, Сударь, лучше бы чему нибудь учиться одному.

Хитр. Кто къ чему склонность имѣетъ.

Звѣзд. Да, кто къ чему охоту чувствуетъ. — Я люблю смотрѣть на небеса; а меня учатъ, какъ надобно взять демисерпиль октавъ. Я хочу знать всѣ трубы зрительныя, имена самыхъ дальнихъ планетъ; а меня заставляютъ учить, на которой линейкѣ a, g, d, f. Я хочу летѣть на небеса; а меня принуждаютъ выписывать ногами фигуры на полу.

Хитр. Я хочу предавать незабвенной памяти дѣла великихъ людей, и вмѣстѣ съ ними жить въ вѣчности; я хочу изображать добродѣтель и прельщать ею отдаленнѣйшихъ потомковъ.

Славол. Я хочу гремѣть, прославлять себя и свое отечество побѣдами. Нѣтъ лучше войны — защищать отечество, разширять границы, заставлять трепетать всѣхъ, быть безсмертну въ Исторїи —

Правос. Священное Правосудїе, щитъ невинности, бичь пороковъ, вооружитъ руки мои вѣсами правды. Что въ обществѣ почтеннѣе справедливаго Судьи?

Разум. А вы, Г. Собинъ? что вы ничего не хвалите? Развѣ у васъ нѣтъ, что бы вы особенно любили?

Соб. Я люблю, Сударь, думать, искать причинъ, отъ чего что дѣлается на свѣтѣ.

Разум. О! вашъ предметъ великъ довольно. Прїучаться къ размышленїю нужно всякому.

Здравом. Тихое и полезнѣйшее хозяйство! Божественное знанїе произведенїй природы! что безъ тебя величайшїе Герои, высочайшїя знанїя, животворныя художества? Ты душа обществъ! и щастливо Государство, имѣющее главу, увѣнчанную златыми класами!

Разум. Такъ-то всякое состоянїе, превозносясь выше другаго, утѣшаетъ своихъ плѣнниковъ! Такъ-то собственное наше самолюбїе, унижая передъ нами всѣхъ другихъ, подкрѣпляетъ связь общественную и ведетъ къ щастливому поревнованїю, когда жаръ и успѣхи стремительнаго сего властолюбца сердецъ нашихъ награждаются правосудно! Такъ-то одно состоянїе, имѣя нужду въ другомъ, держитъ себя въ равновѣсной зависимости! Хорошо, друзья мои, вы открыли мнѣ теперь свои склонности. Одинъ изъ васъ любитъ небо, другой землю, третїй войну, четвертой миръ; и, кажется, всякъ изъ васъ поставляетъ выше всего то, что онъ любитъ. Но знаете ли, что вы одинъ безъ другова быть не можете? Вы такъ другъ для друга нужны, какъ пища для тѣла, какъ знанїя для души.

Здравом. Нѣтъ-съ, я не почитаю земледѣлїе ваше всего въ свѣтѣ. Есть свѣдѣнїя и искусства, которыя облегчаютъ и его трудныя работы; но я столько чувствую въ себѣ склонности къ этому полезному знанїю, что желалъ бы заниматься однимъ только имъ.

Разум. Однимъ земледѣлïемъ? вы чувствуете къ нему склонность? Но знаете ли вы, Государи мои, что вы называете склонностïю? Не почитаете ли вы ее особымъ даромъ къ какому нибудь знанïю, или искусству?

Хитр. Конечно, Сударь; по крайней мѣрѣ намъ такъ казалось, или я иначе назвать не могу того, что разумѣю, естьли въ комъ видно особое къ чему нибудь расположенïе.

Разум. Особое къ чему нибудь расположенïе! Да, это правда. Не вы одни, многïе такъ думаютъ, что природа даетъ каждому человѣку особую къ чему нибудь склонность и даръ; но многïе думаютъ и иначе. Они говорятъ, что въ молодомъ человѣкѣ способности есть ко всему, и что стремленïе его къ совершенствованïю себя въ искусствахъ и знанïяхъ зависитъ отъ добраго или худаго ихъ направленïя. Это, по мнѣнïю ихъ, хрусталь, имѣющïй способность вбирать и издавать изъ себя различныя преломленïя свѣта. Зеленый, алый, синïй блескъ хрусталя родится не отъ особеннаго его къ цвѣту сему расположенïя или способности; но отъ того, въ какомъ направленïи и степени

преломляются въ немъ лучи. Посмотрите на него съ разныхъ мѣстъ, вы увидите множество разныхъ цвѣтовъ. Такъ точно и склонности, или способности человѣка. — Устреми ихъ съ-изъ дѣтства къ военной службѣ; барабанной бой будетъ для него всегда прїятною музыкою. — Прїучи его къ описанїю красотъ натуры или къ изображенїю Геройскихъ подвиговъ и громкихъ дѣйствїй съ молодыхъ лѣтъ; мечтательное воображенїе его лучшую пищу находить будетъ въ Стихотворствѣ и Живописи. — Упражняй его въ повѣствовании достопамятныхъ произшествїй; Исторїя сдѣлается главнѣйшимъ для него предметомъ во всю жизнь. — Не занимай его ничѣмъ, кромѣ Астрономическихъ выкладокъ, и не давай ему въ руки ничего, кромѣ зрительныхъ трубъ; звѣзды блестящїя такъ полюбятся ему, что сокровища всего свѣта ничто будутъ для него передъ ними. А частое то устремленїе способностей на что нибудь одно и называется склонностїю. И такъ вы видите, друзья мои, что мнѣнїя о врожденныхъ дарованїяхъ и способностяхъ человѣка различны. Одни разумные люди думаютъ объ этомъ также,

какъ и вы; а другіе утверждаютъ совсѣмъ противное. Оставляя ученымъ мужамъ рѣшить, которое изъ этихъ двухъ мнѣній справедливѣе; положимъ покамѣстъ, что вы правы; положимъ, что человѣкъ, при рожденіи своемъ, получаетъ отъ природы особую къ чему нибудь склонность, охоту, расположеніе или даръ — какъ угодно кому назвать. Но что же изъ этова слѣдуетъ? Я согласенъ, чтобы вы, повинуясь природному внушенію или склонности, занимались однимъ болѣе, нежели другимъ, и отличили себя въ какомъ нибудь родѣ познаній. Но скажите, что бы было, естьлибъ вы, пристрастясь къ одному чему въ особенности, бросили все прочее и не радѣли бы о пріобрѣтеніи другихъ нужныхъ вамъ свѣдѣній? Нѣтъ, Государи мои, вамъ надобно готовиться ко многому. Кто можетъ отвѣчать за будущее? Извѣстно ли кому изъ васъ, какой назначенъ ему жребій? Извѣстно ли, что и гдѣ онъ будетъ? Можетъ быть тотъ, кто думалъ быть Героемъ, проведетъ дни свои въ тишинѣ сельской, занимаясь экономіею; а мнимый Судья, вмѣсто Ѳемидина храма, изживетъ вѣкъ въ лагерѣ, и будетъ худой Офицеръ. . .

Правос. О! нѣтъ, Сударь — я васъ увѣряю —

Славол. Боже меня избави!

Звѣзд. Я ни за что не —

Разум. Не загадывайте, Господа. Мы столько зависимъ отъ случаевъ, что съ вѣрнѣйшимъ состоянїемъ и лучшимъ умомъ не льзя поручиться за обстоятельства; они непостоянны, какъ погода. Ружье для щастья не тяжелѣ пера, и оно часто заставляетъ мѣнять одно на другое. Льзя ли предназначить навѣрное, что вы точно въ такомъ, а не въ иномъ состоянїи будете? Сколько видимъ къ сожалѣнїю молодыхъ людей, воспитанныхъ на тотъ и на тотъ конецъ; но при ихъ вступленїи въ свѣтъ, или не знаютъ они необходимаго, или знаютъ бесполезное для ихъ новаго состоянїя. Отъ чего объ людяхъ съ хорошимъ умомъ часто говорятъ, что они не на своихъ мѣстахъ? Отъ того, что они съ-изъ-мала не были приготовлены къ исправленїю разныхъ должностей, или устремясь на что нибудь особо, по внушенїю своей склонности, не рачили о прямомъ своемъ

просвѣщенїи; и попеченїе обманувшихся родителей, равно какъ и труды учителей, потеряны вмѣстѣ съ лѣтами ихъ невозвратно. Посмотрите со вниманїемъ на неустройства Обществъ и цѣлыхъ Государствъ: вы увидите, что ихъ благосостоянїе не твердо большою частїю отъ того, что нужнѣйшїе члены сихъ политическихъ тѣлъ не на своихъ мѣстахъ; они не получили при воспитанїи своемъ предварительныхъ свѣдѣнїй, нужныхъ къ отправленїю важныхъ должностей, въ которые случаи, или происки ихъ помѣщаютъ, и не укрѣпили сердецъ своихъ правилами добродѣтели. Возьмемъ въ примѣръ знающаго хорошо одно только Законоискусство: въ случаѣ нужды можетъ ли онъ быть хорошимъ воиномъ, и истребить мечемъ зло внѣшнее, какъ умѣетъ онъ разрушить законами зло внутреннее? Онъ будетъ щастливъ на удачу. Искусный и опытный Инженеръ бесполезно окапываться будетъ въ умѣ своемъ рвами и укрѣпленїями на судейскомъ стулѣ противъ хитросплетенїй коварной ябеды. Художникъ, восхищенный красотами природы; Стихотворецъ,

вдохновенный таинственнымъ огнемъ ея, тщетно вооружатъ творческія свои руки плугомъ, раздирающимъ нѣдра земли, испещренной цвѣтами; они должны собирать ихъ въ своемъ воображеніи, и украшать ими спокойную хижину трудолюбиваго земледѣльца. И такъ хорошо воспитанный человѣкъ есть согласно настроенный инструментъ, на которомъ пѣснь Божеству, Геройству, Правосудію и всѣмъ добродѣтелямъ жизни приноситься можетъ. Замѣтьте, какъ на согласованномъ инструментѣ, при разныхъ переборахъ пальцовъ, одна и таже струна издаетъ разные и стройные голоса. Судьба, этотъ искусный музыкантъ, отъ нашихъ дарованій, при каждомъ переборѣ обстоятельствъ, требуетъ приличнаго тона. Нуженъ отечеству Судья; знай путь ко храму Истинны. Вооружаетъ оно тебя мечемъ; владѣй имъ мужественно и искусно. Ближній проситъ твоего совѣту; умѣй подать его. Добродѣтель восхищаетъ тебя; въ судѣ, въ строю, въ сѣмействѣ, въ полѣ — пой ее, изображай въ видѣ прелестнѣйшемъ. И для того сколь различныя обстоятельства жизни могутъ встрѣтить васъ при всту-

пленіи въ свѣтъ, столь различны должны быть науки и упражненія въ вашемъ воспитаніи, приготовляющемъ васъ на всю жизнь.

Соб. Не уже ли жъ, Сударь, чтобы хорошо быть воспитану, надобно все то знать, что вы сказать изволили? Мнѣ кажется, этакъ воспитаніе наше будетъ безконечно.

Разум. Нѣтъ, я не то хочу сказать, чтобы во всемъ, что нужно съ какой нибудь стороны для жизни, вамъ совершенно быть искусными и дѣлаться полигисторами или многоучеными; это не возможно. Довольно для васъ очистить способности, обогатиться тѣми познаніями, которыя вамъ нужны будутъ въ томъ или другомъ родѣ службы, образовать сердце, и пріобрѣсти хорошіе навыки въ поведеніи: это составляетъ уже совершенное воспитаніе. — Вы, мои друзья, согласитесь, что тотъ, кто учился рисовать, лучше можетъ нарисовать цвѣточикъ, или бабочку, нежели тотъ, кто карандаша никогда въ рукахъ не держалъ?

Хитр. Конечно-съ.

Звѣзд. Мнѣ бы никогда не нарисовать этихъ звѣздъ.

Хитр. А я никогда бы не расположилъ такъ хорошо сферы.

Разум. А отъ чего это? Вы получили навыкъ владѣть кистью, а вы цыркулемъ: не такъ ли? Вы, Г. Здравомыслъ, вѣрно не скажете намъ ничего о судѣ уголовномъ; а вы, Г. Правосудовъ, о посѣвѣ и уборкѣ хлѣба. (*Всѣ смотрятъ другъ на друга.*) Давича съ какою гордостїю хвалили вы всякой свое знанїе и унижали другаго; а теперь, кажется, начинаете ужъ завидовать другъ другу — не правда ли? Но не можетъ ли каждый изъ васъ знать то, что знаютъ его товарищи?

Соб. Конечно можно-съ.

Разум. Не лучше ли имѣть понятїе о многомъ, нежели о чемъ нибудь одномъ? Человѣкъ, съ однимъ знанїемъ, похожъ на вытвердившаго одинъ разговоръ. Онъ можетъ быть въ немъ совершенъ; но естьли спросится у него совсѣмъ о другомъ, то онъ похожъ будетъ на криваго красавца, котораго хорошо видѣть съ одной стороны. И естьли сравненїе неоспоримо, что свѣтъ,

какъ обширный театръ, на которомъ бесчисленное множество дѣйствующихъ лицъ: то каково будетъ вамъ видѣть кого нибудь все въ одной и той же ролѣ? Будь онъ въ ней искусенъ и переискусенъ; со всѣмъ его однакожъ совершенствомъ онъ рѣдко будетъ кстати; и слѣдовательно —

Правос. Ваша правда, Сударь; но позвольте вамъ сказать: развѣ не льзя получить навыку, вступя въ новую какую должность?

Разум. Поздо, Государи мои. Тогда вы должны быть мастерами другихъ, а не учениками. Не забывайте своего состоянія. Сколько выпереживаете вы другихъ въ своемъ возвышеніи, столько должны имѣть отличныхъ достоинствъ и знаній. Вступя въ должность, надобно уже быть совершенно готову къ новымъ и неожидаемымъ встрѣчамъ, а не начинать готовиться. Тогда не мнѣнія, а расположенія вашего потребуютъ въ сраженіи; тогда не суда вашего спросятъ о законахъ, а разрѣшенія. Отъ неустрашимости и искусства вашего зависѣть будетъ жизнь нѣсколькихъ тысячь; а отъ свѣдѣнія въ

Законоискусствѣ и правосудія вашего невинность будетъ награждена, а порокъ наказанъ. Поздо незнающій садовникъ, взявшій на свои руки нѣсколько тысячь деревъ, захочетъ учиться садоводству. Кривой ножъ его подрѣжетъ изсохшія отъ его незнанія деревья. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ неопытный ученикъ на степени возвышенномъ: онъ будетъ незнающъ и въ приступахъ, и въ решиградѣ; несмыслющъ въ прощеніяхъ и въ самыхъ благодѣяніяхъ — злодѣй. (*Остановка.*) Все, что я говорилъ теперь о сбработывании дарованій и приготовленіи себя къ отправленію разныхъ должностей въ обществѣ, особенно относится къ вамъ, Государи мои. Вы имѣете всѣ способы получить превосходное воспитаніе, образовать разумъ свой и сердце, и сдѣлаться прямо достойными тѣхъ высокихъ степеней, которые ждутъ васъ. Умѣйте пользоваться благопріятствующимъ вамъ отовсюду щастіемъ. На что оставлять то будущему навыку, къ чему теперь пріучить себя можете пріятнымъ и непримѣтнымъ образомъ? Устремите ваше вниманіе на все, и постарайтесь пріобрѣсть разнообразныя нужныя вамъ свѣдѣнія.

Поздо, поздо, Государи мои, учиться вамъ тогда, когда придетъ время дѣйствовать. — (*Молчанiе. Дѣти взглядываютъ другъ на друга.*) Вотъ, мои дѣти! что я долженъ былъ сказать вамъ. Я не могу думать, чтобъ вы не поняли меня, или бы еще со —

Славол. Ахъ! нѣтъ, Сударь —

Правос. Вы изволили сказать правду.

Разум. Постойте, друзья мои, доволенъ ли еще тотъ, кто задалъ намъ этотъ вопросъ?

Соб. Ахъ! Сударь, извините меня, что я смѣлъ трудить васъ.

Разум. Нимало. Для меня очень прiятно разговаривать съ вами; я радъ объяснить вамъ все, въ чемъ вы хоть малое найдете недоумѣнiе. Теперь скажите мнѣ, должно ли, пристрастясь къ чему нибудь одному, оставлять прочiя столь нужныя знанiя?

Славол. Нѣтъ-съ, и съ нынѣшняго же дни я оставляю войну; ржавѣй моя шпага; я тебя не трону до тѣхъ поръ, пока меня не приневолятъ.

Хитр. Я запру свои краски и глядѣть на нихъ не стану.

Здравом. Не трону своихъ моделей до тѣхъ поръ, пока не выросту великъ.

Звѣзд. Простите мои звѣзды и трубы.

Правос. Простите законы и правосудїе.

Разум. (*Долго глядя на Собина:*) Всѣ оставляютъ свою охоту; а вы, Г. Собинъ, съ чѣмъ проститесь?

Соб. Съ дикостїю своею. (*Обнимаетъ всѣхъ.*) Я не буду никогда задумываться, ни о чемъ не хочу думать. —

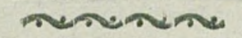
Разум. О! это слишкомъ много. Я говорилъ только, чтобъ, при вашемъ воспитанїи, не быть пристрастнымъ къ чему нибудь одному на щетъ другаго. — И такъ, Г. Славолюбъ, возьмите свою шпагу, прїучайтесь владѣть ею; вы будете Героемъ. — Г. Хитроумъ! не запирайте своихъ красокъ, продолжайте рисовать, будьте *Рубенсомъ*; это не сдѣлаетъ вамъ бесчестья. — Г. Здравомыслъ! соберите свои модели, стройте, хозяйничайте. — Г. Звѣздонъ! употребляйте свои трубы, любуйтесь на свой небесной шаръ, показывайте его своимъ товарищамъ чаще. — Г. Правосудовъ!

читайте свои законы, судите, рядите. На все это есть время; но помните всегда, что вы учитесь здѣсь такъ многому для того, чтобы приготовить себя къ отправленію разныхъ должностей, которыя ждутъ васъ въ обществѣ.

VII.

РАЗГОВОРЪ

О томъ, что ученїе есть одна изъ существенныхъ обязанностей Благороднаго человѣка.



РАЗГОВАРИВАЮЩІЕ:

ЗДРАВОМЫСЛЪ.

НѢГИНЪ (*Графъ*).

ВѢТРОНЪ.

Графъ Нѣгинъ и (минуту спустя) Здравомыслъ.

Графъ Нѣгинъ. Признаться, этотъ вздоръ вскружилъ мнѣ наконецъ голову — и я отказываюсь отъ всего. . . . (*Помолчавши:*) Въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ такая куча книгъ? и что мнѣ нужды до уроковъ, до наукъ, знанїй и должностей, изъ которыхъ одна несноснѣе другой? — (*Помолчавши:*) Знатность моего рода, слава моихъ Предковъ, мое богатство. . . .

Здравомыслъ. Ба! — что вы здѣсь, Графъ. . . . одни. . . и притомъ, какъ мнѣ кажется, что-то не въ духѣ?

Гр. Нѣг. (*Съ сердцемъ:*) Такъ, ничего; я разсуждаю про себя, кое-о-чемъ философствую.

Здравом. Охо! это, что-то небывалое; съ вами никогда не случалось. . . Только ваша Философїя какъ-то не весела, по моему примѣчанїю.

Гр. Нѣг Какъ быть! У иныхъ она весела, а у другихъ угрюма и пасмурна.

М

Здравом. Смѣю ли безъ нарушенія скромности. . . .

Гр. Нѣг. Для чего нѣтъ? Я говорилъ самъ съ собою: какая мнѣ нужда учиться всему этому вздору? Какая нужда потѣть надъ книгами, ломать себѣ по пустому голову, убивать тѣло и душу? . . . Къ чему мнѣ все это послужитъ?

Здравом. И, мой другъ! ко всему. . . .

Гр. Нѣг. Мой другъ. . . . А! Г. Философъ кажется немножко фамиліяренъ.

Здравом. Извините, Графъ: я думалъ, что говорю съ своимъ товарищемъ.

Гр. Нѣг. Съ товарищемъ? — Да, покамѣсть. . . . все однакожъ на извѣстное разстояніе.

Здравом. На какое угодно Вашему Сіятельству. . . . Только надобно сказать вамъ, Графъ: въ этомъ то и состоитъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ плодовъ ученія, что оно всегда показываетъ насъ выше той точки, на которой мы поставлены судьбою, и приближаетъ къ тѣмъ, коихъ людское мнѣніе возвысило.

Самые Повелители народовъ за честь поставляли себѣ дружбу съ мудрыми и просвѣщенными мужами. Благотворны, спасительны дѣйствія наукъ —

Гр. Нѣг. Хорошо, пусть и такъ — но скажи жъ мнѣ пожалуй, не уже ль я долженъ всю жизнь провести надъ книгами, съ этими много-учеными, важными, глубокомысленными педантами, которые причиняютъ мнѣ смертельную скуку, и которыхъ — повѣришь ли — нѣтъ ничего для меня несноснѣе?

Здравом. Не всю жизнь, Графъ — это предоставлено только нѣкоторымъ — по крайней мѣрѣ молодость свою вы должны провести въ полезныхъ упражненіяхъ, въ благоразумномъ трудѣ, естьли хотите. . . .

Гр. Нѣг. Это-то никогда мнѣ и въ мысль не придетъ. . . . Да и скажи мнѣ, Г. Мудрецъ, гдѣ будутъ преимущества знатнаго Дворянства, когда мы, подобно людямъ низкаго происхожденія, должны работать и изнурять себя? Скажи мнѣ, знаешь ли ты, что есть *Знатной человѣкъ* — а?

Здравом. Что онъ *естъ*, можетъ быть не знаю; а что онъ *долженъ быть*,

знаю — по крайней мѣрѣ кажется мнѣ, что знаю.

Гр. Нѣг. Хорошо, посмотримъ — скажи, скажи.... *Я* бьюсь объ закладъ....

Здравом. Знатной человѣкъ есть тотъ, кто заслугами своими къ Отечеству платитъ ему за тѣ почести, за тѣ отличія, богатства и удовольствія, которыя онъ отъ него получаетъ. Чѣмъ болѣе оно даетъ ему, тѣмъ болѣе требуется отъ него въ вознагражденіе ума, талантовъ, добродѣтелей, однимъ словомъ, всего того, что бы могло сдѣлать его прямо достойнымъ носимаго имъ высокаго званія. Естьлижъ ему не чѣмъ заплатить сего священнаго долгу: то онъ хищникъ, грабитель....

Гр. Нѣг. Бѣдной Здравомыслъ! изрядную смастерилъ ты мнѣ сказочку. И чему дивиться? Философы изстари обо всемъ имѣютъ престранныя понятія. Послушай же лучше меня, и затверди покрѣпче, что я тебѣ стану говорить. *Я* происхожу отъ знатнаго рода, и возвышеніемъ своимъ ни мало не одолженъ Отечеству, а могу сказать, что Предки мои возвысили самое *Оте-*

чество; и то, что я имѣю, есть дань, которою оно мнѣ обязано. Я буду богатъ, и богатство свое получу отъ отца, которой, думаю, нажилъ его не воровствомъ. Отъ меня будетъ зависѣть располагать имъ по своей волѣ и употреблять его такъ или этакъ: Отечество не имѣетъ права требовать отъ меня ни малѣйшаго въ томъ отчета. Меня станутъ почитать: потому, что я буду знатенъ; станутъ угождать мнѣ: потому, что буду богатъ; любить меня: потому, что будутъ имѣть во мнѣ нужду — и буду ль я глупъ, или уменъ, невѣжа, или знатокъ, годный ко всему: въ томъ и другомъ случаѣ я возьму тебя въ Секретари къ себѣ. Ты станешь трудиться надо всѣмъ, — потѣть, хлопотать; а я предоставлю себѣ изъ своего званія только то, что блистательнѣе и знаменитѣе. Такимъ образомъ дѣла наши пойдутъ найлучшимъ порядкомъ. Понимаешь ли ты меня?

Здравом. (*Съ добродушною улыбкою:*) И, Графъ! какую вы сдѣлали картину! Вашъ *великой* человѣкъ — *малъ* во всѣхъ отношеніяхъ, малъ умомъ, малъ сердцемъ, малъ въ предпріятіяхъ

и дѣлахъ. И вы думаете, что всѣ эти недостатки можно скрыть подъ блестящею наружностію? Какая ошибка! Статься можетъ, вы обманете тѣмъ самаго себя, но никто другой не будетъ обманутъ вмѣстѣ съ вами. Васъ станутъ хвалить — но похвала эта будетъ подлая лесть; лесть, которая возможными образами постарается уловить васъ въ свои сѣти, и наконецъ сдѣлаетъ предметомъ всеобщаго посмѣянія. Бѣденъ, жалокъ тотъ, кто знатенъ только своею породою, а не собственными достоинствами! Какъ нѣкая громада, падетъ онъ съ вершины честей, гдѣ думалъ стоять непоколебимо.

Гр. Нѣг. Но. . .

Здравом. Да и какъ иначе? Какъ онъ можетъ предохранить себя отъ того? Не привыкши ни къ какимъ упражненіямъ, будучи разслабленъ тѣломъ и духомъ, будучи ни въ чемъ несвѣдущъ, ни къ чему неспособенъ, онъ станетъ смѣшить несмыслїемъ своимъ разумныхъ людей, и безпрестанными глупостями запятнаетъ свои дипломы, посрамитъ свою знатность, сдѣлается предметомъ поношенія и безславія, би-

чемъ своей фамилїи, посрамленїемъ своего Отечества и посмѣянїемъ своего вѣка.

Гр. Нѣг. Признаться, ты меня ужасаешь.... А! да вотъ и Вѣтронъ.... Надѣюсь, теперь насъ будетъ двое противъ тебя.

Прежнїе и Вѣтронъ.

Вѣтронъ. Нѣгинъ и Здравомыслъ вмѣстѣ! По чести, Государи мои, это самой рѣдкой tête-à-tête.... Здравомыслъ съ Нѣгинымъ!... ха, ха, ха.

Гр. Нѣг. Что жъ тутъ страннаго! Я не вижу ничего....

Вѣтр. Не угодно ли, чтобы я сказалъ, чѣмъ вы здѣсь занимаетесь? Онъ, (*указывая на Здравомысла,*) проповѣдуетъ, а ты — зѣваешь....

Гр. Нѣг. Извините: я не зѣваю, а спорю.

Вѣтр. О! въ такомъ случаѣ ты заставляешь зѣвать.... И такъ или иначе — все однакожъ здѣсь зѣваютъ... Впрочемъ жалѣю, что прервалъ такой важной разговоръ, хотя онъ и безъ меня

скоро бы кончился. Но скажите мнѣ, о чемъ у васъ дѣло?

Здравом. О нравственности, благородствѣ, знатности; о томъ, въ чемъ онѣ состоятъ, къ чему обязываютъ —

Вѣтр. О! о! вотъ что называется быть заняту важнымъ предметомъ. . . Но полно понимаете ли вы другъ друга?

Здравом. Кажется. Впрочемъ мы только что начали, какъ ты намъ помѣшалъ.

Вѣтр. Mille pardons, mes amis! Чтобы загладить свою нескромность, я вмѣстѣ съ вами стану разсуждать — Пожалуйте, продолжайте.

Гр. Нѣг. Вообрази себѣ: онъ хочетъ меня увѣрить, что Знатной человѣкъ долженъ быть трудолюбивъ, свѣдущъ во многомъ, и имѣть всѣ способности, нужныя къ отправленію предназначенныхъ ему важныхъ должностей.

Вѣтр. Извѣстно, что этому бы такъ должно быть; но нынѣшній свѣтъ сговорчивъ. . . Все можно поправить и замѣнить; недостатокъ одного можно дополнить другимъ — Я бьюсь объ закладъ, что онъ не упоминалъ тебѣ о

танцахъ, музыкѣ, знанїи театра, и словомъ, о тѣхъ бесчисленныхъ вещицахъ, съ помощїю которыхъ большая часть изъ нашей неученой братьи слывутъ первыми умниками въ свѣтѣ.

Здравом. Я объ этомъ не говорилъ; но само собою разумѣется, что всѣ эти прїятныя знанїя и искусства отнюдь не мѣшаютъ. Для себя ихъ имѣть не худо; но для другихъ онѣ почти бесполезны. Можно сказать, что онѣ украшаютъ нашу наружность, и даже нѣкоторымъ образомъ подаютъ не невыгодное мнѣнїе и о самой внутренней цѣнѣ нашей.

Вѣтр. Вотъ, что сказано хорошо. Я очень зналъ, что мы скоро будемъ согласны.

Здравом. Согласны? Нимало: по крайней мѣрѣ пока ты не представишь мнѣ примѣра, чтобы мѣлочи эти достаточны были замѣнить прямыя достоинства; чтобы человѣкъ при должности, съ одними только ими, не былъ предметомъ посмѣянїя, и....

Вѣтр. Признаться тебѣ, другъ мой, я не знаю Исторїи ... (*къ Нѣгину:*) ты также — не правда ли?

Однакожъ я вижу, что ваши такъ называемые Мудрецы во всякомъ состоянiи дѣлаютъ глупости, и самыя непростительныя; а люди съ прiятными талантами производятъ удивительныя дѣла.

Здравом. Ты хотѣлъ сказать, что умные люди дѣлаютъ ошибки. Конечно и самой мудрый погрѣшаетъ; но онъ умѣетъ исправлять свои погрѣшности. Кто жъ дѣлаетъ подлинно глупости; кто видитъ неправильно; кто не можетъ обнять своего плана; кто начинаетъ худо, а производитъ въ дѣйство еще хуже: тотъ конечно не въ состоянiи поправить ничего, что худо предпринялъ — и все, что онъ ни дѣлаетъ, есть ошибка. . . . Ну! представь мнѣ здѣсь что нибудь, чѣмъ бы можно было это вознаградить?

Вѣтр. Но вить не онъ виноватъ въ томъ; виноваты тѣ, кои ему совѣтуютъ; тѣ, коимъ ввѣрилъ онъ распоряженiе. . . .

Здравом. То есть, его подчиненные, которые или слишкомъ слабы, или развращенны. — А стыдъ, а поношенiе — кому? . . .

Гр. Нѣг. О! о! ты принимаешься не на шушку. Стыдъ — конечно ему. Но судя по твоему, не ужъ ли я долженъ теперь же ломать себѣ голову надъ тѣмъ, чѣмъ случится мнѣ быть черезъ двадцать, черезъ тридцать лѣтъ, а можетъ быть и никогда?

Здравом. Развѣ вы не знаете тѣхъ преимуществъ, тѣхъ правъ, которые сопряжены съ вашею породою, съ вашимъ именемъ, знатностію?

Гр. Нѣг. О! я ихъ твердо знаю: это мой первой урокъ. Онъ заданъ мнѣ былъ такъ рано, и повторяемъ такъ часто, что я и не примѣтилъ, какъ его выучилъ.

Вѣтр. Ну, да при всемъ этомъ къ чему же такъ много знать, чтобы заслужить уваженіе въ свѣтѣ? Что касается до меня, то на первый случай желалъ бы я имѣть не глубокомысліе, а тотъ лёгонькой, пріятно образованной умъ, съ которымъ человѣкъ, при первомъ взглядѣ, судитъ обо всемъ, какъ должно; знаетъ все; упражняется самъ — естьли имѣетъ охоту — въ тѣхъ блистательныхъ бездѣлкахъ, которыя нравятся въ *Большомъ свѣтѣ*;

которыя доставляютъ имя *любезнаго*, предупреждаютъ всѣхъ въ его пользу болѣе нежели онъ стоитъ; и служатъ ему крѣпкимъ щитомъ въ случаѣ, естьли бы кто осмѣлился обнаружить его невѣжество.

Здравом. Лёгонькой умъ! — Пусть и такъ; но этотъ лёгонькой умъ, эта бабочка, есть сущая малость, естьли кто довольствуется одними только поверьхностями, не зная основательно ничего.

Вѣтр. (*Смотря на Нѣгина, который напередъ соглашается въ томъ, что онъ хочетъ сказать*:) Онъ будетъ имѣть не обширное, но изрядное знанiе Исторiи и всего, что къ ней относится: будетъ знать, какiе, гдѣ и когда жили знаменитые Мужи; какiя послѣдовали достопамятнѣйшiя происшествiя, и въ какiя времена; какiя Государства и Области примѣчательнѣе по ихъ обычаямъ, нравамъ, произведенiямъ, гражданскимъ и политическимъ отношенiямъ, и наконецъ по ихъ промышленности, богатству, силѣ. . . .

Здравом. Графъ, что вы объ этомъ думаете? Согласны ли вы съ нимъ?

Гр. Нѣг. Я право не знаю. . . . Только мнѣ кажется, это то же, что. . . выпить море.

Вѣтр. Какъ угодно: Ваше Сіятельство можете пить, или не пить; только ко всему этому я хотѣлъ бы еще прибавить очищенный вкусъ, нѣкоторое свѣдѣніе въ Литтературѣ, небольшое понятіе о лучшихъ сочиненіяхъ во всѣхъ пріятныхъ родахъ, которыя подлинно можно назвать источникомъ бесчисленныхъ, сладостнѣйшихъ удовольствій.

Здравом. Угодно ли, Графъ, выпить и это море? . . . Но чтобы достигнуть до сей точки познаній, надобно имѣть еще нѣкоторое свѣдѣніе въ разныхъ частяхъ Философіи; надобно знать немножко *Физики*, немножко *Архитектуры*, немножко *Натуральной Исторіи*, немножко *Логики*, немножко *Математики* —

Гр. Нѣг. Великій Боже! вить всѣ эти *немножко* составятъ цѣлые томы. Государи мои, я признаюсь вамъ торжественно, что при одной объ этомъ мысли у меня волосы становятся дыбомъ.

Здравом. Все это однакожъ необходимо, все равно нужно, чтобы быть человѣкомъ знающимъ, полезнымъ для общества. Въ наши времена, всякъ тотъ, кто не имѣетъ обо всемъ этомъ хотя нѣкотораго понятія, почитается — и очень дѣльно — сущимъ глупцомъ. Можно имѣть такъ называемый модный или, по вашему, лёгонькой умокъ, которой блеститъ, какъ гнилое дерево, и ослѣпляетъ на минуту; но съ такимъ-то умкомъ и дѣлаютъ тѣ ошибки, отъ которыхъ уши вянутъ, когда станутъ объ нихъ расказывать. Тутъ-то обыкновенно начинаютъ сомнѣваться, справедливо ли было выгодное мнѣнїе, которое сперва всѣ имѣли о *Господинѣ такомъ-то*, или нѣтъ? — Скоро затѣмъ слѣдуетъ рѣшительной приговоръ; и на повѣрку выходитъ, что Господинъ такой-то былъ не иное что, какъ *дуракъ*.

Вѣтр. Что касается до меня, то я правъ. Я сказалъ свое мнѣнїе: все то, о чемъ я говорилъ, необходимо; и я не отступлю назадъ ни на волосъ.

Здравом. Статься можетъ Графу поручено будетъ поддержать славу и

выгоды своего Отечества, внѣ предѣловъ онаго. И думаешь ли ты, что онъ въ состоянiи исполнить, такъ, какъ должно, возложенное на него дѣло, имѣя только лёгонькой умъ, который ты ему теперь такъ расцвѣтилъ?

Вѣтр. А для чего и нѣтъ? Ему стоитъ только принять на себя *значительный* видъ; а что касается до дѣла, то найдется, кому за него работать. Его подчиненные, его письмоводители. . .

Здравом. Очень хорошо; но это все только очки, которыя рѣдко годятся для глазъ того, кто ихъ употребляетъ. Его подчиненные будутъ, какъ обыкновенно, только орудiя; но пружина, движущая ихъ, но душа самаго дѣла — гдѣ она? . . . Положимъ, что и подчиненные были бы люди годные къ дѣламъ; но будутъ ли они имѣть тотъ же духъ ревности и любви ко благу общему, какимъ долженъ быть одушавляемъ ихъ Начальникъ? Подвергнутся ли они тѣмъ же опасностямъ, въ случаѣ недосмотрительности или неудачи? . . . Естьли они ошибутся, естьли худо поймутъ планъ, который

въ цѣломъ, или по крайней мѣрѣ частяхъ, не ихъ собственной: то исправитъ ихъ погрѣшность? Кто вратитъ ихъ на прямую дорогу? на кого — еще повторяю — на кого детъ стыдъ и посрамленіе?

Вѣтр. Признаться, это дѣло на шутку. . . . (*къ Нѣгину:*) Ну, безной Графъ, намъ остается изъ двухъ одно: или учиться, учиться не шутя; или сидѣть дома, поджавши руки.

Здравом. Тутъ еще не все. Статься можетъ, что случай будетъ ему благопріятенъ; статься можетъ, что онъ будетъ освистанъ только внѣ своего Отечества, и что скрывая тщательно свои ошибки, онъ будетъ имѣть щастіе возвратиться назадъ съ прежнимъ своимъ добрымъ именемъ. Удача живитъ и возбуждаетъ самолюбіе. Всякой думаетъ о себѣ, что онъ великой человѣкъ, естьли удалось ему сдѣлать что нибудь хотя и не такъ важное; и обыкновенно, пошатавшись нѣсколько въ Посольствахъ, всякой хочетъ отдохнуть въ Министеріи. . . . И такъ Герой нашъ уже Министръ. . . . Только съ своимъ лёгонькимъ умомъ онъ

детъ не болѣе, какъ *любезной* Министръ. Но не правда ли, Государи мои, что *любезной* Министръ есть нѣчто очень забавное?

Гр. Нѣг. (*Потирая себѣ руки:*) Министръ — о! мой другъ, Министры всегда окружены толпою своихъ поклонниковъ. . . .

Здравом. Все таки очки и помочи, тамъ, гдѣ должно видѣть собственными глазами и ходить самому собою. Любезной Графъ! въ свѣтѣ только два рода людей; всякой изъ насъ есть или *рабъ* или *господинъ*: господинъ, когда онъ имѣетъ довольно силы дѣйствовать самимъ собою; рабъ, когда, при всякомъ случаѣ, принужденнымъ себя находитъ прибѣгать къ помощи другихъ.

Вѣтр. Но, Государи мои, вить разумъ созрѣваетъ съ лѣтами. Опытность доставляетъ намъ свѣдѣнія и пособія, которыя дополняютъ то, чего не достаетъ со стороны ученія. И сколько людей было и есть, которые никогда не имѣли другихъ учителей, кромѣ. . . .

Здравом. Кромѣ своего невѣжества и несмыслія, кои всегда влекли за собою наказаніе, но никогда не были тѣмъ исправлены. Нещастна страна, коея Министръ принужденъ повиноваться своимъ подчиненнымъ! Раскроемъ Исторію, обозримъ времена — мы увидимъ, что тамъ одинъ кабинетъ управляетъ всѣми другими; здѣсь одинъ человѣкъ движетъ всѣмъ свѣтомъ по своему произволенію; а здѣсь небольшія Области одерживаютъ перевѣсъ надъ пространными и сильными Государствами. А отъ чего и какъ?

Вѣтр. Все это правда. . . . Я принужденъ съ тобою согласиться. . . и не знаю право, что тутъ сказать.

Здравом. А я такъ знаю. И для того-то, всякой разъ, встрѣтившись съ молодымъ человѣкомъ, котораго порода, или таланты, или другія какія щастливыя обстоятельства, по видимому, предопредѣляютъ къ отличному званію, я буду кричать ему изо всѣхъ силъ: *другъ мой! трудись, трудись, трудись; будь прилѣженъ, и сдѣлай себя способнымъ ко всему доброму и полезному.* Вотъ именно, о чемъ я

проповѣдывалъ Графу, и что ему не очень полюбилось.

Вѣтр. Ну, такъ я навсегда отказываюсь отъ Министерiи и Статской службы — а вступаю въ Военную. Теперь же дѣлаюсь я Генераломъ и иду.... командовать.

Гр. Нѣг. И конечно, конечно. Я думаю, ничуть не мудрено — разумѣется съ опытностiю — командовать армiею. Я представлю въ примѣръ тысячу такихъ, кои, не бывъ велики ни по своему уму, ни по своимъ прiобрѣтеннымъ знанiямъ, прославились однакожъ во многихъ случаяхъ.

Здравом. Видно вашъ Генералъ похожъ на *Мольеровыхъ* Докторовъ, которые испытывали дѣйствiе своихъ лѣкарствъ надъ простымъ бѣднымъ народомъ: Faciamus experimentum in anima vili.

Гр. Нѣг. Да и какъ иначе? Вить на него-то, на этотъ *простой народъ* падаютъ всѣ удары и бѣдствiя войны.... А Генералу какая до того нужда? Дѣлаютъ наборъ, и корпусъ его наполняется.

Здравом. Такъ не уже ли вы камень носите въ груди своей? Не уже ли

можете вы покойно смотрѣть на ручьи крови, лїющейся отъ вашего неразумїя? Не уже ль тысячи нещастныхъ, которые падутъ отъ одного можетъ быть вашего проступка, въ глазахъ вашихъ суть не иное что, какъ стадо, опредѣленное на бесплодное избїенїе? Не уже ли Монархъ, которому вы служите, и которой для спасенїя миллїоновъ ввѣряетъ вамъ начальство надъ воинствомъ своимъ, не уже ли онъ позволяетъ вамъ истреблять его по вашему произволенїю? И сїи нещастные, которыхъ умерщвляетъ ваша несмысленность, и которые слѣдуютъ за вашими знаменами для служенїя Отечеству, не уже ли они должны служить только вашему невѣжеству?

Гр. Нѣг. О! кончи пожалуй свои восклицанїя, и скажи намъ, что требуется къ тому, чтобы быть хорошимъ Генераломъ?

Вѣтр. Это я знаю: вопервыхъ долго надобно служить самому, чтобы повинуясь, научиться повелѣвать; вовторыхъ надобно имѣть натуральныя способности къ этому роду службы, то есть, хладнокровїе, вѣрной глазъ,

дальновидность, рѣшимость въ предпріятіяхъ и скорость въ изобрѣтеніи средствъ и пособій. О! съ этимъ, думаю, можно что нибудь сдѣлать.

Здравом. А я думаю, что сверьхъ этого нужны еще свѣдѣнія. Ему надобно знать довольно *Математики*, чтобы самому расчислять свои положенія, свои движенія, приступы, отступленія; довольно *Фортификацїи*, чтобы умѣючи употреблять свою силу и распредѣлять ее наилучшимъ образомъ для успѣшнаго достиженія предположенной цѣли; довольно *Военной Исторїи*, чтобы знать, отъ чего такой-то Генералъ разбитъ, или какая ошибка помѣшала ему воспользоваться своими выгодами. Сверьхъ того онъ долженъ быть весьма свѣдущъ въ *Землеописанїи* тѣхъ мѣстъ, гдѣ надобно вести войну, и совершенно знать *господствующїй* тамъ *народный характеръ*, также и то, *какое* тамъ употребляется *оружїе*, *хорошо* ли оно, или *нѣтъ*, и проч. Совершенной Генералъ долженъ быть, по моему мнѣнїю, такой человѣкъ, которой образовалъ себя долговременною службою и неусыпнымъ трудомъ, и который имѣетъ разнообразныя, обширныя свѣдѣнія. Безъ

того онъ можетъ ожидать успѣха развѣ отъ одного только случая; а случай обманываетъ по крайней мѣрѣ столь же часто, какъ и благопріятствуетъ. — (*Остановка.*) Друзья мои! я не упоминаю о другихъ состояніяхъ и должностяхъ общественныхъ; но вы конечно согласитесь. . . .

Вѣтр. Такъ, я съ своей стороны согласенъ, что истинная слава слѣдуетъ за истинными достоинствами; что великимъ человѣкомъ не льзя сдѣлаться иначе, какъ стрѣмясь беспрестанно ко всему великому и благородному — ко всему, возвышающему душу и сердце; что человѣкъ, знаменитый, по своему рожденію, долженъ сдѣлать и жизнь свою знаменитою своими добродѣтелями. Съ сей самой минуты я оставляю то легкомысліе, которое до сихъ поръ влекло меня только къ пріятнымъ упражненіямъ и къ пріобрѣтенію знаній болѣе блистательныхъ, нежели полезныхъ и основательныхъ; и всѣ силы употреблю, чтобы прямо сдѣлаться достойнымъ тѣхъ отличій, тѣхъ почестей, на которыя порода моя и благопріятствующія обстоятельства можетъ быть дадутъ мнѣ нѣкогда право.

Гр. Нѣг. (*Беретъ съ чувствомъ Здравомысла за руку.*) Любезный Здравомыслъ, благодарю, отъ всего сердца благодарю тебя... Теперь я чувствую, понимаю, что мнѣ должно дѣлать — но буду ль въ состоянїи? Ахъ! будь моимъ другомъ, наставникомъ, примѣромъ, руководителемъ; исправляй меня, учи, ободряй, предшествуй мнѣ — я иду, стремлюсь по слѣдамъ твоимъ, и.... такъ.... я сдѣлаю честь своему Отечеству, своему имени, училищу, гдѣ прїобрѣту добродѣтели и приличныя мнѣ знанїя, которыхъ все... все отъ меня требуетъ....

Здравом. Вотъ прїятнѣйшая минута въ моей жизни! Вы торжествуете, друзья мои.... Ты (*къ Вѣтрону:*) надъ тысячью обольстительныхъ, а можетъ быть и любезныхъ мѣлочей, которыя однако никогда не могли бы сдѣлать тебя драгоцѣннымъ для общества, для Отечества, коему мы столько одолжены.... А ты (*къ Нѣгину:*) — ахъ! какъ щедро будутъ нѣкогда награждены твои усилїя сдѣлаться достойнымъ себя самаго, достойнымъ своего имени.... Ступайте: предъ вами

открыто пространное поле — — Я буду восхищаться вашею знатностію, естьли вы ее заслужите; она возвеличитъ вашего друга въ собственныхъ его мысляхъ.

VIII.

РАЗГОВОРЪ

О

ДОБРОМЪ СЕРДЦѢ.

Разговаривающїе тѣ же, что въ I. разговорѣ, кромѣ ДОМОВИТОВА.

Остроумъ. Давно хочется мнѣ знать, для чего о такомъ человѣкѣ, которой любитъ дѣлать добро, говорятъ: *у него доброе сердце.* Мнѣ кажется, сердце тогда только хорошо, когда оно здорово, такъ какъ и всякая другая часть нашего тѣла. —

Любопытовъ и Благонравъ смѣются, думая, что вопросъ этотъ слишкомъ простъ.

Остр. Вы смѣетесь надо мною? Конечно вы знаете, для чего о томъ, кто добро или зло дѣлаетъ, говорятъ, что у него *доброе* или *злое* сердце? Все, что мы ни дѣлаемъ, дѣлаемъ подумавши и съ намѣренїемъ; а думаетъ вить не тѣло, а душа; не сердце, а разумъ. Скажите жъ мнѣ, Г. Насмѣшники, когда вы знаете, для чего такъ говорится? Ну, сказывайте жъ.

Добросердъ улыбается. Любопытовъ и Благонравъ приходятъ въ замѣшательство; нѣсколько времени молчатъ; потомъ оба начинаютъ говорить, но кромѣ словъ: для того — для того, что — *ничего не могутъ сказать.*

Остр. (*Смѣется. Потомъ:*) Такъ-то, Г. Умники, вамъ чай казалось, что вы правы; анъ тутъ-то и ошиблись. Не правда ли, Г. Добросердъ?

Доброс. Правда, мой другъ, правда. Ну, да скажи жъ ты намъ, какъ ты самъ объ этомъ думаешь?

Остр. Я думаю, что *добрымъ сердцемъ* называется не иное что, какъ *склонность* дѣлать *добро*, думать хорошо о другихъ людяхъ и радоваться ихъ благополучію безо всякой для себя корысти.

Доброс. Сказано прекрасно, только мы не совсѣмъ довольны твоимъ отвѣтомъ. О томъ-то и спрашивается, другъ мой, для чего эту склонность приписываютъ сердцу?

Остр. Конечно для того, что добрыя и злыя склонности отъ сердца происходятъ.

Доброс. Этова все еще не довольно. Ты называешь доброе сердце склонностію дѣлать добро; а склонности также должно приписывать не сердцу, а душѣ; когда сердце не иное что, какъ только часть тѣла. —

Остр. Признаюсь, что не могу на это отвѣчать вамъ, и стыжусь, что я такъ глупъ.

Доброс. Не стыдись, мой другъ; ты не глупъ, ты очень уменъ по своимъ лѣтамъ. Отвѣчать же на мой вопросъ, такъ какъ должно, не можешь потому, что эта задача не по твоему понятїю.

Благонр. Ну, такъ растолкуйте жъ пожалуйте вы это. Намъ очень хочется знать, что такое называется добрымъ сердцемъ?

Доброс. Охотно. — Обыкновенно разуму приписывается способность *думать*, *разсуждать* и *принимать намѣренія*, а сердцу способность *желать* или *чувствовать*. Хотя правда, что и то и другое только душа дѣлаетъ; но какъ всякое сильное желанїе, либо отвращенїе отъ чего нибудь производитъ перемѣну въ крови нашей, которая отъ радости течетъ скорѣе, отъ печали медлѣннѣе, при внезапныхъ приключенїяхъ останавливается (*и прос.*); и какъ кровь беспрестанно притекаетъ къ сердцу, а отъ него разливается во всѣ другїя части тѣла: то всякое движенїе души про-

изводитъ въ сердцѣ ощутительное дѣйствіе; и потому-то желаніе и отвращеніе приписываются больше ему, нежели душѣ. Естьли. . . .

Любоп. Извините меня, Сударь, что я перебью рѣчь вашу: я не совсѣмъ васъ понялъ. Пожалуйте повторите, что вы изволили теперь сказать.

Доброс. (Повторяетъ съ большими разстоновками: *обыкновенно разуму приписывается*, *и проч.* Кончивши:) Ну, теперь понялъ ли ты, другъ мой, Г. Любопытовъ, и вы, друзья мои, поняли ль меня?

Дѣти всѣ. Поняли, поняли.

Доброс. И такъ естьли причина такова дѣйствія бываетъ хороша, то это называется добрымъ сердцемъ; естьлижъ она дурна, то называется злымъ сердцемъ. И въ самомъ дѣлѣ кажется, что мы чувствуемъ съ сердцѣ своемъ всѣ внѣшнія дѣйствующія на насъ впечатлѣнія. Оно или разширяется или стѣсняется; когда радость или печаль, надежда либо страхъ, довѣренность либо сомнѣніе его наполняетъ. (*Остановка.*)

Теперь вы можете нѣкоторымъ образомъ понять, почему инымъ людямъ

приписывают доброе, а другим злое сердце. Кто чувствует радостное движенiе, простирая руку помощи нещастному своему брату, или видя его щастливым; кто раздѣляет съ неимущим хлѣбъ свой, ниспосланный ему общим нашим Небесным Отцем; кто принимает искреннее участiе въ горести или страданiи других подобных ему человѣковъ: — тот подает вѣрной знакъ, что у него не дурное сердце. Человѣкъ, въ груди коего бьется доброе сердце, непремѣнно будет человѣколюбивъ, щедръ, чистосердечен, великодушен; он будет добрым подданным, добрым гражданином, добрым сыном, супругом, отцем, и дѣлая других щастливыми, сдѣлает собственное свое щастiе.

Возьмите въ примѣръ себя самих, любезные друзья мои. Положим — хотя впрочем это малость — что кто нибудь изъ васъ получил бы хорошенькой подарокъ и раздѣлил бы его съ другими дѣтьми. Въ таком случаѣ не сдѣлал ли бы он их щастливыми — по крайней мѣрѣ на ту пору? А через то не сдѣлал ли бы и самаго себя щастливѣе? Конечно такъ, естьли бы у

него было не злое и не завидливое сердце. Онъ сталъ бы тогда радоваться щастію другихъ; а это было бы ему гораздо пріятнѣе, нежели удержать весь подарокъ для себя, не сдѣлавши и другимъ радости. — Вы можете по этому судить, у кого изъ васъ, или изъ вашихъ знакомыхъ доброе сердце. Между тѣмъ желалъ бы я, чтобы всякой изъ васъ сказалъ мнѣ какой нибудь признакъ его.

Благонр. Когда братья мои сдѣлаютъ какой нибудь проступокъ, а я стараюсь извинить ихъ передъ батюшкою, передъ матушкою, или передъ учителемъ; либо когда хотятъ ихъ наказать, а я прошу, чтобъ ихъ простили: это значитъ, что у меня доброе сердце. Не правда ли?

Добрѳс. Правда, какъ не правда, мой другъ!

Остр. Когда я увижу на улицѣ бѣдное дитя, нагое, въ ранахъ — возьму его къ себѣ, отдамъ вылѣчить, одѣну и стану стараться, чтобы оно впередъ не терпѣло нужды: это не знакъ ли добраго сердца?

Доброс. Самой вѣрнѣйшій знакЪ, любезный мой ОстроумЪ! Жаль только, что такіе знаки очень рѣдки.

Любол. ЕстьлибЪ сосѣдЪ мой Ѳединька упалЪ вЪ воду, а я кинулся бы за нимЪ, чтобЪ его вытащить, не опасаясь, что и самЪ утонуть могу: это не значило ль бы, что у меня доброе сердце?

Доброс. Я сказалЪ бы, что у тебя самое лучшее сердце, какое только можетЪ быть у человѣка, естьлибЪ ты вЪ состояніи былЪ это сдѣлать.

Благонр. Или — когдабЪ я, на примѣрЪ, подарилЪ маленькую свою собачку кому нибудь изЪ своихЪ пріятелей — —

Доброс. А хочешь ли ты вЪ самомЪ дѣлѣ кому нибудь подарить ее?

Благонр. (*Запинаясь:*) Я — я — не знаю. АхЪ! я очень ее люблю —

Доброс. Я боюсь, чтобЪ и всѣ вы не стали также сомнѣваться, естьлибы дѣло дошло до опытовЪ. Однако всѣ вы почитаете доброе сердце за самое лучшее сокровище, какое только человѣкЪ имѣть можетЪ, и знаете его признаки. *Священное писаніе похваляетЪ*

того, кто съ радующимися радуется, и печалится съ печальными. Доброе сердце оказывается не всегда только какими нибудь великодушными дѣлами или щедростїю; для того, что не всякой можетъ имѣть случай поступать великодушно, и не всякой имѣетъ столько достатку, чтобъ быть щедрымъ. — Дружеской совѣтъ, доброе мнѣнїе о другихъ людяхъ, услужливость, и то самое, какимъ образомъ мы даемъ совѣтъ, или дѣлаемъ услугу, часто доказываютъ доброту сердца болѣе, нежели горсть денегъ, брошенная бѣдному человѣку: потому, что можно иногда быть щедрымъ изъ одного тщеславїя и хвастовства. — Старайтесь, любезные дѣти, имѣть непритворное, прямо доброе сердце. Оно будетъ приносить вамъ такое удовольствїе, какова описать не льзя, и какое одному доброму сердцу и чувствовать можно.

Остр. Но развѣ отъ насъ зависитъ имѣть доброе сердце? Не всѣ имѣютъ одинакую склонность къ добру, и не всѣ равно чувствительны.

Добрс. Друзья мои! всякой можетъ исправить свое сердце, естьли

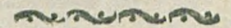
только захочетъ; всякому данъ разсудокъ, чтобы узнавать, что хорошо и что худо, что похвально и что порочно. Не слѣдуйте только вдругъ своимъ склонностямъ, не подумавши и не узнавши, къ чему точно онѣ васъ ведутъ. Когда вамъ кажется какое нибудь дѣло выгоднымъ, и вы чувствуете къ нему склонность; то подумайте сперва, выгодны ли будутъ и слѣдствїя этова дѣла: послушайте также, что скажутъ о томъ другїе люди, кои постарѣе и поумнѣе васъ. Естьли они присовѣтуютъ вамъ что нибудь противное вашей склонности и охотѣ; то имѣйте столько твердости и недовѣрчивости къ себѣ, чтобъ послѣдовать лучше ихъ совѣту, нежели своей склонности. Хотя и прискорбно вамъ будетъ сдѣлать что нибудь противъ своего желанїя; но прискорбїе такое не долго продолжится, и самое это принужденїе наконецъ принесетъ вамъ прїятнѣйшее удовольствїе.

IX.

РАЗГОВОРЪ

О

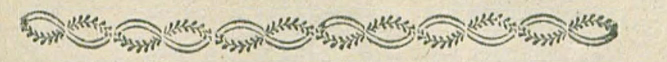
ТЩЕСЛАВІИ.



РАЗГОВАРИВАЮЩІЕ:

СОКРАТЪ и

АЛЦИБІЯДЪ.



Сократъ. А! любезной Алцибїядъ! наконецъ я тебя нашелъ. — Ба! ба! ба! что это? Мнѣ кажется, ты на кого-то сердишься?

Алцибїядъ. Я не могу казаться столько сердитымъ, сколько сердитъ я въ самомъ дѣлѣ быть долженъ.

Сокр. Охо! хо! да ты не шутя на кого-то сердишься, и щастье твое и его, что Фебъ тебѣ не въ родствѣ; а то бы новый Фаэтонъ во гнѣвѣ наказалъ весь свѣтъ за свое оскорбленїе.

Алциб. Мнѣ сказать: ты обыкновенный человѣкъ! земли твои ничего не стоятъ! — О! не хочу лучше быть сыномъ *Клинїевымъ*, или заставлю его признаться, что этотъ обыкновенный человѣкъ имѣетъ сердце необыкновенное, душу, какую только одному Алцибїаду имѣть можно; что весь его родъ въ тысячу разъ знатнѣе и славнѣе, нежели родъ какого нибудь ростовщикова внука, котораго вся дѣдовская знатность съ серебромъ по городу разсыпается.

Сокр. Естьли какое нибудь неудовольствїе хочетъ поселиться въ твоемъ

сердцѣ, то старайся поскорѣе выгнать его оттуда вонъ — и самыхъ радостей погребать въ немъ не должно! Раздѣленная скорбь становится легче; а удовольствіе, разлитое въ два сердца, дѣлается живѣе. — И такъ естьли что непріятное съ тобой случилось, раздѣли его со мною. Ввѣрь Сократу свою тайну; она тебя не будетъ болѣе мучить.

Алциб. Хорошо! я тебѣ откроюсь, и увѣренъ, что судя, какъ ты хочешь, строго, и ты меня оправдаешь. — Ты знаешь *Алкмеона*? —

Сокр. Этого богача? ну, знаю.

Алциб. Сего-дни поутру, вставши довольно рано, вздумалъ я пройтися не много по городу, и побывать у тебя. Вдругъ *Анитъ*, *Иперболъ* и множество другихъ молодыхъ людей попались мнѣ на встрѣчу. Говоря о томъ и о другомъ —

Сокр. Вѣрно о чемъ нибудь заспорили? . . .

Алциб. О чемъ можетъ порядочно спорить такая глупая тварь, какъ Алкмеонъ? — Это самое бездушное созданіе.

Сокр. Алцибіадъ!

Алциб. Воля твоя! Во всѣхъ Аѳинахъ не сыщешь ты подобнаго ему глупца. — Не могши говорить ни о чемъ порядочно, цѣлые два часа глушилъ онъ насъ враньемъ своимъ безумолку. Перещитывалъ всѣхъ бабушекъ и тетушекъ; перебралъ поименно всѣхъ своихъ родственниковъ одного за другимъ; расказалъ, сколько у него невольниковъ, сколько домовъ досталось ему въ наслѣдство, и сколько еще достанется послѣ богатой родни. Всѣ надъ нимъ открыто смѣялись, кромѣ его ласкателей. Потомъ, на прикрасу дурачеству своему, завелъ разговоръ о земляхъ, которыя имѣетъ онъ въ *Аттикѣ*; и какъ бы ты думалъ? былъ такъ дерзокъ, что осмѣлился не только равнять ихъ съ моими, да называть еще мои пустыми деревнишками.

Сокр. И ты по благоразумію своему вѣрно ему это пропустилъ?

Алциб. Нѣтъ: божусь тебѣ всѣмъ, что есть свято! Это уже было сверьхъ моего терпѣнія. Всѣ хохотали; что мнѣ было дѣлать? Я не могъ снести его глупости; но воздерживаясь еще,

сколько можно, сперва очень покойно сказалъ ему, что онъ ошибается. Онъ тѣмъ крайне тронулся, озлился, началъ говорить мнѣ колкости — —

Сокр. Ну! и ты ему то же?

Алциб. Конечно! Мнѣ досадно было. Я не могъ быть безчувственъ на этотъ разъ.

Сокр. Вѣрю; твой характеръ очень пылокъ. — Но скажи ты мнѣ: колкости его тебѣ и всѣмъ, тутъ бывшимъ, не показались ли въ немъ глупостію и бесчинствомъ, несвойственными благородному человѣку?

Алциб. Конечно! это непростительно —

Сокр. Хорошо ли же ты сдѣлалъ, отвѣтствуя ему тѣмъ же? Тебѣ это вдвое непростительнѣе! Что, естьли бы Алкмеонъ въ какое нибудь собраніе пришелъ въ изорваномъ и замараномъ платьи — обидясь его непріятностію, захотѣлъ ли бы ты, въ отмщеніе ему, надѣть на себя такое же?

Алциб. Сократъ! какъ это можно?

Сокр. Ты не лучше сдѣлалъ. Признаюсь тебѣ, я удивляюсь, какъ ты

могъ послѣдовать ему, въ такой неблагопристойности. Ты, котораго дарованія и благородство должны имѣть своихъ послѣдователей; ты самъ долженъ быть образцомъ всего великаго и прекраснаго. — Я увѣренъ, что для тебя стыдно будетъ и въ другомъ чемъ нибудь подражать Алкмеону.

Алциб. Такъ; но божусь тебѣ, я принужденъ былъ это сдѣлать. Притомъ же человѣкъ не въ состояніи управлять собою, когда онъ разгорячится.

Сокр. Скажи лучше: когда не подумаетъ прежде, чѣмъ онъ трогается. Ты обидѣлся, что Алкмеонъ назвалъ твое владѣніе ничего нестоющимъ, и готовъ — Богъ знаетъ — что сдѣлать, чтобъ не быть такъ больно обиженнымъ. Вѣрю, обида очень великая! — но кстати, теперь только досталъ я эту карту. Потрудись пожалуй, подержи ее. Ты вѣрно знаешь, что это такое?

Алциб. Греція. Я ее очень знаю. Говорятъ, карту эту дѣлалъ *Пиѳагоръ*. — (*Съ жаромъ*:) Это былъ великой человѣкъ! И конечно карта его самая вѣрная, какую только имѣть можно.

Сокр. Тѣмъ лучше. Я очень радъ, что ты ее такою почитаешь. Пожалуй же сыщи мнѣ Пелопонесъ.

Алциб. Вотъ онъ.

Сокр. Аттику.

Алциб. Здѣсь.

Сокр. И свои земли.

Алциб. Мои земли?

Сокр. Да! Ну, хоть скажи мнѣ мѣсто, гдѣ по мнѣнїю твоему быть имъ должно; также и Алкмеоновы покажи мнѣ, чтобы я могъ ихъ сравнить.

Алциб. Любезной Сократъ! какъ имъ здѣсь быть? Какая нужда была Пиѳагору до моихъ земель?

Сокр. А вить ты самъ сказалъ, что карта эта вѣрна?

Алциб. Безъ сомнѣнїя.

Сокр. И что твои земли велики?

Алциб. Такъ — для меня!

Сокр. Для чего же не для Пиѳагора?

Алциб. Для того, что кто описываетъ цѣлыя Области и Государства, тотъ не имѣетъ нужды упоминать о какой нибудь деревнѣ, кому бы она впрочемъ ни принадлежала.

Сокр. Такъ конечно! Ну, а естьли бы Пиѳагоръ писалъ Исторїю своего времени, не долженъ ли бы онъ былъ добродѣтели и преимущества всякаго и самаго бѣднѣйшаго человѣка сдѣлать безсмертными для потомства? — —

Алциб. Что ты чрезъ это разумѣешь?

Сокр. Положимъ, на примѣръ, чтобы мужествомъ или благоразумїемъ какого нибудь *Аристида* побѣжденъ былъ на *Маратонскихъ* поляхъ сильный непрїятель: то этотъ Аристидъ, у котораго по смерти не найдено и столько, сколько нужно было на его погребенїе, не достоинъ ли безсмертїя и славы? Простительно ли бы Пиѳагору было, естьлибъ онъ умолчалъ объ немъ?

Алциб. Безъ сомнѣнїя нѣтъ.

Сокр. Или преданъ бы имъ былъ забвенїю мирный Законодатель какого нибудь народа, либо великїй Художникъ? Справедливо ли бъ было пропустить въ Исторїи *Солонова* имя?

Алциб. Конечно нѣтъ.

Сокр. А долженъ ли былъ Историкъ говорить о томъ, какїя земли у

него были, и сколько невольниковъ слу-жило при его столѣ?

Алциб. Не думаю.

Сокр. Слѣдственно, что тогда ну-жнѣе было для Пиѳагора: богатство, или добродѣтели?

Алциб. Я согласенъ, что добро-дѣтели.

Сокр. Хорошо! А что казалось въ глазахъ Пиѳагоровыхъ маловажнымъ, не должно ли то предъ очами Высочайшаго Существа казаться совсѣмъ ничего не значущимъ?

Алциб. Совершенная правда.

Сокр. И ты не стыдишься, Алци-біадъ, гордиться тѣмъ, что для Земле-описателя, который только и зани-мается однимъ пространствомъ земли было столь маловажно? Ты выходишь изъ себя, и споришь о томъ, что не только для Верьховнаго Существа, но и въ глазахъ Мудрецовъ міра сего ничего не составляетъ? Что значитъ все твое владѣніе въ сравненіи съ Аттикою? Ат-тика противъ Греціи? Греція противъ Европы? Европа въ отношеніи ко всему земному шару? Оставь ихъ — сіи брен-ныя имущества свѣта! Господство твое

надъ ними не сдѣлаетъ тебя безсмертнымъ. *Аристидъ* столь же славенъ, какъ и *Цимонъ*. Великость Властолюбцевъ умираетъ вмѣстѣ съ ними и заключается въ малой гробницѣ. Но то, что въ тебѣ живетъ, умствуетъ — сей даръ Божества — превыше всѣхъ имуществъ. Сами Боги устрѣмляютъ на него свое вниманіе, и потомство будетъ судить, каково употреблялъ ты его. Сія искра Божества должна озарять всѣ мечты, ослѣпляющія твое зрѣніе; и никакой Алкмеонъ не совратитъ тебя съ пути, на которомъ можешь ты достигнуть безсмертія и славы, естьли хочешь.

Алциб. Я хочу, хочу непремѣнно. Твоя правая рука, твои наставленія поведутъ меня по немъ. Другъ мой! прости мнѣ; я виноватъ. Благодарю тебя, что ты показалъ мнѣ заблужденіе мое. Прошу: не скрывай отъ меня моихъ ошибокъ!

Сокр. Не скрывай отъ меня своихъ чувствъ, и Сократово сердце порукою твоего щастія. Кто желаетъ, чтобъ ему говорили правду, тотъ можетъ быть увѣренъ въ своемъ исправленіи.

X.

РАЗГОВОРЪ
О
ЩАСТІИ.

РАЗГОВАРИВАЮЩІЕ:

ФИЛАЛЕТЪ и
МЕЛОДОРЪ.

Филалетъ. Нѣсколько минутъ смотрю на тебя, и жалѣю, что я не живописецъ: не льзя найти лучшей модели для изображенія бога задумчивости.

Мелодоръ. Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — (*Подаетъ ему руку*.)

Филал. Что, естьли смѣю спросить, занимаетъ твое глубокомысліе? Философскій камень, безпрестанное движеніе, связь души съ тѣломъ, средство сдѣлать безумцевъ умными: не правда ли?

Мелод. Ты почти угадалъ. Я думалъ. . . о средствѣ быть щастливымъ въ жизни. Это стоитъ Философскаго камня.

Филал. Съ нѣкоторой стороны.

Мелод. Въ самомъ дѣлѣ, любезный другъ! на что мы трудимся, учимся, читаемъ, пишемъ, споримъ — и Богъ знаетъ, чего не дѣлаемъ — когда не умѣемъ найти благополучія въ жизни? Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на портикахъ,

на перистилѣ, на колоннахъ, вездѣ сіяетъ надпись: *Щастію*! Вхожу во внутренность: гремятъ хоры — *Щастію*! Вижу безчисленное множество людей: спѣшатъ, тѣснятся, простираютъ руки — *ко Щастію*, единственному божеству храма; но божество . . . невидимо! Молятся съ усердіемъ, зовутъ его; оно не является! Герой манитъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, сластолюбецъ миртовою вѣтвію, богачь блескомъ сокровищь своихъ: оно не является! Здѣсь проливаютъ слезы, тамъ другихъ заставляютъ плакать — все для щастія; но оно глухо, слѣпо; не слушаетъ моленій, не смотритъ на жертвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

Филал. Довольно Поэзіи, но мало утѣшенія!

Мелод. Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и готовъ спрыгнуть съ земнаго шара.

Филал. Друзья схватятъ тебя за руку, будутъ просить, кланяться — и нѣжной, снисходительной Мелодоръ останется съ ними.

Мелод. Развѣ только для нихъ; а мнѣ право уже наскучило гоняться за пустою мечтою. — — Но оставимъ шутки, и поговоримъ съ важностїю о такомъ предметѣ, которой всего милѣе для нашего сердца. Скажи мнѣ, есть ли щастье въ мїрѣ?

Филал. Я помню слова одного Философа. „Есть ли щастье?„ спросилъ у него любопытный человѣкъ. — Люди съ начала мїра ищутъ его, и по сїе время не нашли, отвѣчалъ онъ: слѣдственно . . . „Слѣдственно его нѣтъ?„ сказалъ любопытный. — Однакожъ, продолжалъ Мудрецъ, естьлибъ оно было ничто иное, какъ пустой фантомъ; то люди давно бы уже перестали искать его: но какъ они все упорствуютъ въ своихъ мысляхъ и все ищутъ, то надобно. . . . „Чтобъ оно существовало? Два противныя слѣдствїя: которое жъ справедливо?„ спросилъ опять любопытный. — Рѣши самъ! отвѣчалъ Философъ, завернулся въ свою мантїю и замолчалъ.

Мелод. Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе этова Философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣ-

нїю, истинное щастье въ мїрѣ? и можетъ ли человѣкъ найти его?

Филал. Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

Мелод. Прекрасный отвѣтъ! Онъ напоминаетъ мнѣ *Аполлонову Пиѳїю*, которая всегда говорила: *да и нѣтъ! нѣтъ и да!* или *Шекспировыхъ вѣдьмъ*, увѣрявшихъ *Дунканова* Генерала, что онъ будетъ меньше и больше, ниже и выше *Макбета.*

Филал. Естьли мы разумѣемъ подъ щастїемъ такое состоянїе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствїями....

Мелод. Потерявъ всѣ чувства недостатка, сливаясь, такъ сказать, со внѣшними предметами, какъ тоны сливаются между собою въ гармоническомъ строѣ, и находя въ одномъ наслажденїи чувство бытїя своего....

Филал. То оно не возможно по образованїю души нашей. Напрасно человѣкъ думаетъ найти его въ исполненїи всѣхъ желанїй: одно раждаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чтобы всѣ они исполнились. Пусть, на примѣръ, молодой Эрастъ,

общій нашъ знакомецъ, будетъ человѣкъ, которому ни въ чемъ нѣтъ неудачи. Вообразимъ, что я Эрастовъ благодѣтельный и всемогущій Геній: чего онъ желаетъ, то въ минуту исполняю.

Мелод. Ты берешь на себя много работы. Онъ желаетъ, на примѣръ, богатства.

Филал. И богатство течетъ къ нему рѣкою, льется на него золотымъ дождемъ.

Мелод. Онъ любитъ обходиться съ просвѣщенными, знающими, остроумными людьми —

Филал. Предупреждаю его желаніе: всѣ Нѣмецкіе Профессоры, всѣ Французскіе *Остроумцы* скачутъ къ нему на почтовыхъ.

Мелод. Онъ захочетъ самъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ.

Филал. Даю ему разумъ *Фонтенеля*, *Вольтера*, *Руссо*.

Мелод. Захочетъ славы Героя —

Филал. Лавровые вѣнки летятъ къ нему на голову.

Мелод. Пожелаетъ —

Филал. Конечно не того, чтобы два и два составили пять: все прочее дѣлаю. Онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей; осыпанъ всѣми дарами природы и фортуны; всѣ нервы его трепещутъ въ живѣйшемъ восторгѣ. . . . Но что же? Восторгу его, по свойству, по образованію души человѣческой, минута отъ минуты должно ослабѣвать; каждая секунда уноситъ съ собою нѣкоторую часть его *способности наслаждаться*; каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его щастье. Нѣтъ предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды! Эрастъ все имѣетъ, кромѣ. . . . блаженства.

Мелод. Но онъ можетъ еще желать, чтобы душа его, наслаждаясь, не тупѣла въ своихъ чувствахъ.

Филал. Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чтобы два и два составили пять: по крайней мѣрѣ Физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣйствуетъ слабѣе. И потому человѣкъ въ тридцать лѣтъ, при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радует-

ся уже менѣе тѣми предметами, которыми восхищался онъ въ двадцать пять лѣтъ.

Мелод. Слѣдствіе. . . .

Филал. Слѣдствіе то, что Богу не угодно было даровать намъ совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни: *оно не возможно по образованію души нашей*. Но. . .

Мелод. Посмотримъ, что скажешь намъ въ утѣшеніе!

Филал. Но естьли щастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку.

Мелод. Какъ же я буду доволенъ, когда —

Филал. Будешь, повинуясь сердцу и разсудку. Первое велитъ искать удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и Мудрости. Сердце есть младенецъ, которой бросается на все сладкое; но въ сладкомъ бываетъ иногда ядовитое. Разсудокъ долженъ

говоритъ ему: *это вредно — оставь! это не вредно — наслаждайся!*

Мелод. Но естьли послѣдняго такъ мало, что бѣдное сердце безпрестанно должно себѣ отказывать; естьли почти всѣ удовольствія стоятъ намъ очень дорого; естьли на каждую пріятность можно щитать по сту непріятностей; естьли всѣ страсти пагубны, какъ утверждали *Стоики*; естьли вѣчное сраженіе съ чувствами есть для насъ законъ мудрости: въ такомъ случаѣ какъ бѣдно твое возможное щастіе! и на что родиться человѣку?

Филал. Нѣтъ; я не люблю Стоиковъ, которые чернымъ сукномъ одѣваютъ всю природу, и заранѣе кладутъ сердце въ холодную могилу. Нѣтъ, нѣтъ! природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами; она дала намъ чувства для того, чтобы услаждать ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобъ мы выбирали лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и моральномъ мірѣ.

Мелод. Ты хочешь быть Панегиристомъ страстей; но я укажу тебѣ на мысъ Левкадскій, на пепелъ городовъ, на высокіе бугры, составленные изъ костей человѣческихъ, на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство — и скажу: *вотъ дѣйствіе страстей!*

Филал. Дѣйствіе ихъ заблужденія. Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

Мелод. Кому же назначать предѣлы?

Филал. Я сказалъ: разсудку. Страсть для сердца есть ничто иное, какъ живое чувство удовольствія; но разсудокъ находитъ, что удовольствіе есть только *приманка*; что натура скрываетъ подъ нимъ нѣчто важнѣйшее: *пользу*. Тутъ ставитъ онъ пограничной столпъ и говоритъ сердцу: *Не далѣе!* Оставя краснорѣчивымъ Стихотворцамъ хвалить и защищать любовь, которая, по мнѣнію ихъ, есть душа міра, скажу о другихъ природныхъ страстяхъ, что онѣ нужны, благодѣтельны въ чистотѣ своей, подъ руководствомъ ума. На примѣръ —

Мелод. На примѣръ, *корыстолю-біе!*

Филал. Да! и *корыстолюбіе* хорошо въ своемъ источникѣ, когда оно есть не иное что, какъ предвидѣніе муравьевъ, готовящихъ запасъ на зимнее время. Природа хотѣла, чтобъ мы не терпѣли недостатка въ нужномъ, и для того собирали: вотъ, что естественно въ корыстолюбіи и согласно съ умомъ!

Мелод. Но естьли оно заставитъ меня присвоивать себѣ чужое, мучить людей для умноженія моихъ сокровищь? . . .

Филал. Тогда природа и разсудокъ отступятся отъ Мелодора. Первая говоритъ: *собирай*; а второй договариваетъ: „средствами позволенными, для „существенной твоей пользы. Какъ ты „поступаешь въ отношеніи къ другимъ, „такъ другіе имѣютъ право поступать „въ отношеніи къ тебѣ. Возьмешь чу-„жое, возьмутъ твое — и вмѣсто того, „чтобы обезопасить жизнь свою, будешь „всегда въ опасности.„

Мелод. Я угадываю, что ты скажешь о *честолюбіи*.

Филал. То, что оно есть самая благороднѣйшая моральная страсть, собственно человѣку данная. Не говори мнѣ о *Геростратахъ*, *Александрахъ*, *Аттилахъ*: они служатъ только примѣромъ развращеннаго честолюбія; но истинное, прямо понимаемое есть ничто иное, какъ желаніе нравиться подобнымъ себѣ моральнымъ существамъ, заслужить ихъ доброе мнѣніе, почтеніе, любовь. Эта страсть болѣе всего привязываетъ насъ къ общежитію, единственной сценѣ ея: она источникъ добрыхъ дѣлъ — и натура, вселивъ ее въ наше сердце, утверждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ человѣчество, заставляетъ насъ быть благодѣтельными — такъ, какъ нѣтъ инаго надежнѣйшаго средства заслужить добрую славу.

Мелод. Вотъ хорошая сторона страстей! Но для чего же, любезной другъ, для чего природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяетъ она человѣку засорять ихъ свѣтлой источникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливать на міръ столько зла и горя?

Филал. Спроси, для чего она дала намъ свободу? для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту минуту, когда приноситъ жертву разсудку на щетъ своихъ слабостей! Кто имѣетъ столько твердости и силы, чтобы повиноваться закону мудрости, закону ума; тотъ благодаритъ природу за данную намъ волю слѣдовать ему, или не слѣдовать. Натура употребила съ своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе. Кто забываетъ цѣль врожденныхъ склонностей, которая въ житейскомъ морѣ плаваніи должна всегда, какъ Фаросъ, сіять передъ нами; кто выходитъ изъ черты, обводимой разсудкомъ вокругъ природнаго дѣйствія страстей; кто искусственно растравляетъ въ себѣ ихъ чувство, безумно предается ихъ бурному стремленію, и хочетъ, такъ сказать, весь міръ потопить въ своихъ живыхъ удовольствіяхъ: тотъ, гоняясь за призракомъ блаженства, бываетъ гонимъ существенною тоскою, пьетъ со-

ленную воду для утоленія жажды, и за минутные восторги платитЪ долговременною мукою — восторги, которые дѣлаются рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряютЪ душу, и усиливая вЪ ней алчность кЪ наслажденіямЪ, ослабляютЪ ея способность наслаждаться. Нещастный *ТанталЪ* есть образЪ человѣка, которой рабствуетЪ, такЪ называемымЪ, сильнымЪ страстямЪ, искуственнымЪ фантомамЪ нашего воображенія; которой, на примѣрЪ, имѣя ненасытное честолюбіе Александра, летитЪ за лаврами на край свѣта, черезЪ кровавыя рѣки, черезЪ трупы людей, вмѣсто того, чтобы заслужить истинную, надежную славу благодѣяніями, добродѣтельною жизнію, тамЪ, гдѣ судьба произвела его на свѣтЪ; — или которой собираетЪ не для того, чтобы жить, но живетЪ для того, чтобы собирать; отказывается отЪ настоящихЪ удовольствій для будущихЪ, отЪ вѣрныхЪ для невѣрныхЪ, и долженствуя пріобрѣтеніемЪ обезпечить жизнь свою, наполняетЪ ее заботами для пріобрѣтеній. — НѣтЪ, нѣтЪ! природа не виновата, естьли мы нещастливы, и врожденныя склонности, источникЪ истинныхЪ

благъ, превращаемъ въ источникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. „Человѣкъ долженъ быть творцомъ своего „благополучія, приводя страсти *въ щастливое* равновѣсіе, и образуя вкусъ „для истиныхъ наслажденій.„

Мелод. Но естьли я не нахожу для себя хорошей пищи, то съ самымъ прекраснымъ вкусомъ могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей темной, смрадной избѣ; или Камчадалъ, которой вокругъ себя не видитъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхается отъ дыму, не можетъ найти много удовольствій въ жизни.

Филал. Однакожъ находитъ ихъ. Крестьянинъ любитъ свою жену, своихъ дѣтей; радуется, когда идетъ дождь во время; радуется благополучному ведру, полнотѣ житницъ своихъ и щедрой наградѣ за труды его. У Камчадала также есть сердце, которому извѣстны пріятныя движенія чувствительности; онъ любитъ своихъ домашнихъ, любитъ звѣриную ловлю, и съ удовольствіемъ катится домой на обледенѣлыхъ лыжахъ своихъ, воображая

тепло, отдыхъ и. . . рыбій жиръ на столѣ. — Истинныя удовольствія равняютъ людей. Великій Моголъ и послѣдній рабъ его утоляютъ голодъ и жажду съ одинакою пріятностію. Богачь изъ огромныхъ палатъ своихъ, гдѣ великолѣпіе и скука утомили душу его, сходитъ по мраморной лѣсницѣ отдохнуть на зеленомъ лугу, на чистомъ воздухѣ, и взглянуть на алую вечернюю зарю; онъ садится на травѣ . . . подлѣ бѣднаго земледѣльца, которой также покоится, также легко дышетъ, и тѣми же предметами наслаждается: они оба теперь равны. Ты знаешь *Клеона*, которой истощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чтобы менѣе скучать въ жизни; которой спитъ на розахъ и просыпается отъ звуковъ *Гайденовой* музыки. Часто, завернувшись въ плащь, украдкою выходитъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому, и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льется изъ облаковъ рѣками — для чего? Чтобы уставъ и промокнувъ насквозь, возвратиться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: „какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!„ Въ самой тотъ же часъ бѣдной

дровосѣкъ сушится передъ огнемъ въ хижинѣ своей, и чувствуетъ его пріятность не менѣе Клеона. Вся разница состоитъ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ; но Провидѣніе и натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не одѣляютъ. Знать ихъ цѣну, есть искусство и вѣнецъ науки жить! Не все то легко, что кажется просто; и часто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ оставляетъ тихой родительской кровъ, свое отечество — странствуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные Океаны, чтобы наконецъ очутиться опять на милой своей родинѣ, и сказать: „щастливъ, щастливъ тотъ, кто умираетъ, гдѣ родится!„

Натура и сердце — вотъ, гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять небо пристрастіемъ. Не всѣмъ можно завоевать *Индію*; не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ бли-

стать въ свѣтѣ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ *Бразиліи*; слѣдственно не въ лаврахъ *Александра*, не въ миртахъ *Алцибіяда*, не въ сокровищахъ *Крезовыхъ* заключило небо возможное щастіе для смертныхъ. Но для всякаго природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ матерinскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, сѣмейство, друзей: вотъ истиное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Мелод. Философія твоя довольно утѣшительна; только ей не многіе повѣрятъ.

Филал. Думаю; но истинна останется въ своей цѣнѣ — истинна, что всѣ особенныя, случайныя, искусствен-

ныя удовольствія не стоятъ общихъ природныхъ; и что можно быть щастливымъ и нещастливымъ во всѣхъ состояніхъ, тѣмъ и другимъ отъ себя, отъ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнію, отъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца. Натура позволяетъ искусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя и самыя живѣйшія раздаетъ она сама — Царица.

Мелод. Положимъ, что во всякомъ состояніи человѣкъ можетъ найти розы удовольствія; но гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться отъ терній горестей, отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнію?

Филал. Существенныхъ бѣдствій въ самомъ дѣлѣ очень не много: тѣлесное страданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего вообразить не умѣю. Трезвость, умѣренность можетъ насъ предохранить отъ болѣзней; а честная, моральная, благоразумная жизнь отъ темницы. Ты скажешь, что самые трезвые люди бываютъ подвержены болѣзнямъ, самые добродѣтельные заключаются иногда въ цѣпи: согла-

сись, что это чрезвычайность. Въ такомъ случаѣ остается намъ терпѣть, надѣяться и взирать на небо, гдѣ живетъ нашъ общій, нѣжный Отецъ. Онъ видитъ страданіе дѣтей своихъ, и не позволитъ ему превзойти мѣру терпѣнія. Къ тому же. . . ты удивишься, но я скажу по чувству души моей. . . скажу, что въ самомъ нещастіи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогать болѣзнь тѣлесную; покойною ясностію совѣсти освѣщать мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, кротковосхитительное. . . *Минихъ*, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ занесенной снѣгомъ, благодарилъ небо за твердость души своей, и проливалъ слезы умиленія, которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. . . О какихъ другихъ нещастіяхъ будешь говорить мнѣ? о бѣдности? Но у меня есть руки и сердце: я найду себѣ пропитаніе, найду удовольствія, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи. Сколько людей съ потерею имѣнія выучились наслаждаться жизнію, собою, своими душевными и тѣлесными силами, гораздо болѣе, нежели прежде?

Повѣрь, другъ мой: мы, мы сами составляемъ тысячу отравъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непрiятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствiями. Я видѣлъ N., погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ Вельможа взглянулъ на него косо. — Стихотворецъ М. едва не бросился въ воду отъ того, что одинъ строгой Журналистъ нашелъ въ его стихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такiе люди имѣютъ ли право винить натуру и судьбу человѣческую? Ихъ мученiе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли назвать его бѣдствiемъ, неразлучнымъ съ жизнiю?

Мелод. Но лишиться того, что дѣлало меня истинно щастливымъ, не есть ли бѣдствiе? На примѣръ, ты самъ говоришь, что для благополучiя жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ. . .

Филал. Горесть тогда необходима; но она есть для души то же, что болѣзнь для тѣла: душа всячески стремится выйти изъ такого чрезвычайнаго положенiя, и наконецъ выходитъ. Не

только безконечная, но и продолжительная горесть не естественна, вопреки всѣмъ Піитическимъ Элегіямъ. Природа милостивѣе Стихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность, но въ ея лексиконѣ нѣтъ этова слова. Видя оскорбленную нѣжность, она тотчасъ посылаетъ къ ней лѣкаря (время), которой извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горесть, глубокая, истинная горесть есть чрезвычайной феноменъ: рѣдко дѣлаетъ она людей нещастливыми. Но обыкновенной бичь сердца есть *дурной нравъ* и скука.

Мелод. Что разумѣешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

Филал. Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ беспокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ, отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинной Философъ или (что все одно) истинно благоразумной человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою, ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ се-

бя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состоянїе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои прїятности и непрїятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя никому; знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ такїя чувства, и дурной нравъ перестанетъ темнить предметы вокругъ насъ!

Мелод. А какое лѣкарство предпишешь отъ скуки?

Филал. Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, которые выходятъ изъ подъ закона естественнаго. Натура даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; готовитъ, такъ сказать, для жизни человѣческой только первые матерїялы, чтобы мы сами ихъ обработывали. *Трудись, живи и наслаждайся:* есть ея предписанїе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему, работаетъ и не знаетъ скуки. Но люди, рожденные въ изобилїи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытїя, люди праздные живутъ противъ своего назначенїя, противъ есте-

ственной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ беспокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ природѣ и произвольно отдаться подъ ея законъ, которой велитъ *жить и работать*. Всякой занимайся чѣмъ нибудь; избери для себя должность въ общежитіи, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую нибудь пользу, такъ какъ натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствія, и безъ будней нѣтъ праздника. Употребивъ на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими физическими и душевными силами, всякой день дышетъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты натуры, изящ-

ныя искусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою.

Мелод. Ты говоришь, что во всякомъ состоянiи можно быть щастливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственной волѣ, естьли бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребiи?

Филал. Самое ближайшее къ природѣ: состоянiе независимаго земледѣльца, которой умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанiя, но и нѣкоторыя удобности въ жизни; могъ бы имѣть свѣтлую хижинку, маленькой садикъ, умъ для вниманiя къ премудрымъ дѣйствiямъ натуры и чувствительное сердце для любви къ малымъ дѣтямъ и вѣрной подругѣ. Но какъ, по теперешнему учрежденiю гражданскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искать такихъ земледѣльцовъ: то самое лучшее есть для меня среднее состоянiе, между изобилiемъ и недостаткомъ, между знатностiю и униженiемъ — твое, мое. Смотря на великолѣпныя палаты, думаю: „здѣсь сердце слишкомъ изнѣ-

„жено для сильнаго наслажденія!„ Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ: „здѣсь чувство слишкомъ грубо для нѣ-„жныхъ наслажденій!„ Но красивой, чистенькой домикъ всегда представляетъ моему воображенію картину возможнаго щастія. Тамъ, кажется мнѣ, живетъ дружба, спокойствіе и душевная веселость; тамъ умѣютъ наслаждаться природою, искусствомъ и всѣми истинными земными благами.

Мелод. Еще одно возраженіе: можетъ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмъ нибудь тогда, какъ вокругъ его свирѣпствуютъ развращенныя страсти, порокъ и злоба? Ты оправдываешь натуру, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитъ насъ, въ основаніи своемъ нужны и хороши; но къ чему же люди обращаютъ ихъ? . . . Могу ли я, на примѣръ, восхищаться великолѣпною картиною утра и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетъ милліоны извергов̂ъ, которые въ теченіе дня будутъ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неосторожныхъ, чувствительныхъ? . . . Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ; стремлюся къ

нимъ душею. . . . . но встрѣчаю злодѣевъ, и долженъ ихъ ненавидѣть. Одна эта мысль не есть ли горькая отрава для всѣхъ удовольствій добраго сердца?

Филая. Любезный другъ! чернить нравственной міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почитаютъ Философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало. Заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи: вотъ причина дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть щастливымъ и добрымъ, или быть щастливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть чрезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которыя вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочной боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непрія-

телемъ: и такъ окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть щастливымъ? Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только *ошибкою*, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть нещастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти. Совершенной злодѣй, или человѣкъ, которой любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная Пїитическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище внѣ природы, существо неизъяснимое по естественнымъ законамъ.

Вотъ мое заключенїе, вся моя система въ короткихъ словахъ: „Возможное земное щастїе состоитъ въ дѣйствїи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку, въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на природу, въ хорошемъ употребленїи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденїе также не возможно, какъ безпрестанное движенїе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ душу для чувства новыхъ удовольствїй. Быть

„щастливымъ есть быть вѣрнымъ испол-
„нителемъ естественныхъ мудрыхъ за-
„коновъ; а какъ они основаны на общемъ
„добрѣ и противны злу, *то быть ща-
„стливымъ есть быть добрымъ.*„

XI.

РАЗГОВОРЪ

О томъ, что всякой членъ общества необходимо долженъ служить ему, исполняя въ немъ обязанности гражданина и человѣка.

Réveille toi, Mortel, deviens utile au monde;
Sors de l'indifférence, où languiſſent tes jours.
Le temps fuit. Hâte toi. Demain la nuit profonde
T'engloutit pour toujours.

Thomas.

РАЗГОВАРИВАЮЩІЕ:

ПРАВОДУМЪ,
ОДИНОКОВЪ,
ДУРВИЛЬ.

Праводумъ и Одиноковъ.

Одиноковъ. Какъ я радъ, любезной Праводумъ! что тебя вижу. Давно искалъ я случаю говорить съ тобою; наконецъ. . .

Праводумъ. Что такое? безъ околичностей. — Я самъ не менѣе радъ нашему свиданью. Да и кто не радъ видѣть своего друга, видѣть того, съ кѣмъ можно говорить со всею искренностїю, можно раздѣлять горе и веселье, щастїе и нещастїе; кому можно открывать свои мысли, свои чувства, свои желанїя.

Одинок. Такъ, Праводумъ, я тебѣ открою свои мысли, свои чувства, свои желанїя. Будь повѣреннымъ души моей; наставь меня, естьли я заблуждаюсь.

Правод. Одиноковъ, съ которымъ Праводумъ вмѣстѣ родился, вмѣстѣ росъ, вмѣстѣ воспитывался; съ которымъ онъ въ самыхъ юныхъ еще лѣтахъ связанъ сталъ прїятнѣйшимъ узломъ дружбы — Одиноковъ можетъ требовать отъ меня всѣхъ услугъ.

(*Пожимая его руку:*) Говори, другъ мой, я готовъ сдѣлать все, что могу.

Одинок. Ты видишь, любезной Праводумъ, что я, подобно тебѣ, начинаю выходить изъ дѣтства; — я росту не только тѣломъ, но и духомъ. Новыя свѣдѣнія питаютъ мой разумъ, новыя чувства раждаются въ моемъ сердцѣ: я начинаю *мыслить.*

Правод. Мыслить! — Мыслить есть благороднѣйшее упражненіе; есть то, что человѣка дѣлаетъ человѣкомъ; однако и мыслить — намъ не совсѣмъ безопасно. Незрѣлой плодъ бываетъ горекъ. Ну, далѣе —

Одинок. Начинаю сравнивать, разбирать, судить. На все смотрю я другими глазами, на все обращаю свое вниманіе. Но люди, но общественная жизнь, обязанности, обыкновенія — чаще и болѣе, нежели что другое, занимаютъ мои мысли. Не рѣдко я помышляю и о томъ, что не все буду такъ жить, какъ теперь; что скажутъ мнѣ, и можетъ быть скоро: *тебѣ надобно избрать должность и вступить въ службу; долгъ и честь того требуетъ.*

Правод. Ну что жъ? ты вступишь въ службу. Знатность твоего рода даетъ тебѣ право на высокія степени; а твои дарованія и способности, твой просвѣщенной разумъ, твое благородное и чувствительное сердце, твердость твоего духа суть вѣрнѣйшіе поруки, что ты вездѣ отличишься. На полѣ славы ты будешь Герой; въ храмѣ Ѳемиды — Поборникъ истинны, при дѣлахъ Государственныхъ — прозорливый Министръ, у самаго престола будешь ты стоять прямо, и всегдашнимъ твоимъ языкомъ будетъ правда. Ты вездѣ принесешь пользу.

Одинок. Видно, ты худо меня знаешь, Праводумъ, когда такъ судишь!

Правод. Что бы это значило?

Одинок. Я буду Героемъ, я буду защитникомъ истинны; буду прозорливымъ Министромъ и поборникомъ правды у престола Царей! — — Такъ, такъ; но это развѣ тогда, когда Москва рѣка вверьхъ пойдетъ.

Правод. Какъ! ты не хочешь служить отечеству, ты хочешь остаться въ праздности, въ бездѣйствіи? — Самое благородное намѣреніе!

Одинок. Не обвиняй меня, Праводумъ, не выслушавши. Разсмотримъ сперва —

Правод. И такъ у тебя есть причины?

Одинок. Есть, Сударь, и можетъ быть важнѣйшія, нежели ты думаешь.

Правод. Изрядно. . .

Тѣ же и Дурвиль.

Дурвиль. (*Подходя съ поспѣшностію:*) Слуга покорнѣйшій. (*Кланяется и шаркаетъ.*) Я безъ памяти бѣжалъ сюда, чтобы раздѣлить съ вами восторги свои. Вчера купилъ я пару Англинскихъ лошадокъ. Что за лошади! величавы, статны, красивы и въ быстротѣ не уступаютъ птицѣ. Я теперь только отъ нихъ; облеталъ всю Москву, и не осталось ни одной улицы, ни одного переулка и перекрестка, которой бы не видалъ новаго Фаэтона. Ха! ха! ха! только этотъ новой Фаэтонъ чуть было не задавилъ дряхлой

старушонки. Ништо ей, старая хрычовка! Не ходи тамъ, гдѣ мнѣ нуженъ просторъ. А кафтанчикъ на мнѣ каковъ? (*Повертывается.*) Самъ Кроль (*) изволилъ трудиться. — Что вы скажете о моихъ пряжкахъ, о моихъ башмакахъ? (*Выставляетъ ноги*) . . . Ну, Господа, не въ самомъ ли послѣднемъ вкусѣ я одѣтъ? — Ба! вы оба молчите, оба такъ серїозны; видъ вашъ показываетъ такое глубокомыслїе — я парирую своихъ лошадей, что вы до меня разсуж. . .

Правод. Нѣтъ, Г. Дурвиль, ничего; мы только на васъ засмотрѣлись. Вы совершенная картина, или совершенная. . . .

Дурв. О! много чести, много чести, Государь мой. Только я никакъ не могу повѣрить, чтобы Праводумъ и Одиноковъ, будучи одни, захотѣли говорить о пустякахъ: нѣтъ, это быть не можетъ. Признайтесь, Г. Мудрецы, что вы разсуждали о чемъ нибудь важномъ, и я очень жалѣю, что помѣшалъ вамъ — пардонъ, пардонъ!

(*) Имя портнова.

Одинок. Не безпокойтесь, Г. Дурвиль. Это правда, что мы до васъ говорили кое-о-чемъ; но вить мы и теперь можемъ продолжать свой разговоръ. Вы намъ не помѣха.

Дурв. Прекрасно! это долженъ быть самой ученой разговоръ, (*ироническимъ тономъ*:) и по крайней мѣрѣ — *о множествѣ міровъ*?

Одинок. Нѣтъ, Сударь, это слишкомъ высоко; опуститесь не много пониже.

Дурв. Ну, такъ *о безсмертіи души*?

Одинок. Все не то; еще извольте спуститься градусовъ на пять.

Дурв. Тьфу пропасть! такъ о чемъ же? Конечно *о верьховномъ благѣ*? или. . .

Правод. Я вижу, что вамъ никогда не угадать. Вы все берете свысока; а мы говорили о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

Дурв. А о чемъ бы это — смѣю ли спросить?

Правод. О людяхъ, съ которыми мы живемъ; о взаимныхъ нашихъ другъ

къ другу обязанностяхъ; и о томъ, что намъ скоро надобно избрать родъ службы и вступить въ должность.

Дурв. (*Съ посиѣшностїю:*) Вступить въ должность! прекрасно! Я сочту того первымъ глупцомъ въ свѣтѣ, кто съ вами согласится.

Правод. И не мудрено, Г. Дурвиль! Вы такъ здраво разсуждаете! — Да вотъ и Г. Одиноковъ такого же мнѣнїя.

Дурв. И Г. Одиноковъ? Браво! (*Подвигается къ нему ближе и становится съ нимъ рядомъ.*) Соединимъ силы свои, ударимъ вмѣстѣ на своего противника, пустимъ въ него тучу стрѣлъ, и заставимъ его признаться, что онъ ошибается.

Одинок. Не горячитесь, Г. Дурвиль! — Правда, я съ вами согласенъ, что не надобно вступать ни въ какую должность; но у меня причины, а у васъ другїя; или лучше сказать, мы въ этомъ, думаю, такъ другъ отъ друга далеки, какъ Москва отъ Перу.

Дурв. Тьфи! какъ вы важны, Г. Философъ! Да мнѣ нѣтъ нужды до ва-

шихъ причинъ; для меня и своихъ довольно. Молодому человѣку нашего состоянія вступить въ должность, то есть ввязаться въ дѣла, трудиться, хлопотать, не досыпать ночей, и не знать, въ чемъ проводить то драгоцѣнное время, которое дано намъ единственно для забавъ и увеселеній — о! это прекрасная находка! Тотъ долженъ быть совершенной сумазбродъ, кто взвалитъ себѣ на спину тягость, не будучи никѣмъ принуждаемъ, и не имѣя въ томъ ни малѣйшей надобности. Нѣтъ, нѣтъ; благодарю покорнѣйше. Пусть носитъ эту тягость тотъ, кому ѣсть не чего; а у меня, кажется, четыре тысячи душъ, да сверьхъ того. . . .

Правод. Довольно, Г. Дурвилъ; не изволыпе распространяться. Причины ваши извѣстны. Въ самомъ дѣлѣ вамъ не для чего вступать въ должность, да правду сказать и не когда. Вы, думаю, и не видите, какъ время летитъ. Визиты, балы, маскерады, клобы, спектакли не даютъ вамъ чай опомниться.

Дурв. Совершенная правда. Вы такъ вѣрно расчислили мои упражненія, какъ

будто камердинеръ мой далъ вамъ всему тому роспись. Повѣрите ли, Господа, я возвращаюсь домой въ 3 и 4 часа по полуночи, за то ужъ принужденъ спать до 2 часовъ за полдень. Лишь только проснусь, первой визитъ дѣлаю Англинскимъ своимъ лошадямъ и борзымъ собакамъ. Повидавшись съ ними, чешусь, убираюсь, лечу въ модной свѣтъ, и опять начинаю свою ролю. Когда жъ тутъ думать еще о должности?

Правод. Какая ужъ тутъ должность, Г. Дурвиль? — Вы разсуждаете прекрасно, и доказали неоспоримымъ образомъ, что я ошибаюсь. Ну, теперь посмотримъ, что скажетъ намъ Г. Одиноковъ. (*Ироническимъ тономъ:*) Только я напередъ знаю, что его доказательства передъ вашими ничто. Какъ бы то ни было однакожъ, выслушаемъ его, Г. Дурвиль.

Дурв. Со всею охотою. Я не изъ числа тѣхъ скучныхъ людей, кои сами болтая безумолку, не даютъ другимъ рта разинуть. Я столько жъ люблю слушать, какъ и говорить.

Правод. Ну, любезной Одиноковъ, начинай. Ты сказалъ, что у тебя есть причины и очень важныя. Посмотримъ, какія бы это?

Одинок. И ты не знаешь ихъ, Праводумъ?

Правод. Не знаю. Какъ могу я знать твои причины?

Одинок. Такъ взгляни жъ со мною внимательными глазами на человѣка. — (*Помолчавши:*) Жизнь его кратковременна. Она проходитъ, и не оставляетъ по себѣ слѣда. Жизнь его кратковременна, и большая часть ея протекаетъ въ горести и страданїяхъ. Болѣзни, бѣды и напасти суть неразлучные почти ея спутники. Рѣдко щастїе посѣщаетъ насъ; рѣдко сердечная улыбка показывается на лицѣ нашемъ. А естьли такъ; естьли мы осуждены въ подлунномъ мїрѣ семъ воздыхать; естьли почти вся жизнь наша проходитъ въ неизбѣжныхъ мученїяхъ — въ мученїяхъ, которыхъ мы никакими средствами отвратить не сильны; естьли это такъ: то скажи мнѣ, Праводумъ — ты, которой всегда любилъ правду — не безразсудно ли бъ было хо-

тѣть добровольно увеличивать сумму своихъ беспокойствъ, принимая на себя какую нибудь должность? Ибо ты по крайней мѣрѣ согласишься со мною, что всякая требуетъ времени, вниманія, труда; всякая сопряжена съ пожертвованіемъ нѣкоторыхъ удовольствій, а часто и спокойствія. — (*Помолчавши*:) И безъ того много у насъ заботъ и попеченій, мы собственныхъ своихъ дѣлъ почти не можемъ исправлять; на что жъ намъ мѣшаться еще въ чужія?

Дурв. Охо! хо! это ужъ не по моему. Онъ говоритъ, какъ добрая книга. Вотъ тутъ-то прошу побесѣдовать, Г. Праводумъ.

Правод. (*Внимательно смотря на Одинокова*:) Ты разсуждаешь хорошо, хорошо; однако посмотри, нѣтъ ли въ Философскомъ твоемъ магазинѣ еще чего нибудь, что бы ты могъ сказать въ свою пользу.

Одинок. Думай, какъ хочешь; я держусь твердо своего мнѣнія. — Немного спокойныхъ минутъ найдется въ нашей жизни; но тѣмъ должны онѣ быть для насъ драгоцѣннѣе. Употребимъ ихъ съ пользою: будемъ жить для

себя. Пускай другіе гоняются за призракомъ славы, и за пустыя типла платятъ потомъ и кровью: я смѣюсь имъ.

Правод. Не здѣсь ли кончатся твои доказательства?

Одинок. Нѣтъ, Сударь, не здѣсь. Естьли мало того, что уже сказано; то посмотримъ еще на людей съ другой стороны, то есть, на людей въ общественномъ состояніи. Не страсти ли суть главнѣйшею пружиною ихъ дѣйствій и поступокъ? Не предразсудки ли ими владычествуютъ? Не вездѣ ли гордость и самолюбіе имѣютъ свои олтари? Не вездѣ ли корысть пишетъ законы? Ласкательство и низость не берутъ ли преимущества надъ праводушіемъ, искренностію, прямымъ благородствомъ духа и истинными достоинствами? Вотъ пышная картина общественной жизни! — И мнѣ взять на себя должность? Мнѣ итти въ службу — мнѣ, котораго душа отвращается всякой несправедливости, всякаго презрѣннаго поступка? Мнѣ участвовать въ отправленіи дѣлъ общественныхъ тамъ, гдѣ терпѣть не могутъ правды, гдѣ зависть преслѣдуетъ достоинства, и гдѣ истин-

ная заслуга часто не имѣетъ насущнаго хлѣба — хлѣба, Праводумъ, для подкрѣпленія бытія своего. (*Съ жаромъ*:) Ахъ, другъ мой! ты знаешь меня, ты знаешь, что я пламенно люблю отечество свое, и душевно радъ его блаженству; но служить ему — не могу. Сыщи такой постъ, гдѣ бы не должно было кривить душею, гдѣ бы не должно было ползать — и я готовъ, со всею охотою готовъ занять его.

Дурвиль смотритъ то на того, то на другаго съ удивленіемъ.

Правод. Признаюсь: задача твоя довольно важна. Можетъ быть я и могъ бы сказать тебѣ что нибудь на это; но не хочу перерывать тебя. Ты послѣ скоро узнаешь мое мнѣніе, и доказательства мои, надѣюсь, не останутся безъ дѣйствія. Теперь положимъ покамѣсть, что ты правъ; что намѣреніе твое не вступать въ должность основывается на благоразуміи: — ну, скажи жъ, пожалуй, что ты хочешь изъ себя сдѣлать, и какой будетъ планъ твоей жизни?

Одинок. Я самъ не рѣдко объ этомъ думалъ, и выбралъ, кажется, лучшее. Деревня, другъ мой, деревня

будетъ мѣстомъ моего пребыванія; и естьли сердце меня не обманываетъ, то я найду въ ней щастіе. Оставлю городъ, оставлю пышность и великолѣпіе, гордость и честолюбіе за мною не послѣдуютъ; шумъ и общественныя волненія не станутъ меня тревожить; вопль и стонъ нещастныхъ, отъ голоду умирающихъ, не будетъ раздирать моего сердца. Все это покину я въ бѣлокаменныхъ стѣнахъ Москвы вашей. Книги, вѣрнѣйшіе, неразлучные мои друзья — однѣ книги будутъ дѣлить со мною время. Вотъ, любезной Праводумъ, что хочу я съ собою сдѣлать, и вотъ планъ моей жизни!

Правод. Планъ прекрасной!

Дурв. Но вмѣстѣ и самой чудной! (*Къ Одинокову*:) Я боюсь, чтобъ вы этакъ не вздумали удалиться въ какую нибудь каменную пещеру, и не сдѣлались бы затворникомъ.

Правод. Шутки на сторону — только ты право задумалъ что-то странное. Между тѣмъ, какъ многіе нашего состоянія люди боятся и подумать оставить городъ, и съ трудомъ могутъ прожить въ деревнѣ нѣсколько недѣль — ты....

Одинок. (*Съ поспѣшностїю:*) Оставимъ этихъ людей, Праводумъ. Это невольники, любящїе свое рабство, и полагающїе въ немъ единственное удовольствїе. Разсѣянная жизнь, шумныя собранїя, въ которыхъ непримѣтно пролетаетъ время; удобность насыщать свои страсти, безчисленные случаи блистать и ослѣплять наружностїю глаза невѣжъ — вотъ золотыя цѣпи, привязывающїя многихъ къ городскимъ стѣнамъ. Перестань же, другъ мой, удивляться, что я хочу итти не тою дорогою, какою большая часть ходитъ. Мои правила, мои склонности, мои чувства — мнѣ одному можетъ быть сродны, и деревня будетъ любезнѣйшимъ предметомъ моихъ желанїй.

Правод. Пусть и такъ, но скука...

Одинок. Скука! — Развѣ можетъ скучать мыслящее существо? Праводумъ! стыдись дѣлать мнѣ такого роду возраженїя. — Мнѣ скучать! Но развѣ природа опустѣла? Развѣ сводъ небесный не украшается болѣе тьмою блестящихъ свѣтилъ? Развѣ земля перестала покрываться зеленью? и цвѣты не испещряютъ болѣе луговъ? и развѣ

милліоны тварей — великихъ и малыхъ — не существуютъ уже на обитаемомъ нами шарѣ? Нѣтъ, Праводумъ, природа все та же. (*Помолчавши*:) Она преисполнена чудесъ, возвѣщающихъ славу великаго Зиждителя міра; — и естьлибъ жизнь наша продолжалась безчисленные вѣки, то и тогда бы не обозрѣли мы пространной области творенія, и любопытство наше ежеминутно бы находило себѣ новую пищу. Былинка, листочикъ, едва примѣтное насѣкомое — могутъ подать поводъ къ безконечнымъ размышленіямъ и привести въ недоумѣніе самой высокой разумъ. Что же величественныя и ужасныя явленія натуры? Что громъ, потрясающій основаніе горъ? молнія, раздирающая черныя тучи? дождь, шумящій изъ облаковъ? что они? Какія могутъ подать мысли и возбудить чувства? (*Помолчавши*:) Праводумъ! скажи, что благороднѣе разсматриванія природы, и гдѣ удобнѣе заниматься имъ, естьли не въ деревнѣ? —

Дурв. (*Про себя*:) Это мнѣ и въ мысль не приходило. Я самъ бываю иногда въ деревнѣ, только не съ книгами, а съ собаками, и не для раз-

сматриванія природы — о! нѣтъ, это не мое дѣло — а для того, чтобы вести войну съ зайцами и лисицами.

Правод. (*Къ Одинокову:*) Ты съ такимъ жаромъ говоришь, такими живыми красками описываешь любимые свои предметы, что я насилу могу выдерживать твою атаку, и начинаю бояться, чтобъ ты и меня не заставилъ послѣдовать своему примѣру. — Однако что еще скажетъ любезной мой пустынножитель?

Одинок. Шути, другъ мой, сколько хочешь; только мнѣ трудно перемѣнить свое расположеніе. (*Помолчавши:*) Я напередъ восхищаюсь, представляя мысленно, какъ я буду жить въ уединеніи. Вмѣстѣ съ зарею встану и пойду насладиться свѣжестїю утренняго воздуха. Въ ожиданіи солнечнаго восхода, сяду я на зеленомъ холмикѣ, и дамъ волю глазамъ своимъ перебѣгать отъ предмета къ предмету, и разсматривать картину пробуждающейся натуры. Когда жъ появится величественный Царь свѣтилъ и прольетъ жизнь и радость на все твореніе; когда

цвѣты подымутъ свои головки и пошлютъ ему въ даръ пріятнѣйшее благоуханіе; когда птички пѣніемъ своимъ начнутъ славить животворящій его приходъ: тогда, Праводумъ, духъ мой вознесется горѣ, и я въ благоговѣйномъ восторгѣ воспою хвалебную пѣснь великому Міроправителю. Жертва сокрушеннаго сердца будетъ ему благопріятна, и успокоевающій миръ снидетъ въ душу мою. Тутъ встану я, пойду ходить и наслаждаться. Ни одинъ предметъ не останется безъ моего вниманія; все будетъ доставлять пріятнѣйшую пищу моему сердцу и разуму. — Такъ пролетитъ первая половина дня. Обѣдъ мой будетъ умѣренной. Краткое отдохновеніе за нимъ послѣдуетъ. Вставши, пойду я въ поле, или на лугъ къ работающимъ поселянамъ. Буду смотрѣть, съ какимъ удовольствіемъ трудолюбивый земледѣлецъ собираетъ жатву, или ввѣряетъ сѣмена землѣ. Буду примѣчать, какъ онъ въ простотѣ сердца благодаритъ Посылающаго ни нивы его дождь и Оплодотворяющаго посѣвъ его; между тѣмъ, какъ гордой мудрецъ чаетъ видѣть недостатки въ природѣ, и къ

буйствѣ своемъ предписываетъ законы Непостижимому. А тамъ, когда день начнетъ склоняться къ вечеру, пойду я въ маленькой свой садикъ и займусь часа на два работою. А тамъ. . . . Но можно ли изчислить всѣ пріятности сельской жизни? Иногда я буду давать совѣты и наставленія простодушнымъ поселянамъ; иногда пойду навѣстить бѣдную семью, или томящагося въ болѣзни старца, или сына, огорченнаго потерею отца; раздѣлю съ ними скорбь ихъ, и облегчу ихъ участь, естьли буду въ состояніи. — — Такъ, другъ мой, такъ протекутъ дни мои. Смерть не страшна послѣ такой жизни. Я спокойно лягу въ нѣдра сырой земли, и на гробѣ моемъ напишутъ: *Здѣсь покоится прахъ любителя природы.* — — (*Помолчавши, съ восхищеніемъ:*) Къ вамъ, мирныя сельскія тѣни, убѣжище простоты и невинности! къ вамъ простираю свои объятія. Я вашъ: примите меня.

Удивленіе Дурвилево усугубляется.

Правод. Ну, насилу ты кончилъ. Я боялся дышать, чтобы не перервать твоего восторга. Прекрасно, любезной

мой Одиноковъ, прекрасно! Ты такъ живо, такъ плѣнительно описываешь уединенную деревенскую жизнь, что въ состоянїи всѣмъ вскружить головы.

Одинок. Опять шутки! Не стыдно ли тебѣ, Праводумъ?

Правод. Хорошо, станемъ же говорить не шутя. Теперь, кажется, мой чередъ?

Одинок. Думаю.

Правод. Я тебя слушалъ со вниманїемъ; обѣщаешь ли ты мнѣ то же съ своей стороны?

Одинок. Со всею охотою.

Правод. А естьли я разрушу твой воздушной замокъ, и выведу тебя изъ заблужденїя; то оставишь ли ты странное свое намѣренїе удалиться отъ свѣта?

Одинок. И на это согласенъ. Но посмотримъ. . . .

Правод. Что касается до вашихъ возраженїй, Г. Дурвиль; то это пыль и прахъ, которой съ паденїемъ замка Г. Одинокова самъ собою развѣется и исчезнетъ; и вы конечно долѣе упорствовать не станете?

Дурв. Я всегда уступаю тому, кто сильнѣе меня. Извольте начинать; я готовъ васъ слушать.

Правод. (*Къ Одинокову:*) И такъ къ дѣлу, любезной Одиноковъ. — Нелъзя не признаться, что доказательства твои имѣютъ видъ блистательной, но не все то хорошо, что блеститъ. Гнилое дерево свѣтится, но только въ темнотѣ. Подобнымъ образомъ и нѣкоторыя наши мнѣнія имѣютъ для насъ наружность привлекательную и правдоподобную. Поднеси жъ къ нимъ свѣчку здраваго разума, и увидишь — гнилое дерево. Не думай, чтобы это относилось только къ тебѣ. Я говорю вообще. Не думай также, чтобы я самъ не одобрялъ деревенской жизни и твоихъ объ ней мыслей. Ты въ самомъ дѣлѣ описываешь ее мастерски. Уединенїе хорошо, но не для всѣхъ; хорошо, но съ нѣкоторыми ограниченїями и выключенїями. То же можно замѣтить и о прочихъ твоихъ разсужденїяхъ и доказательствахъ. Но войдемъ въ нѣкоторыя подробности. — Не сказалъ ли ты, мой другъ, что ты любишь разсматривать природу?

Одинок. Это всегда составляло величайшее мое удовольствїе.

Правод. Очень хорошо. Теперь скажи мнѣ: при разсматриванїи твоемъ натуры не примѣтилъ ли ты, что въ ней все соединено неразрывнымъ союзомъ; что нѣтъ ни одной вещи не нужной; что всѣ онѣ подаютъ другъ другу руку помощи, и что всякая изъ нихъ — какъ бы она велика, или мала ни была — имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, свою пользу, свой кругъ дѣйствїя, свой конецъ? Вѣтры, на примѣръ, очищаютъ воздухъ; воздухъ содержитъ въ равновѣсїи воды; вода разливается, такъ сказать, по всѣмъ жиламъ земли, и уплодотворяетъ ее; огонь все живитъ и питаетъ, и все служитъ пищею огню.

Одинок. Совершенная правда. Въ этомъ никто спорить не можетъ.

Правод. Такъ не уже ли одинъ человѣкъ, сїе разумное существо, на коемъ сїяетъ печать безсмертїя, не уже ли онъ одинъ произведенъ въ мїръ безъ намѣренїя, и какъ бы случайно брошенъ на обитаемой нами шаръ?

Одинок. Кто жъ тебѣ это сказалъ? Я такъ далекъ отъ этой мысли, какъ *Сирїусъ* отъ той точки земли, на которой мы теперь стоимъ.

Правод. И такъ ты согласенъ, что и человѣкъ имѣетъ свою цѣль, свое опредѣленїе?

Одинок. Я всегда былъ такихъ мыслей. Опредѣленїе его благороднѣйшее. Оно состоитъ въ томъ, чтобы онъ безпрестанно упражнялъ дарованныя ему силы — чтобы *мыслилъ* и *дѣйствовалъ*.

Правод. Правда. Но скажи мнѣ: что естьлибъ солнце вздумало перемѣнить свое теченїе и заступить мѣсто луны, а луна бы заступила мѣсто солнца; или естьлибъ другїя тѣла небесныя захотѣли выйти изъ своихъ круговъ; либо естьлибъ вода перемѣнила сущность свою и начала бы жечь, а огонь бы началъ холодить — скажи мнѣ, Одиноковъ, что бы тогда произошло?

Одинок. Какъ это можно, Праводумъ!

Правод. Положимъ однакожъ для примѣра, чтобы это могло статься.

Одинок. Тогда бы естественно всеобщему смятенію и неустройству произойти надлежало.

Правод. А отсюда не слѣдуетъ ли заключить, что всякая вещь въ мірѣ должна непремѣнно дѣйствовать *такъ*, а *не иначе*?

Одинок. Неоспоримая правда. Мы и прежде то же сказали.

Правод. Тѣмъ лучше. Слѣдственно и человѣкъ долженъ дѣйствовать не случайно, не такъ, какъ ему вздумается; но сообразно съ тою цѣлію, которая ему предназначена, и въ томъ кругѣ, въ которомъ поставленъ онъ отъ Провидѣнія?

Одинок. И на это согласенъ.

Правод. Теперь ты самъ произнесъ собственный свой приговоръ. Скажи, не нарушаешь ли ты порядка, повсюду въ природѣ царствующаго, желая перемѣнить свое опредѣленіе; желая вступить совсѣмъ въ чуждый для тебя кругъ дѣятельности; желая отказаться отъ тѣхъ должностей, отъ тѣхъ обязанно-

стей, которыя необходимо долженъ ты исполнять, будучи рожденъ въ этомъ, а не въ другомъ состоянiи?

Одиноковъ задумывается и молчитъ.

Дурв. А, а! Г. пустынножитель! я вижу, что вы начинаете отступать, и готовы положить ружье.

Одинок. (*Къ нему:*) Нѣтъ, Сударь, къ этому не такъ-то легко меня принудить. (*Къ Праводуму:*) Признаться, ты завелъ меня въ *Дедаловъ* лабиринтъ, но я нашелъ *Арïаднину* нитку.

Правод. Я очень радъ; тѣмъ лучше для тебя.

Одинок. Ты говоришь, что всякая вещь въ мiрѣ должна дѣйствовать сообразно съ тою цѣлiю, которая однажды ей предназначена. Согласенъ. Но подумавши, нахожу, что человѣкъ изъ сего всеобщаго закона исключается. Онъ одаренъ разумомъ и волею: слѣдственно можетъ независимо располагать своими поступками, можетъ избирать лучшее, можетъ перемѣнять свое мѣсто и сферу своей дѣятельности, имѣя къ тому достаточныя причины.

Правод. Ты говоришь нѣкоторымъ образомъ правду; но то, что я сказалъ, все остается въ своей силѣ. Разумъ есть искра Божества, и всѣ его внушенія — когда онъ чистъ и неповрежденъ, когда страсти и предразсудки имъ не владычествуютъ — должны мы принимать за гласъ божественный. Но коль рѣдкіе слышатъ сей небесный глаголъ! Мы всегда почти повинуемся испорченной своей волѣ; и тамъ наипаче, гдѣ думаемъ совершенно быть правы, тамъ-то мы и заблуждаемся.

Одинок. Какъ! не уже ли жъ тѣ причины и доказательства, на коихъ утверждаюсь я, ничего не стоятъ?

Правод. Выди изъ заблужденія, Одиноковъ. Вся твоя Философія, всѣ умствованія твои суть не иное что, какъ — гнилое дерево, свѣтящееся только въ темнотѣ. Ты говоришь, что не надобно вступать въ должность для того: *что жизнь кратковременна и преисполнена горестей; что у насъ и своихъ множество заботъ и попеченій*, и *что безразсудно мѣшаться еще въ чужія дѣла*. Ахъ, другъ мой! вѣсилъ ли ты на вѣсахъ здраваго разума эти

слова. Разсуждалъ ли когда нибудь о слѣдствіяхъ, отсюда происткающихъ? Скажи мнѣ, что бы было, естьлибъ всѣ люди въ этомъ случаѣ согласно съ тобою думали? На что бы тогда Государю, пріявъ тяжкое бремя правленія, бодрствовать день и ночь, и непрестанно пещися о благѣ своего народа? — На что бы Воину, оставивъ любезную отчизну, нести грудь противъ шумящихъ ядръ, и проливать кровь свою для того, чтобы мы спокойно могли здѣсь разговаривать? — На что бы Судьѣ мечемъ правосудія поражать преступника, нарушившаго общую тишину и устройство? — На что бы великимъ онымъ Геніямъ, просвѣтителямъ рода человѣческаго, въ уединенныхъ сѣняхъ, при свѣтѣ тихой лампады, предаваться размышленію, и твореніями своими устроять блаженство вселенной? На что бы?... Но этого не довольно. Естьлибъ всѣ люди согласно съ тобою думали: то не было бы ни домовъ, ни селеній, ни городовъ, ни наукъ, ни тѣхъ прекрасныхъ искусствъ и художествъ, кои доставляютъ намъ тысячи выгодъ и пріятностей, и облегчаютъ бремя жизни нашей. Люди, подобно

дикимъ звѣрямъ, скитались бы по лѣсамъ и укрывались въ пещерахъ. И что бы было съ тобою, съ тобою, любезный мой Одиноковъ, естьлибъ при рожденіи твоемъ оставленъ ты былъ самому себѣ, и естьлибъ чуждая рука не поддержала слабаго бытія твоего? — Вотъ, другъ мой, куда заводятъ насъ незрѣлыя наши разсужденія!

Одинок. (*Съ смущеніемъ:*) Ахъ, любезной Праводумъ! я стыжусь самъ себя, чувствую силу твоихъ разсужденій; но. . . .

Правод. Понимаю. Ты борешься съ предразсудками своими, и не можешь еще преодолѣть ихъ. — *Какъ съ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ тамъ, гдѣ царствуетъ порокъ и окаменѣлость, и какъ одолжать неблагодарныхъ? Это сущая невозможность!* — Такъ думаешь ты; но не такъ думали *Сократы*, не такъ думали *Аристиды* и *Камиллы*, когда они въ темницѣ, въ узахъ, въ изгнаніи любили неблагодарныхъ своихъ соотечественниковъ, благословляли своихъ гонителей, и пламенно желали ихъ блаженства. За то

они безсмертны; за то слава ихъ сіяетъ изъ глубины древности, какъ солнце съ тверди небесной. Последуй ихъ примѣру. Отъ нихъ научись, что добродѣтель тогда только *добродѣтель*, когда она испытуется противностями и остается непоколебима. И что бы было, естьлибъ она удалилась отъ среды людей, и оставила бы торжествовать дерзновенной порокъ? Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ. Вооружись всею бодростію своею, и приготовь себя къ мужественному прехожденію предлежащаго тебѣ поприща. Быть можетъ, что *неблагодарность* тебя ожидаетъ. Но смотри: не поминутно ли мы прогнѣвляемъ Небеснаго нашего Отца; однакожъ онъ не отъемлетъ отъ насъ свѣта своего, и посылаетъ намъ плоды земные. Лучше одолжить *тысячу* неблагодарныхъ, нежели пропустить случай сдѣлать добро *одному*, достойному вспоможенія. И пусть оскорбляетъ тебя неблагодарность; ты тѣмъ будешь еще больше: съ тобою останется твоя добродѣтель, Богъ твой. — Притомъ надобно тебѣ сказать, что ты смотришь на людей слишкомъ мрачнымъ окомъ. Число добрыхъ не такъ мало, какъ ты дума-

ешь; но они не столько примѣтны. Скромность сопровождаетъ всѣ ихъ поступки, между тѣмъ, какъ кичливой порокъ дерзновенно возвышается. Вездѣ есть благотворныя души, вездѣ есть чувствительныя сердца, вездѣ найдешь ты людей, приверженныхъ ко благу общему. . . .

Одинок. Довольно, довольно, Праводумъ. Я начинаю видѣть свое заблужденїе, и благодарю тебя отъ всего сердца. (*Помолчавши:*) Простите, сладостныя мечты, толь долго обольщавшїя мое воображенїе и восхищавшїя мое сердце! Прости, любезное уединенїе: я тебя не увижу. . . .

Правод. Ты увидишь его, Одиноковъ. — Когда, исполнивъ долгъ званїя своего, посѣтишь ты мирныя сельскїя поля, лѣса и рощи, въ которыхъ нѣкогда отдыхали знаменитые предки твои: то они покажутся тебѣ еще любезнѣе, еще восхитительнѣе. Духъ твой успокоится тамъ отъ трудовъ и подвиговъ, въ служенїи отечеству подъятыхъ, и укрѣпится новою бодростїю. — Теперь ты видишь, что и я признаю пользу уединенїя, а только не одобряю

злоупотребленія его. Удалиться навсегда отъ общества, чтобы влачить въ неизвѣстности и бездѣйствіи жизнь свою — не то ли же есть, что перестать жить?

Одинок. (*Съ горестнымъ, сердечнымъ чувствомъ*:) По крайней мѣрѣ на что обижать меня, Праводумъ? На что обижать мое сердце, когда виноватъ только мой разумъ? Не сказалъ ли я, что —

Правод. Что ты будешь жить въ неизвѣстности, но не въ бездѣйствіи; что и тамъ найдешь ты, чѣмъ заняться. . . а! не правда ли? Но, любезный Одиноковъ, не довольно сдѣлать въ жизни что нибудь, надобно сдѣлать все, что можемъ; надобно употребить всѣ данные намъ таланты, не скрывая ни одного; надобно исчерпать — естьли позволено такъ сказать — всю мѣру своего разума и сердца. Никакія беспокойства не должны казаться намъ тяжкими, никакія препятствія не должны насъ останавливать. Да и что бы было, естьлибъ мы довольствовались только исполненіемъ того, что согласно съ нашимъ желаніемъ, съ нашею склонностію;

или что не стоитъ намъ никакихъ усилій, не будучи сопряжено ни съ какими трудностями, пожертвованіями? Что естьлибы *Великій Петръ*, страшась бремени Царскаго сана и предстоявшихъ ему отовсюду опасностей въ исполинскомъ его теченіи, отрекся престола и захотѣлъ бы остаться простымъ подданнымъ, или быть, на примѣръ, только Министромъ? . . . Конечно, онъ бы сдѣлалъ много пользы; но Россія, Одиноковъ, Россія до сихъ поръ осталась бы можетъ быть погружена въ уничижительномъ снѣ, покрыта мракомъ невѣжества и какъ бы погребена въ ничтожествѣ. — Или естьлибы *Суворовъ-Рымникскій*, отложивъ тяжкій жезлъ военачальства, вздумалъ служить простымъ воиномъ? . . . Пускай былъ бы онъ чудомъ храбрости; но повергъ ли бы онъ Царства къ стопамъ *Екатерины*? и съ именемъ ПАВЛА спасъ ли бы милліоны, воздвигъ ли бы поверженные олтари, и Царей посадилъ ли бы на престолы? — Любезный Одиноковъ, еще повторяю: мы должны сдѣлать въ жизни все, что можемъ; а можемъ только въ своемъ кругѣ, на своемъ горизонтѣ, тамъ, куда призвало насъ Небесное опре-

дѣленіе. — (*Помолчавши:*) *Въ уединеніи ты бы облегчалъ участь страждущихъ, отиралъ бы слезы нещастныхъ...* Другъ мой! истинно неустрашимый воинъ не тамъ сражается, гдѣ менѣе опасности; но тамъ, гдѣ смерть свирѣпѣетъ, гдѣ земля трепещетъ, гдѣ текутъ кровавыя рѣки. И прямой другъ человѣчества, прямой благотворитель нещастныхъ не уединеніе, не тихія сельскія кущи, надъ коими бѣдствіе не такъ еще отяготѣло, изберетъ театромъ своей дѣятельности; но городъ, обширную сцену общежитія и — страданій, гдѣ, по словамъ твоимъ, *вопль и стонъ нещастныхъ, отъ голоду умирающихъ, раздираютъ доброе сердце.* Здѣсь, на семъ полѣ безсмертныя славы, ратуетъ Герой чувствительности и добродѣтели; здѣсь подвизаетъ онъ всѣ силы свои на спасеніе страждущихъ братій своихъ, и представляетъ собою зрѣлище, достойное вниманія Небожителей. Помнишь, Одиноковъ, мы вмѣстѣ съ тобою удивлялись *Говарду.* Но скажи, въ пустынѣ ли, въ лѣсахъ ли искалъ онъ случаевъ благодѣтельствовать? Нѣтъ: какъ Богъ нѣкій сошелъ онъ въ темницы, въ мѣста ужаса и

страданій, гдѣ человѣчество готово, кажется, испустить послѣдній болѣзненный вздохъ свой — и тамъ пролилъ отраду и утѣшеніе. — — (*Помолчавши:*) *Я буду въ тишинѣ сельской разсматривать природу*, говоришь ты еще. Повѣрь, другъ мой, что точное исполненіе своихъ обязанностей благоугоднѣе Небесному нашему Отцу, нежели безплодное разсматриваніе дѣлъ его. Оставимъ это разсматриваніе избраннымъ къ тому отъ самаго Провидѣнія умамъ. Тебѣ совсѣмъ другой назначенъ жребій. Жизнь твоя точка, между двухъ безднъ поставленная — между временемъ прошедшимъ и временемъ будущимъ. Да ознаменуется жъ она. . . . .

Одинокъ. Остановись, Праводумъ: ты торжествуешь. Каждое слово твое укоряетъ меня въ моемъ неразуміи. Я вижу истинну, и стыжусь своего заблужденія. Но вѣрь, вѣрь, что я не недостоинъ твоей любви, твоихъ наставленій. Всѣ чувства, всѣ мысли, всѣ дѣла, всю жизнь свою посвящаю я отнынѣ на служеніе человѣчеству, добродѣтели, отечеству. Ахъ! будь всегда

моимъ руководителемъ, моимъ наставникомъ.

Правод. Я буду всегда твоимъ другомъ, не скрывай только отъ меня своего сердца. (*Молчитъ, смотритъ на Дурвиля, которой, кажется, погруженъ въ глубокую задумчивость; потомъ:*) Что-то скажетъ намъ теперь достойной ученичокъ *Эпикуровъ*, любитель разсѣянности, забавъ, веселостей — а!

Дурв. (*Какъ будто пробуждаясь:*) Пощадите меня, друзья мои. Чувствую, чувствую совершенно, что я до сихъ поръ ничѣмъ не отличался отъ Англинскихъ своихъ лошадей, и былъ не иное что, какъ гнилой членъ общества, лишняя тягость земли. Но клянусь вамъ: нынѣшній день сдѣлалъ меня совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Духъ истиннаго благородства пробуждается во мнѣ, и я чувствую довольно въ себѣ бодрости, чтобы итти по слѣдамъ вашимъ.

Правод. Не вы одни, много есть людей, кои всячески уклоняются отъ служенія отечеству, и вымыкиваютъ къ тому разныя причины, изъ которыхъ истинная всегда почти есть *желаніе*

провождать жизнь свою *въ нѣгѣ, праздности и бездѣйствіи*. Пожалѣемъ объ нихъ. Я сердечно радъ, что васъ обратилъ на путь правый. (*Съ чувствительностію беретъ ихъ обоихъ за руки.*) Теперь вы достойны знаменитаго своего происхожденія, достойны тѣхъ высокихъ степеней, которыя ждутъ васъ. Ступайте исполинскими шагами въ предлежащее вамъ поприще. Будьте Героями, будьте ревностными Патріотами. Отечество простираетъ къ вамъ свои объятія, Слава отверзаетъ вамъ храмъ свой, и Безсмертіе готово написать имена ваши на нетлѣнныхъ дскахъ своихъ. — (*Тутъ одинъ изъ разговаривающихъ читаетъ:*)

Цвѣти, отечество святое,
Сынамъ любезное, драгое!
Мы всѣ боготворимъ тебя,
И въ жертву принести себя
Для пользы твоея готовы.
Ахъ! смерть ничто, когда оковы
И стыдъ грозятъ твоимъ сынамъ! —
Такъ древле *Кодры* умирали,
Такъ *Леониды* погибали,
Въ примѣръ Героямъ и друзьямъ. —

Союзъ родства и узы крови
Не такъ священны для сердецъ,
Какъ святъ законъ твоей любови.
Оставитъ милыхъ чадъ отецъ,
И сынъ родителя забудетъ,
Спѣша отечеству служить;
Умретъ онъ — но потомство будетъ
Героя полубогомъ чтить.

ХОРЪ.

Цвѣти, отечество святое,
Сынамъ любезное, драгое!
Мы всѣ боготворимъ тебя,
И въ жертву принести себя
Для пользы твоея готовы,
Для пользы твоея готовы.

Конецъ.

ОШИБКИ.

Стран.	*Строк*	*Напечатано,*	*Читай.*
13.	21.	тѣло?	тѣло.
126.	18.	демисертилъ	демисерткль
128.	23.	ваше всего	выше всего
172.	27.	шолько	только
186.	22.	непріятностію	неопрятностію
242.	26.	ни нивы	на нивы